МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
Институт переподготовки и повышения квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук
Кафедра истории

З.С. Бочарова

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ 1920–1930-х гг. КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Учебное пособие

Москва
АИРО-XXI
2011

УДК 94(47-87)"1920/1930"(075.8)
ББК 63.3(2)612-362я72+63.3(2)613-362я73
Б86

Издается по решению учебно-методической комиссии ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:

А.В. Квакин, доктор исторических наук

М.Н. Мосейкина, кандидат исторических наук

Е.П. Серапионова, доктор исторических наук

Бочарова З.С.

Б86 Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-91022-152-3.

Настоящее учебное пособие представляет собой курс лекций, прочитанный слушателям кафедры истории ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова в 1995–2011 гг. Охвачены основные проблемы истории Зарубежной России 1920–1930-х гг. Предназначается для профессорско-преподавательского состава, докторантов и аспирантов, а также студентов ВУЗов. Материалы учебного пособия привлекут внимание широкого круга читателей, интересующихся историей России и российской эмиграции, миграциями, «русским миром».

ББК 63.3(2)612-362я72+63.3(2)613-362я73

ISBN 978-5-91022-152-3

СОДЕРЖАНИЕ

УЧЕБНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Наименование лекций	**Объем в часах**
***Лекции 1–2.* Вводная.**	**4**
1. Актуальность темы.	
2. Понятийный аппарат.	
3. Из истории российской эмиграции.	2
4. Историография темы. Источниковая база изучения темы.	2
***Лекции 3–4-5.* Формирование российской эмиграции.**	**6**
1. Пути исхода российских беженцев.	
2. Расселение беженцев: динамика, численность, география, центры.	2
3. Феномен Зарубежной России.	2
	2
***Лекции 6–7-8.* Правовое положение беженцев из России.**	**6**
1. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев.	2
2. Институты правовой защиты эмигрантов в странах-реципиентах.	4
***Лекции 9–10.* Русская церковная эмиграция.**	**4**
1. Канонические разногласия и раскол Русской Православной Церкви за границей.	2
2. Деятельность РПЦ в Зарубежье.	2
***Лекции 11–12–13.* Идейно-политический спектр российской эмиграции.**	**6**
1. Судьба политических партий за рубежом.	2
2. Пореволюционные идейные течения.	4
***Лекции 14–15.* Научная жизнь и ученые российской эмиграции.**	**4**
1. Организация академического сообщества.	2
2. Историческая мысль в Зарубежье.	2
***Лекции 16–17–18.* Сохранение национального самосознания: образовательная и культурная деятельность в Зарубежной России.**	**6**
1. Организация образования в российском Зарубежье.	2
2. Русская литература в изгнании. Всеэмигрантский литературный съезд.	2
3. Формирование единого информационно-культурного пространства: издательское дело, музеи, библиотеки, архивохранилища.	2
Итого	**36**

Лекции 1–2

ВВОДНАЯ

1. ***Актуальность темы.***
2. ***Понятийный аппарат.***
3. ***Из истории российской эмиграции.***
4. ***Историография темы.***
5. ***Источниковая база изучения темы.***

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ

Изучение истории российской эмиграции 1920–1930-гг. обусловлено масштабностью проблемы, массовостью и размахом миграционных процессов в XX веке, их влиянием на политику, экономику, гуманитарную сферу почти всех стран мира. Русскоязычное сообщество сегодня занимает по численности пятое место в мире, составляя значительную часть иностранцев, проживающих за рубежами своих государств. Российское руководство рассматривает «многомиллионную русскую диаспору – Русский мир – в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры», способствует «консолидации организаций соотечественников в целях более эффективного обеспечения ими своих прав в странах проживания, сохранению этнокультурной самобытности русской диаспоры и ее связей с исторической Родиной»[1].

Современный мир чрезвычайно зависим от миграционных процессов, которые стали неотъемлемой частью динамичного образа жизни нашего общества. В начале XXI в. 25 стран Европы увеличили свое общее население всего на 1,88 млн. человек. 90 % прироста обеспечила иммиграция.

Определять перспективы социально-экономического, демографического и политического развития практически любой стра-

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г.

ны невозможно без учета движений населения. Миграция выполняет важные функции перераспределения трудовых ресурсов, преодоления различий в уровне жизни, сближения, взаимопроникновения, взаимообогащения культур, влияет на демографическую ситуацию. Мобильность, в том числе территориальная, входит в набор обязательных качеств, которыми должен обладать современный успешный человек.

Отношение к миграциям различных государств и слоев населения далеко неоднозначно. При регулировании миграций в противоречие вступают две тенденции: соблюдение прав человека и гуманитарное вмешательство, с одной стороны, уважение национального суверенитета и невмешательство во внутренние дела каждой конкретной страны, с другой.

Сегодня особую актуальность, как для мира в целом, так и для России, приобрела проблема беженства. Мало кому известно, что современный международный режим по делам беженцев (international refugee regime) как особая отрасль права основывается на опыте послереволюционной эмигрантской волны, хотя и претерпел большие изменения. Именно в 1920-е гг. Лигой Наций был учрежден пост верховного комиссара по делам русских беженцев (1921); благодаря юристам-эмигрантам и общественным организациям были выработаны первые документы (соглашение (1928) и конвенция (1933) о регулировании статуса беженцев (русских и армянских).

Интеллектуальный и творческий потенциал российской эмиграции 1920–1930-х гг., влияние на культуру, науку стран-реципиентов, опыт самоорганизации, сохранения национального самосознания, создания «инфраструктуры» русского мира, взаимоотношений с инонациональной средой представляет особый интерес в силу своей значимости.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Прежде чем обратиться к истории российской эмиграции, следует определиться с терминологией.

Миграция «Migratio» – в переводе с латинского языка означает «переселение». Миграции различают внешние и внутренние. Нас интересуют внешние миграционные процессы. Их составляющие – *эмиграция* и *иммиграция*. «Immigrare» – вселяться, «emigrare» – выселяться. Второе значение термина «эмиграция» – обозначение совокупности эмигрантов, проживающих в той или иной стране. Используется еще термин *«диаспора»* (греч.), что значит «рассеяние»: устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в иноэтническом окружении вне своей исторической родины и имеющих социальные организации для развития и функционирования данной общности. По поводу этого термина в научной среде идут дискуссии.

Любой мигрант на территории чужого государства является иностранцем. Это может быть как иностранный гражданин, так и лицо без гражданства. Лицо, выехавшее из своей страны за рубеж на постоянное место жительства, становится *эмигрантом*. Прибывая не территорию иного государства, местными властями оно квалифицируется как *иммигрант*. До сих пор в законодательном плане практически в каждой стране есть свои особенности и критерии определения статуса «иммигранта». Более того, скажем в США, временный работник, срок пребывания которого в стране ограничен и заранее оговорен властями, получает неиммиграционный статус.

Различают ряд категорий иностранцев, находящихся в специфическом положении: беженцы и близкие к ним лица, получившие временное убежище и получившие политическое убежище. Они эмигрируют с целью обеспечения собственной безопасности.

Определение понятия *«беженец»* впервые появилось в июле 1922 г. на международной конференции в Женеве. Речь шла только о русских беженцах. В результате «русским беженцем» признавался беженец *«русского происхождения, не принявший никакого другого подданства»*. Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнило это понятие, и им считалось *«всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства»*. Статус беженца является специальным и индивидуальным. Оказание помощи таким лицам осуществляется на основе либо международ-

ных актов, либо национального законодательства страны, соответствующего международным документам. Современное определение утвердилось в международном праве после Второй мировой войны[2].

Большинством современных исследователей признано, что понятия эмигрант и беженец для 1920-х гг. сближаются. Правительства стран расселения российской эмиграции не делали между ними различий, равно как не дифференцировали термины «русский» и «российский».

Между тем идеологи эмиграции проводили разграничение между «беженцами» и «эмигрантами». Эту дифференциацию можно проследить по различным документам. Так, на заседании пражского Земгора в июне 1922 г. председатель И.М. Брушвит заявил, что потребность в этих определениях огромная. По его мнению, беженец – это «русский гражданин, стихийно выброшенный событиями с родины, часто не по своей воле, чутко прислушивающийся к событиям внутри нее и во вне и больно переживающий страдания родины и такие события, как Генуэзская и Гаагская конференции и разные торговые договоры» между Советской Россией и западными странами. «Эмигрант же – это человек, сознательно не приемлющий данного государственного строя и являющийся его активным противником». Отсюда делался вывод, что беженцы могут вернуться на родину, а остальные должны стать политическими эмигрантами[3]. Подобные акценты расставлены в записке «Нужды русских беженцев в Королевстве СХС» от 24 июля 1923 г., подготовленной одной из русских общественных организаций в КСХС и разосланной в российские дипломатические миссии (не советские). Речь шла о том, что в широкой поддержке нуждаются именно бе-

---

[2] Сегодня под беженцами понимаются лица, которые находятся вне страны своей гражданской принадлежности, опасаясь преследований по расовым, национальным, религиозным, политическим мотивам, в силу внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно расстроивших публичный порядок в стране или ее части, или же из-за своей принадлежности к той или иной социальной группе. Беженцы – люди, которые не могут или не хотят вернуться в страну. Беженцам предоставляются такие же права, какие предоставлены иностранцам // Конвенция и Протокол, касающиеся статуса беженцев. – Женева, 1996. С. 16.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7506. Оп. 1. Д. 71. Л. 457.

женцы. В то время как «эмигранты, т. е. люди, решившие навсегда покинуть Родину, выбравшие для этого страну, где имеется подходящая обстановка для приложения их сил, и выселившиеся в эту страну, предварительно реализовав все свое имущество», обладая высоким образовательным цензом, «действительно не встретили бы затруднений в своей попытке построить жизнь заново». В записке говорилось: «Но беженцы – не эмигранты; между ними и эмигрантами имеется огромное различие как психологическое, так и в смысле материальной подготовки к переселению и с точки зрения встречающих их на чужбине условий. Эмигрант смотрит вперед, беженец всей душой рвется назад, рассматривая свое пребывание за границей, как преходящий эпизод, не заслуживающий затраты всех сил и внимания. Эмигрант является за границу с твердой верой в будущее, верой, питаемой встречающей его благоприятной трудовой обстановкой, – беженец подавлен постигшей его материальной и нравственной катастрофой и неизбежно находится в состоянии душевной растерянности. Эмигрируют, как правило, лишь физически здоровые и нравственно крепкие люди, – среди беженцев, даже находящихся в возрасте полного расцвета сил, имеется не малое количество больных, нервно надорванных калек. Огромная часть беженцев бросила Родину буквально с пустыми руками, и это тем более тяжело должно было на них отразиться, что значительная часть их принадлежала в свое время к весьма обеспеченным слоям населения. Эмигрант сам выбирает страну переселения, – беженец оказывается там, куда загонит его судьба»[4]. Таким образом, понятие «беженцы» являлось более широким, чем «эмигрант», которое несло политическую нагрузку.

Определение понятия *«бесподданный» (апатрид)* в 1920-е гг. конкретизировалось, хотя известно было и ранее. В дореволюционном международном праве состояние бесподданства (apolid) считалось недопустимым, поскольку установилась практика равноправности подданных и иностранцев. Во многих государствах (Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Швейцария и др.) личный статут иностранца (его личная дееспособность, семейное и наследственное право) определялся в международной сфере его нацио-

[4] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 54 об.–55.

нальным законом, а не местожительством (domicil). Бесподданные, «эти международные бродяги», по меткому определению Лорана, могли пользоваться правами, с одной стороны, и были свободны от обязанностей, налагаемых на граждан государств, образуя, тем самым, привилегированный слой. Бесподданство считалось (и сегодня считается) недопустимым также в силу того, что «юридическое положение лица обуславливалось его юридической принадлежностью к известному государству на правах подданства ему»[5].

Однако это понятие не обязательно присутствовало в законодательствах всех стран. После Первой мировой войны вопрос о бесподданстве и юридическом положении бесподданных встал наиболее остро. Если раньше международно-правовая доктрина акцентировала внимание только на нежелательности бесподданства, то, становясь все более грандиозным по своим размерам, данное явление актуализировалось и в правовом пространстве. Юристы вырабатывали определение для многотысячной массы российских изгнанников. Особенно актуальным стал этот вопрос в конце 1920-х гг., когда, по истечении почти 10 лет находясь вне пределов родины, определение «русский беженец» к бывшим подданным Российской империи, с точки зрения юристов, следовало признать устаревшим. Высказывались даже претензии в адрес Лиги Наций, остановившейся в разработке вопроса на определении «русский беженец»[6]. Действительно, основу определения составило состояние бесподдандства[7], возникавшее двумя путями. Первый: лишение гражданства декретом ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. активных участников антибольшевистского движения и лиц, игнорировавших возникновение нового государства. Второй – утрата по личной инициативе политико-правовой связи бывших граждан СССР с государством. Значение установления этого понятия заключалось в отрицании за бесподданными их национального права

---

[5] *Уляницкий В.* Международное право. – Томск, 1911. С. 127–130.

[6] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 40.

[7] Сегодня юристы определяют «лицо без гражданства» (апатрид) как лицо, не являющееся гражданином данной страны и не обладающее соответствующими доказательствами, которые могли бы установить принадлежность его к гражданству какого-либо иностранного государства. Безгражданство возникает, когда лицо утрачивает свое гражданство и не приобретает нового // Большой юридический словарь. – М., 1997. С. 342.

(как добольшевистского, так и советского). Право местожительства признавалось субсидиарным источником для определения правового положения иностранца[8], заменявшим отсутствующее национальное право.

Ряд государств предоставлял некоторым эмигрантам *политическое убежище,* т. е. возможность неограниченное время пребывать на территории данного государства и пользоваться его защитой как лицам, покинувшим по политическим мотивам (убеждениям и общественно-политической деятельности) государство своей гражданской принадлежности[9].

Понятие *«Российское Зарубежье»* – трактуется как феномен внетерриториальной, «перемещенной» государственности, сложившийся самодостаточный и структурированный социум, признанный мировым сообществом. Это не просто более универсальное понятие (в отличие от недостаточно объемного – «российская эмиграция») охватывающее все группы выходцев из России (например, жителей территорий, которые в разное время при изменении границ отошли от России, военнопленных, интернированных, солдат экспедиционного корпуса, т. е. тех, кого к собственно эмигрантам причислить нельзя [10]). Оно несет более качественно глубокий содержательный смысл (см. историографический раздел и лекцию № 2).

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Переселение людей из одной страны в другую происходило во все исторические эпохи. Часто оно было орудием основания новых цивилизаций или распространения старых. Эмигрантское движение являлось причиной основания новых колоний и государств.

---

[8] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 41, 43, 45.

[9] Существует еще одна категория лиц, близких к беженцам – *лица, получившие временное убежище*. Они довольствуются лишь временным пребыванием (получают статус на срок до 1 года). Мера более нейтральная, чем предоставление политубежища.

[10] *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. С. 18.

Со становлением капитализма, связавшим мир в единое целое, эмиграция в современном смысле слова приобрела глобальный, общемировой масштаб. Вместе с тем усилилась острота религиозных, этнических, политических конфликтов, провоцировавших эмиграцию. Принцип свободы эмиграции в Европе был осуществлен только в XIX в. Так, в Германии эмиграция до 1825 г. была запрещена. Классической же страной эмиграций считают Англию. С 1815 г. по 1920 г., т. е. за столетие ее покинуло 23 млн. человек, которые переселились, главным образом, в США, Канаду, Австралию.

Для России внешние миграции имели несравненно меньшее значение, чем для Великобритании, Испании, Португалии, Германии, народы которых создали за океанами новые крупные этнические общности. Зато внутренние миграции сыграли решающую роль в современном расселении народов страны. До 70-х гг. XIX в. энергично осваивались окраины России, и эмиграция из страны численно уступала иммиграции. Лишь позднее, когда границы России уже не претерпевали существенных изменений, и заселение и освоение наиболее благоприятных для земледелия районов вступило в свою завершающую стадию, эмиграция начала выступать как самостоятельный фактор миграционного движения населения страны, баланс миграций устойчиво становился отрицательным, причем постоянно увеличивался в абсолютных цифрах вплоть до начала Первой мировой войны. Легальное право на эмиграцию в Российской империи отсутствовало. Первоначально большая часть выезжавших получала паспорта на временные сельскохозяйственные работы в Западной Европе. Отток населения в страны Нового Света происходил преимущественно из западных окраинных районов России.

В XX в. до начала Первой мировой войны уехало 2 млн. 575 тыс. человек, въехало – 1 млн. 250 тыс. Мировая война почти прекратила массовый отъезд россиян. Вместе с тем многих из них она застала вне родины (туристы, лица, находившиеся на лечении) либо способствовала перемещению за границу (беженцы, военнопленные, иностранный военный легион во Франции, интернированные и др.). Всего к 1917 г. с начала массовых внешних миграций Россию покинуло 4,5 млн. человек (прибыло 4,15 млн.).

Из них 88,9 % (почти 4 млн.) – в Америку[11]. При этом российские эмигранты составили 8 % всех эмигрантов из Европы в США. По абсолютному объему эмиграция из дореволюционной России занимала в Европе второе место после Англии, относительно численности населения империи уступала Португалии, Испании, Германии.

Что касается *национального состава*, то до революции 1917 г. большую часть убывших составляли евреи (38–44 % при 4 % населения), затем шли поляки (22–29 %); финны (7–13 %), эстонцы, литовцы, латыши (10 %), немцы (5,2–7 % при 1,4 % населения). Эмиграция этнических русских (2 %) по своим масштабам уступала другим народам[12]. Таким образом, эмигрантские потоки до Октябрьской революции не оказали существенного влияния на структуру населения Российской империи.

Различают следующие крупные *группы эмиграции*: трудовая (рабочая, экономическая), религиозная, этно-национальная, политическая. Практически эти группы выделяются по причинам отъезда из страны. Можно выделить также группу деятелей культуры и науки, т. е. лиц, выезжающих для своей профессиональной реализации, учебы.

Правящие круги России длительное время резко отрицательно относились к эмиграции, квалифицируя ее как явление в высшей степени вредное и нежелательное. Такой взгляд на эмиграцию нашел отражение и в *законодательстве.* До 1906 г. пропаганда эмиграции в России была уголовно наказуема, и само понятие «эмиграция», т. е. переселение в чужую страну на время или навсегда, не употреблялось. В Российской империи официально был разрешен только выезд татар и ногайцев и до 1861 г. поощрялся властями. Поэтому законодательство не оговаривало нормального порядка выхода из российского подданства и не признавало бессрочного пребывания подданных империи за границей. Наказание за пребывание за границей сверх установленного срока определялось по указу Николая I «Об ограничении пребывания рус-

[11] 87,7 % выехали в США, 4,7 % – Канаду, 4,1 % – Аргентину, 2,7 % – Бразилию. В последние две страны эмигрировали преимущественно поляки.

[12] До 1907 г. в год выезжало около 2,6 тыс. русских, в 1907–1914 – 23 тыс.; 1913 – 49 тыс.; 1914 – 40 тыс.

ских подданных в иностранных землях» от 17 апреля 1834 г.[13] Принятое в 1885 г. Уложение о наказаниях содержало отдельную главу «О недозволенном оставлении отечества»[14]. Закон предусматривал несколько преступных деяний, входящих в само понятие «недозволенное оставление отечества»: 1. вступление за границей в иностранную службу без позволения правительства; 2. вступление за границей в подданство иностранной державы; 3. неявка из-за границы на родину по вызову правительства; 4. пребывание за границей долее определенного законами срока без достаточных причин.

При Александре II стали выдаваться свободно (ранее только дворянам, с обязательством вернуться на Родину) заграничные паспорта. Исключение из общего правила – только временный выезд за границу – с 8 мая 1892 г. составили евреи, которые по «Правилам» получили право официально уезжать из страны, но без права возвращения. В 1903 г. появился Устав о паспортах. Вопросу о временных отлучках за границу был посвящен раздел 2-й под названием: «О паспортах заграничных, пропусках через границу и пограничных сообщениях»[15]. Он предусматривал, что загранпаспорта выдавались генерал-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, что заведомо усложняло процедуру их получения. Кроме того, нормативные акты изобиловали противоречиями, что приводило к крайнему разнообразию практического их применения. Каждые полгода за паспорт надлежало платить деньги. Устанавливался срок пребывания за рубежом в пять лет для дворян, а для всех остальных сословий в три года[16] (ст. 207). Правило о 5-летнем сроке обеспечивалось Уложением о наказаниях (ст. 327). Продление допускалось с разрешения губернского начальства. Если срок пребывания не продлевался, а эмигрант не возвращался по вызову правительства, то он считался потерявшим гражданство, и его имущество переходило под опекунское

---

[13] ПСЗ РИ. Собрание 2-ое. Т. IX, отделение 1. 1834. – СПб., 1835. № 69–94. С. 294–295.

[14] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1885 г. – СПб., 1909. Ст. 326. С. 384–386.

[15] Устав о паспортах (Свод законов Российской Империи. Т. XIV.). Изд. 1903. – СПб., 1910. Разд. 2. О паспортах… (ст. 164–244). С. 63–104.

[16] Там же.

правление, а сам он, вернувшись в Россию, подлежал вечной ссылке (ст. 326). Выход из российского подданства согласно ст. 325 Уложения о наказаниях считался преступлением, которое каралось как нарушение верноподданнического долга и присяги лишением всех прав, состояния и вечным изгнанием из пределов России. Закон 26 апреля 1906 г. устанавливал наказание за распространение «заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу».

Необоснованно большие сроки выдачи и дороговизна паспортов (15 руб. за полгода, плюс 25 – налог на выезд) заставляли подавляющую часть россиян отказываться от попытки их приобретения и искать другие пути для эмиграции, наиболее верным из которых был тайный переход западной сухопутной границы России. В 1910 г. беспаспортные, тайно переходившие границу, составляли 80 % эмигрантов (по другим данным – до 90 % выезжали нелегально). После был издан ряд законов, облегчавших выезд. Однако, оказавшись за границей, российские эмигранты не чувствовали себя свободными. Все столь опасные и нежелательные для них последствия нарушения российского основного закона оставались в силе. Именно на этой почве возникла та атмосфера негласности и терпимого беззакония, в которой протекала вся жизнь иммигранта с покупки пароходного билета и вплоть до возвращения на родину. Отсутствие заграничного паспорта лишало опоры в национальной поддержке и защите российских консульств и миссий за рубежом. Поэтому эмигранты претерпевали много невзгод и лишений, не извлекая из пребывания за океаном всей выгоды, которую могли бы получить при узаконенной эмиграции. Об этом свидетельствовали их жалобы к российским представителям за рубежом, правительству и Государственной думе. Большинство эмигрантов не желало расставаться с российским подданством, и эмигрировавшие приобретали новое гражданство лишь по прошествии многих лет. Российские дипломаты в Англии, Германии, США и других странах, давно наблюдавшие за жизнью и положением российских эмигрантов за рубежом, осуждали отсутствие в России нормального эмиграционного законодательства и предлагали привести его в соответствие с аналогичными законодательствами большинства европей-

ских стран. Практически местные власти зачастую сквозь пальцы смотрели на юридические казусы, связанные с русскими эмигрантами. Да и визовый режим был весьма либеральным. Так, Л.Д. Троцкий в своем дневнике писал: «Во время первой (1902–1905 гг.) и второй (1907–1917 гг.) эмиграции я свободно разъезжал по Европе и беспрепятственно читал доклады о близости социальной революции. Только в Пруссии нужны были меры предосторожности: в остальной Германии царило полицейское благодушие. О других странах Европы, в том числе и Балканах, нечего и говорить. Я ездил с каким-то сомнительным болгарским паспортом, который у меня спросили, кажись, один-единственный раз: на прусской границе. То-то были блаженные времена! Контроля разрушительная деятельность эмиграции не знала»[17].

Западноевропейские законы, признавая свободу эмиграции, устанавливали некоторые ограничения для отдельных категорий граждан. Далее законодательно определялись права и обязанности предприятий, занимавшихся перевозкой эмигрантов, порядок заключения эмигрантами договора о перевозке, а также права и обязанности посредников при заключении этого договора (так называемых «агентов»). Центральное место в соответствующих законодательных актах занимали нормы, направленные на защиту эмигрантов в пути, особенно во время морского плавания. Наконец, в некоторых странах (Италия, Венгрия) закон подробно определял юридические последствия эмиграции, стараясь примирить внешнюю отчужденность переезжавших от родины и невозможность выполнения ими всех государственных повинностей со стремлением к поддержанию связей между государством иммиграции и его бывшими гражданами.

В России же совершенно не регулировалась законом деятельность пароходных компаний по перевозке эмигрантов. Единственной гарантией того, что в пути о здоровье и безопасности такого лица будут заботиться, было то, что в странах иммиграции (Англия, США) к тому времени уже существовал правительственный надзор за прибывающими судами в отношении содержания эмигрантов в пути.

[17] *Троцкий Л.* Дневники и письма. – М., 1994. С. 125–126.

После Октября 1917 г. характер миграционных процессов в стране изменился. Трансформировалась и структура эмиграции. Практически прекратилась заокеанская эмиграция, а также сезонные перемещения жителей в соседние государства Европы. В 1918–1922 гг. большого размаха достигла ее политическая составляющая, т. е. лиц, не принявших советскую власть. Последовавший после Первой мировой войны передел мира, перекройка границ и связанные с этим передвижения беженцев регулировались Версальско-Вашингтонской системой, в ходе последующих мирных конференций, двусторонних договоров. Возвращение в пределы своей исторической родины, попытки найти места проживания с относительным политическим и экономическим благополучием приводили в движение массовые людские потоки. Но только российские и армянские беженцы, потерявшие прежнюю государственную защиту из-за революций в Российской и Османской империях, создали для мирового сообщества прежде не возникавшие проблемы. Победа большевиков в основном завершила исход 1,5–2 млн. россиян.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В иерархии историко-научного пространства историография занимает особое место, поскольку изучает накопление исторических знаний, истолкование исторических явлений, смену методологических направлений и т. п. Историография призвана объединить познавательное поле, дать ориентиры для исследовательских направлений, демонстрируя лакуны в изучении той или иной темы. *Задачи историографического анализа*:

– показать динамику экстенсивного прироста знания, т. е. фактологического, описательного материала;

– рассмотреть основные исследовательские направления, школы, указать доминирующие темы, проанализировать степень изученности той или иной проблемы, насколько адекватно реконструирована история, оценить качество сделанных обобщений и выводов;

– выявить и оценить степень и качество вовлеченности в научный оборот источниковой базы в целом и различных видов источников, в частности, что обуславливает объективность результатов научного исследования и обоснованность его итогов;

– описать господствующую на том или ином историографическом этапе парадигму, т. е. образец постановки и решения проблемы или исследовательской задачи, а также методологию, совокупность методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в данном научном сообществе.

Исследование темы российской эмиграции имеет богатые традиции. Можно выделить три этапа освоения темы. В основу периодизации положены различия в методологических подходах, диапазон, динамика обращения исследователей к теме, содержание и объем использованных источников. На первом этапе шло становление основ изучения российской эмиграции. Лишь на рубеже 1980–1990-х гг. оно стало выделяться в самостоятельное историографическое направление

В 1920-е гг. злободневность событий, приведших к формированию Зарубежья, острота не закончившегося идеологического противостояния противоборствующих после революции сил повлияли на содержание большинства работ. Они носили политизированный, полемический характер. Данный этап характеризовался становлением историографии темы и формированием источниковой базы. Тогда же выделилось три историографических потока – советский, эмигрантский и зарубежный – по-разному оценивавших эмиграцию, ее качественный состав, идейное, культурное значение и др.). Была заложена тенденция изолированности советской историографии от зарубежной и эмигрантской.

В рамках **советской историографии** началось формирование и утверждение большевистской концепции истории эмиграции, исходившей из признания ее классового характера и жесткой идеологизации. На III конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 г. В.И. Ленин говорил, что за границей образовалась организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий. Лидер Советского государства предупреждал об опасности притаившейся за границей эмиграции, действующей в союзе

с капиталистами всего мира[18]. В том же русле выступали партийные деятели и историки. Это можно проследить по достаточно тенденциозной публицистической, агитационно-пропагандистской литературе, публикациям материалов тех, кто возвратился на родину в 1920-е гг. Их личные наблюдения, впечатления, переживания способствовали формированию отрицательного отношения к классово чуждым элементам, предавшим народные интересы и бежавшим за границу. Появившиеся в то время воспоминания, дневники, работы белогвардейцев отбирались таким образом, чтобы они способствовали разоблачению эмиграции. С конца 1920-х и в 1930-е гг. главной задачей историков стало не объективное изучение исторического процесса, а уничтожение «вражеской идеологии». При этом господствовал упрощенный и односторонний подход к изображению Зарубежной России и ее общественно-политической жизни.

Кроме того, для глубокого проблемного изучения темы не было накоплено материалов. В целом эмиграция рассматривалась как однородная масса, противостоявшая новой России. По отношению к ней употреблялись эпитеты «белая», «контрреволюционная»[19]. Принципы научности и объективности, как правило, не соблюдались. Снизилась общая методологическая культура исследований.

Концептуальная суть исследовательских наработок сконцентрирована в статье М. Алехина, опубликованной в Большой Советской Энциклопедии (1934 г.), посвященной белой эмиграции. Автор отметил, что свержение царизма в России означало конец русской политической эмиграции, т. е. эмиграции революционной, антицаристской. Начинался период эмиграции белой, контрреволюционной. В понятие белой эмиграции включались «все людские обломки класса помещиков и капиталистов, отчасти и мелкой буржуазии, выброшенные за пределы Советского Союза после Октябрьской революции и составляющие белогвардейские контингенты контрреволюции. Юридически белоэмигранты, не являясь

[18] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 39; Т. 42. С. 3 и др.

[19] *Мещеряков Н.Л.* На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. – М., 1922; На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. Сб. ст. – М., 1923; *Алексеев Н.* На службе у империалистов. – М., 1923; *Кудрявцев Р.* Белогвардейцы за границей. – М., 1932 и др.

гражданами СССР, в своем подавляющем большинстве не состоят также и в иностранном подданстве»[20]. Эта позиция легла в основу советской историографии, задавала методологическую установку изучения эмиграции.

Рассматривая белую эмиграцию через призму идеологии и классовой борьбы, советская историография констатировала ее отщепенство (в отличие от дореволюционной антицаристской), отмечая, что она находилась в специфическом правовом положении. Ценность работ данного периода заключается в том, что они написаны по следам свежих событий, передают дух эпохи, вводят в научный оборот факты, свидетельства, разнообразные документы и материалы, которые не встречаются в более поздней литературе. В работах возвращенцев, сделан обзор численности, условий жизни, настроений, отражены проблемы трудоустройства, репатриации, вопросы обучения, студенческого бытия[21].

С 1930-х гг. существенно снизился объем публикаций, был закрыт в спецхранах массив источников, стали невозможны неординарные исследовательские подходы и суждения. Свертывание источниковой базы, скудость методологического арсенала затормозили исследования темы.

После войны новая геополитическая ситуация сказалась на изменении вектора исследований, структуре источниковой базы. Часть эмигрантских архивов погибла, часть попала в Советский Союз, часть переместилась в США. Пражский Русский Заграничный исторический архив (РЗИА) (350 тыс. дел и 250 кг россыпи[22]) был отдан в дар Академии наук СССР (1946 г.), но раздроблен по разным архивам. В Омск, затем в Хабаровск перевели эмигрантские архивы из Маньчжурии. В условиях, когда не каждый советский историк мог выехать за рубеж, для отечественной науки это имело бы большое значение. Но доступными для ученых эти архивы стали в конце 1980-х гг.

---

[20] Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. – М., 1934. Т. 64. Ст. 160.

[21] *Белов В.* Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность. – М., 1922; *Калинин И.* В стране братушек. – М., 1923; *Владимиров Л.* Возвратите их на родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. – М., 1924; *Лунченков И.* За чужие грехи (казаки в эмиграции). – М.–Л., 1925 и др.

[22] Путеводитель. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. – М., 1998. С. XVI.

В 1950–1970-е гг. советские историки предприняли попытки обновления подходов к изучению истории эмиграции. Исследования освобождались от фальсификаций и штампов, упрощенных схем и оценок. Данные новации, даже при сохранении прежних концептуальных подходов вели к повышению теоретического и методологического уровня работ, внесли существенный вклад в разработку темы, подготовили качественный скачок в ее изучении. Несмотря на догматизм выводов, в научный оборот ученые вводили новый фактический материал на основе спецхрана Центрального государственного архива Октябрьской революции (фонды РЗИА), материалов периодической печати, мемуарной литературы. Однако рост количества работ не привел к расширению проблематики. Превалировала тема идейно-политической дифференциации эмиграции. Продолжали преобладать ее негативные оценки, тезис об обособленности, оторванности от российских корней, ставшей причиной ее краха. Интеллектуальное, культурное богатство и разносторонность феномена Зарубежья отрицались, идейно-политические течения признавались безжизненными.

Следует отметить пионерские работы В.В. Комина, Л.К. Шкаренкова, Ю.В. Мухачева, А. Афанасьева и др.[23]. Л.К. Шкаренков, основываясь на архивных документах, материалах периодической печати, мемуарах, личных контактах с реэмигрантами, дал цельную картину «борьбы за существование» (так называется глава книги), выявив тенденцию к ассимиляции, понижению социального статуса офицеров, интеллигенции, отметив переплетение старых привычек и традиций с новыми навыками, рассмотрел проблему репатриации, в частности, историю болгарского «Союза возвращения на родину»[24]. Отечественная историография, как отметил А.В. Квакин, продолжала развиваться в изоляции от зарубежной[25].

[23] *Комин В.В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Калинин, 1977; *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). – Л., 1978; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. – М., 1981; *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М., 1982; *Афанасьев А.* Полынь в чужих полях. – М., 1987 и др.

[24] *Шкаренков Л.К.* Указ. соч. С. 111, 74–79.

[25] *Квакин А.В.* Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы // Культура Российского Зарубежья. – М., 1995. С. 20.

Был накоплен материал об иммиграционной политике ряда зарубежных стран, проанализированы причины эмиграции, структура, численность лиц, въезжавших в эту или иную страну из России.

Правоведы подняли проблему беженцев в международном праве, но деятельность верховного комиссариата по делам русских беженцев Лиги Наций не изучалась в отличие от других сфер ее работы. Даже принятие новой Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола, касающегося статуса беженцев, 1967 г. не пробудил широкого интереса к истории вопроса (в отличие от зарубежных ученых[26]).

Первый период характеризуется активностью **эмигрантской историографической ветви**. Здесь также господствовала тенденция идейного раскола, политизации, соперничества и противостояния с Советской Россией. Но обозначился значительно более широкий спектр затрагиваемых проблем, недопустимый в трудах советских историков: анализ юридических вопросов, творческой, созидательной деятельности, истории Русской Православной Церкви, ее судьбе за рубежом и др. Многие работы стали ответом на вызов времени, отражали динамично меняющуюся ситуацию, свежие впечатления. Многие работы отличаются глубиной. Так, известный историк, кадет П.Н. Милюков вышел далеко за рамки анализа политических процессов и политической борьбы, сделал попытку обоснования места российской революции, эмиграции в мировой истории, систематизировал и обобщил информацию об эмигрантской жизни[27].

Создаваемые эмигрантами юбилейные сборники, альманахи, справочники содержали не только информационный, но и аналитический материал[28]. Представленные в них сведения ценны своей аутентичностью, обилием статистических выкладок, использованием нормативных документов по вопросам гражданства, трудо-

---

[26] *Hathaway J.* The Evolution of Refugee Status in International Law // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 33. 1984 и др.

[27] *Милюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926; *Он же.* Революция на переломе. Т. 2. – Париж, 1927 и др.

[28] Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928; Русский альманах / Под ред. В.А. Оболенского и Б.М. Сарача. Париж, 1930; Русские во Франции. Справочник. – Париж, 1937 и др.

устройства, социальной помощи и т. д., которые для современного российского исследователя труднодоступны.

М.В. Вишняк изучал эмиграцию в контексте проблем национальных меньшинств, в том числе в рамках их решения Лигой Наций[29]. Деятельность по правовому регулированию положения беженцев обобщена в работе Л.Я. Таубера, юриста-эмигранта, проживавшего в Югославии[30]. В качестве приложения приведено соглашение 30 июня 1928 г. о правовом положении русских и армянских беженцев.

Анализ разных сфер жизнедеятельности Зарубежной России (история политической и военной эмиграции[31], национального образования[32], деятельности общественных организаций[33], диаспор в странах рассеяния[34]) послужил ценной базой для дальнейшего изучения темы. Следует также подчеркнуть, что если в советской историографии проблема феномена Зарубежной России не ставилась, то представители эмиграции первыми осмыслили его, говоря о выходе «государства из своей территории», возникновении «государствообразной формы бытия русской эмиграции»[35].

---

[29] *Вишняк М.В.* Право меньшинств. – Париж, 1926.

[30] *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933.

[31] Русские в Галлиполи. Сб. ст., посвященных пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. – Берлин, 1923; *Даватц В.Х.*, *Львов И.Н.* Русская армия на чужбине. – Белград, 1923; *Сталинский Е.* Эмиграция и политика // Воля России. 1931. № 5–6. С. 475–476 и др.

[32] Зарубежная русская школа (1920–1924) / Сост. В.В. Руднев. – Париж, 1924; *Бем А.* Школа и дети в эмиграции // Свободная Россия. – Париж, 1924. № 3. С. 168–173; Русский учитель в эмиграции. – Прага, 1927; *Ковалевский Е.П.* Проблема просвещения русского юношества // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. – Белград, 1929 и др.

[33] *Фелькнер В.* Трудовая помощь русским в Швейцарии // Вестник Российской торговой палаты. – Лозанна, 1920. № 5. С. 35–50; *As.* Русские союзы в Берлине // Русский эмигрант. – Берлин, 1920. № 1. С. 18; *Полнер Т.И.* Жизненный путь кн. Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – Париж, 1932; Итоги работы Софийской амбулатории РОКК за 1920–1933. – София, 1934 и др.

[34] Русские сборники / Под ред. проф. Э.Д. Гримма и К.Н. Соколова. Кн. 2. – София, 1921; Русские в Болгарии. – София, 1923; Русские в Праге. 1918–1928 гг. – Прага, 1928; *Пилкин А.П.* Парагвай. Краткий очерк. – Париж, 1934; Русские в Латвии. Ч. 1–2. – Рига, 1934; Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936 и др.

[35] *Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. № LXIX. С. 374.

Значительным историографическим явлением стала книга П.Е. Ковалевского «Зарубежная Россия», составленная из присланных ему еще в довоенный период очерков для подготовки «Золотой книги эмиграции». Работа содержит энциклопедические сведения об эмиграции[36].

С конца 1930-х гг. в эмигрантской литературе центр исследований сместился в пользу изучения культурной и просветительской работы Зарубежья.

На **зарубежную историографию** влияла постановка беженской проблемы в каждой конкретной стране и на международном уровне. У ее истоков стоял немецкий историк фон Римша. В обобщающей работе В. Хантингтона[37] целенаправленно исследовалась российская пореволюционная эмиграция как социальный, политический и культурный феномен мировой истории XX в., выявлены факторы интеграции иммигрантов в общество стран проживания. Начинается книга с характеристики «нации», насчитывающей около миллиона человек, не упомянутой ни в атласах, ни в справочниках. У нее нет правительства и парламента, однако у народа этого существуют все оттенки политической мысли – от монархизма до социализма. На каждых 6 мужчин у этой нации приходится 1 с высшим образованием. Интерес к мировой политике, жажда знаний такова, что число выходящих там периодических изданий прямо-таки невообразимо.

Особое место занимает аналитический отчет «Проблема беженцев», подготовленный под эгидой Лиги Наций Дж. Симпсоном[38]. По поручению Королевского института международных отношений в Лондоне Симпсон и его сотрудники использовали все доступные им документы для установления численности и анализа положения беженцев из России. Наряду с юристами-эмигрантами представители зарубежной юридической науки активно обсуждали вопрос о статусе беженцев, о возможности применения к ним советского права, права бывшей Российской империи либо права

---

[36] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 17–30.

[37] *Chapin-Huntington W.Ch.* The Homesick Million, Russia-out of Russia. – Boston, 1933.

[38] *Simpson J.H.* The refugee Problem. Report of a survey by Sir John Hope Simpson. – London, 1939.

местожительства, анализировали советский правовой материал, возможность применения иностранными судами декретов о национализации, конфискации и т. д.[39]

Изучалась эмиграция в странах проживания. Этносоциолог Д.М. Дэй[40], помогавший российским эмигрантам, особенно студентам, представил численность русских в Лос-Анджелесе, провел анализ социальной мобильности русских, прибывших на американский континент, отметил снижение социального статуса, рост асоциальных явлений в эмигрантской среде, быстрое освоение языка как фактора адаптации. Л. Ферми дала определение интеллектуальной иммиграции, изучая эту категорию лиц, въезжавших в США в начале 1930-х гг.: «мужчины и женщины, занимающиеся интеллектуальным трудом и продолжившие им заниматься после прибытия за границу, лица, закончившие высшие учебные заведения уже в Европе и начавшие там трудовую деятельность, и, наконец, деятели искусства, оказавшие воздействие на формирование общественного вкуса». Широкие географические и временны́е рамки работы Д. Флеминга позволили включить в сферу исследования предреволюционный опыт пребывания в Европе русских ученых и политиков[41].

Работы Х.-Э. Фолькмана «Русская эмиграция в Германии» и Р. Вильямса «Культура в изгнании»[42] охватили широкий спектр проблем жизни русских в одном из центров Зарубежной России. Книга патриарха русистики в Италии Э. Ло Гато «Русские в Италии»[43] заложила основы изучения темы в стране.

---

[39] *Niboyet J. et Pillet A.* Matuel de droit international privé. – Paris, 1924; *Champcommunal M.J.* La condition des russes à l'étranger spécialement en France // Revue du droit international privé. – Paris, 1924; *Audinet E.* Les Heimatloses et leur condition juridique. – Clunet, 1925; *Freund H.* La Revolution bolchevique et le Statut juridique de Russie. Le point de vue de la Jurisprudence allemande. – Clunet, 1925; *Mersmann-Söst O.*, *Wohl P.* Die deutsch-russischen Verträge vom 12 Oktober 1925. – Berlin, 1926 и др.

[40] *Day G.V.* The Russians in Holliwood. – Los Angeles, 1934.

[41] *Fermi L.* Illustrious Immigrants – The intellectual Migration from Europe 1930–1941. – Chicago, 1971; *Fleming D.*, *Bailyn B.* The intellectual Migration: Europe and America 1930–60. – Belknap/Harvard University Press, 1969 и др.

[42] *Volkmann H.-E.* Russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. – Würzburg, 1966; *Williams Robert Ch.* Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. – N.-Y.: Ithaca, 1972.

[43] *Lo Gatto E.* Russi in Italia. – Roma, 1971.

Историография 1920–1980-х гг. создала основательную базу для изучения истории российского Зарубежья в последующем.

С конца 1980-х гг. освоение истории российской эмиграции, подстегиваемое падением «железного занавеса», отказом от идеологического диктата, шло настолько интенсивно, что можно говорить о следующем его этапе. Исследовательский импульс, измерявшийся количественными параметрами, достаточно быстро, уже в 2000-е гг., привел к качественному рывку в изучении Зарубежья.

В итоге за последние 20 лет эмигрантоведение не только выделилось в самостоятельное историографическое направление, но и проделало динамичный путь от публицистических выступлений до серьезных научных исследований, новизна которых безусловна, и даже стало составной частью учебной литературы.

Стимул изучению российской эмиграции 1920–1930-х гг. дали конгрессы соотечественников, программы «Русское зарубежье» и др. Образовались академические, вузовские центры по изучению Зарубежья, в Росархиве, Министерстве культуры РФ, Российском фонде культуры, Доме-музее Марины Цветаевой (ДМЦ); исследователей объединили Дом русского зарубежья (ДРЗ) им. А.И. Солженицына (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»), Институт «Русское зарубежье» Санкт-Петербургского Центра международного сотрудничества, ИКЦ «Русская эмиграция» и др. Часть из них дожила до сегодняшнего дня. Наиболее эффективной формой общения научного сообщества стали конференции, и самыми значимыми международные: «Культурное наследие российской эмиграции», «Нансеновские чтения», проведенные в Санкт-Петербурге, ряд конференций на базе ДРЗ, ДМЦ в Москве и др. Сложились школы по изучению российской эмиграции.

Количественные и качественные изменения в процессе изучения российской эмиграции 1920–1930-х гг., свидетельствующие о формировании эмигрантоведения, характеризуются новой познавательной ситуацией, развитием россики[44], улучшением информационного обеспечения исследователей. Издание справочных работ, библиографических материалов, расширение интернет-ре-

[44] Материалы Первого Всероссийского рабочего совещания по проблемам «Россики». Москва, 29–30 июня 1995 г. – М., 1995; Проблемы зарубежной архивной Россики. Сб. статей. – М., 1997; Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. – М., 2001.

сурсов и т. п. значительно облегчают доступ к архивным базам, биографическим сведениям, научным трудам, публикациям. Важную роль сыграло расширение и активное освоение источниковой базы исторических исследований (републикация источников, доступность бывших спецхранов, архивов, выявление, использование, возвращение зарубежной россики). На основе публикаций большого количества прежде недоступных источников, связанных с самыми разными проблемами, происходило формирование новых и переосмысление старых направлений в изучении российского Зарубежья, но, к сожалению, при недостаточном специальном источниковедческом анализе.

Существенно модернизировалось теоретическое осмысление темы, обновились методологические подходы. В.М. Селунская обращала внимание на необходимость комплексного изучения эмиграции. Не случайно в современной историографии практически признано существование Зарубежной России – особого феномена, характерного лишь для эмиграции 1920–1930-х гг. Сделаны попытки раскрыть содержание этого явления Г.Я. Тарле[45], М. Раевым в книге «Россия за рубежом». Последний исходит из формирования русского «общества в изгнании» («России за рубежом», «Русского Зарубежья»). Его ячейками становились различные объединения эмигрантов. По мнению американского ученого, этому способствовало два момента: наличие всех слоев русского дореволюционного общества, хотя и в измененных пропорциях, и осознанное стремление эмигрантов вести русскую жизнь. Раев также констатирует нежелание русских натурализоваться, поскольку они считали это «предательством по отношению к их русским корням и возложенной на них миссии являть собой альтернативу Советскому Союзу»[46].

Следующий шаг был сделан югославским исследователем М. Йовановичем[47]. Характеризуя «общественный организм, именуемый “Зарубежная Россия”, составлявший единое целое, под-

[45] *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. С. 16–24.

[46] *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М., 1994. С. 60.

[47] *Йованович М.* Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 37–40 и др.

чинявшийся определенным правилам внутренней организации, Йованович пишет о сохранении в эмиграции важнейших элементов государственного и общественного строя, структур армии и церкви, элементов системы просвещения, печати, политических партий. Таким образом, понятия «Зарубежная Россия» или «Российское Зарубежье» заняли полноправное место в исследованиях и, более того, составили одну из методологических основ изучения истории эмиграции 1920–1930-х гг. На наш взгляд, эта позиция имеет принципиальное значение.

С точки зрения теоретического осмысления темы представляется важным вывод авторов учебного пособия «Этносоциология» о том, что методология изучения миграций зависит от преобладающих на данном этапе развития общества способов решения социальных проблем. Чем сложнее общество, тем более широкий набор факторов необходимо учитывать, тем глубже должно быть понимание механизмов функционирования миграции[48]. Теоретическое значение для осмысления темы и богатый статистический материал дают исследования демографических и миграционных процессов[49], в том числе проводимые соответствующими центрами. Один из них – Институт миграционных исследований и межкультурных учений (IMIS) университета в Оснабрюке во главе с К. Баде. В коллективном труде «Миграция – этничность – конфликты»[50] авторы из Германии, Великобритании, Швейцарии, США, Канады, Австралии и Сингапура реализовали междисциплинарный подход, отметив, что подобные исследования невозможны без учета достижений политологических, социальных, исторических, правовых наук, социальной психологии.

Новый рубеж характеризовался ростом интенсивности обращения к эмигрантской проблематике все увеличивающегося числа исследователей различных дисциплин (историков, философов, филологов,

---

[48] *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. – М., 1998. С. 86–87.

[49] *Брук А.С., Кабузан В.М.* Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. – М., 1991; *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М., 1993; Миграции населения // Народы России. – М., 1994; *Зинченко Н.Н.* Миграция населения: теория и практика международно-правового регулирования. – М., 2003 и др.

[50] Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien. Bd. 1. – Osnabrück, 1996.

культурологов, политологов, представителей естественных наук). Очевидна плодотворность изысканий специалистов по широкому спектру рассматриваемых аспектов, разнообразию постановок проблем, по количеству привлекаемых источников. Отечественные и зарубежные ученые стали работать в едином историографическом потоке. Постепенно обозначились секторы исследовательского поля, закрепленные за тем или иным специалистом, той или иной научной школой.

В самостоятельное и наиболее перспективное направление выделилось изучение адаптации эмиграции, что позволило эффективно исследовать широкий круг проблем, в частности социальные и корпоративные группы, находившиеся в странах рассеяния (студенчество, дети, казачество, военные чины, предпринимательские круги и пр.[51]). Пионером в разработке проблем адаптации выступил Центр изучения территории и населения России Института российской истории РАН под руководством академика РАН Ю.А. Полякова[52]. Частью проблемы адаптации стало продолжение изучения эмиграционной и иммиграционной политики Советского государства, начатое ранее Г.Я. Тарле[53], вопросы репатриации беженцев, не сумевших адаптироваться к условиям заграницы[54]. Следующую

---

[51] *Квакин А.В.* Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции. Учебно-методическое пособие для преподавателей истории. Ч. 1. – Тверь, 1994; *Антропов О.О.* Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. 1997. № 11; *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. – М., 2000; Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. акад. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. – М., 2001 и др.

[52] История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сб. ст. / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1999; Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М., 2001.

[53] *Тарле Г.Я.* Друзья страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг. – М., 1968; *Она же.* Российское зарубежье и Родина. – М., 1993; *Она же.* Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года. (Анализ источников) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. – М., 1997. С. 31–62; *Она же.* Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию. Ч. 1: 1917–1921 // Археографический ежегодник за 1996 год. – М., 1998. и др.

[54] *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости: законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. – М., 1991; *Ипполитов С.С., Карпенко С.В.*,

группу составили труды, посвященные определенной тематике (РПЦ, образованию, общественным организациям, отраслям культуры, науки, деятельности бывших российских дипломатических представительств, национальному вопросу, судьбе и идеологии политических партий и идейных течений и др.)[55]. Новым явлением стали работы, посвященные национальным диаспорам (украинской, белорусской, башкирской, татарской и др.)[56]. А.И. Доронченков в монографии «Эмиграция "первой волны"» всесторонне проанализировано состояние и идейные дискуссии по национальному вопросу в Зарубежье, национальной политике Советского государства[57].

Свой историографический сектор расширили региональные исследования. Развитие международного сотрудничества, совместные изыскания ученых разных стран делают достоянием научной общественности материалы местных архивов, что позволяет конкретизировать картину расселения, процессы адаптации, специфики правового положения беженцев и пр.[58].

Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5; *Попова С.С.* Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 году // Франция и Россия. XVIII–XX века. – М., 1998. Вып. 2. С. 241–248; *Авдеев В.* Загадка «Решид-Паши». Заметки историка // Диалог. – М., 2001. № 1. С. 68–78; *Данилова Е.Н.* Иммиграционная политика и создание трудовых коммун из иммигрантов и реэмигрантов в СССР в 1920-е годы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 1. С. 3–20; *Винник А.В.* Проблема возвращения на родину российских военнопленных Первой мировой войны в контексте советско-германских отношений (1918–1924 гг.) // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Сб. науч. тр. – М., 2005 и др.

55 Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 1–2. – М., 1994; Русская эмиграция в Европе, 20-е – 30-е годы XX века. – М., 1996; Российское Зарубежье: история и современность. – М., 1998; Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001 и др.

56 *Гайнетдинов Р.Б.* Деятельность татаро-башкирских эмигрантских организаций и центров в 1900-х – начале 1930-х гг. Автореф. дис…. канд. ист. наук. – Казань, 1993; Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библ-ки и пражских архивов. Сб. докл. – Прага, 1995; *Валеев Д.Ж. и др.* Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. – Уфа, 1995; *Борисенко И.В., Горяев А.Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. – Элиста, 1998; Евреи России – иммигранты Франции. Очерки о русской эмиграции. – М.–Париж–Иерусалим, 2000 и др.

57 *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001.

58 Der Grosse Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. – München, 1994; Россия и Франция: XVIII–XX века. – М., 1995;

Накопление эмпирического материала позволило подвести предварительные историографические итоги[59], создать энциклопедические издания[60], работы, претендующие на обобщение[61]. Однако, как отметил Б.Г. Литвак в рецензии на книгу «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом» (М., 1999), «всякая попытка всестороннего монографического изложения истории эмиграции… наталкивается на множество еще не разработанных вопросов»[62]. Таким образом, в 1990-е гг. аналитических комплексных трудов не последовало. Шел процесс выкристаллизовывания изучаемых направлений и самоопределения исследователей относительно сферы научных интересов, накопления эмпирического, фактологического материала.

2000-е гг. ознаменовались переходом от «ознакомительно-исследовательской разведки» к глубокому изучению русской эмиграции по широкому спектру проблем. Помимо развития тенденций, обозначившихся на предыдущем этапе, появились новые. Следует отметить положительную динамику теоретизирования, обобщений, аналитики. Для большинства работ характерна продуманная методологическая основа. Удалось преодолеть феномен «вакуумного» существования зарубежья, и при его осмыслении

I Russi e l'Italia. – Milano, 1995; Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996; Бялата емиграция в България. Материали от научна кнференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001 и др.

[59] *Квакин А.В.* Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы // Культура Российского Зарубежья. – М., 1995; *Селунская В.М.* Проблема интеграции эмигрантов в российское зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 1; Изучение истории российского зарубежья в 90-е годы. Некоторые итоги и перспективы // Россия в изгнании. – М., 1999. С. 6–28; *Пивовар Е.И.* Российское Зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. – М., 2000. Т. 3 (121); *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции. – Екатеринбург, 2000; История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). Сб. ст. / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М., 2004.

[60] Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940). Т. 1–2. – М., 1997–1998 и др.

[61] Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999; *Тимонин Е.И.* Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.). – Омск, 2000; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000.

[62] Новый журнал. 2000. № 219.

учесть всех акторов: метрополию – эмиграцию – страну-реципиента – международное сообщество. Уже само положение эмиграции в этой системе диктует необходимость междисциплинарного подхода к ее изучению. Кроме того, история жизнедеятельности Зарубежья – это многообразный спектр проблем: от политики и культуры до повседневности. Междисциплинарность позволяет ввести новые объекты и предметы исследования, новые типы источников, необходимые для появления нового знания и лучшего понимания реальности, совершенствовать методики, приемы, модели, системы объяснения исторической действительности.

Совершенствуется понятийно-терминологический ряд. Однако все еще дискутируемыми остаются понятия «диаспора» (заимствованное из этнологии), русская/российская эмиграция, недавно вошедшее в научный оборот – «русский мир»[63].

Если в 1990-е гг. вводится в научный оборот и осмысливается понятие «Зарубежная Россия», то на современном этапе ему придано комплексное, системное значение. Формирование Зарубежной России стало следствием исторического разлома 1917 г. и было обусловлено рядом факторов. Важнейшие из них – интенсивность и многочисленность исхода в эмиграцию, наличие существенной доли общественно активных и интеллектуально значимых элементов, пользующихся международным авторитетом и связями. Международное сообщество, признавшее совокупность изгнанников цельным организмом, исходило из неприятия России советской, а затем из особого их положения в международно-правовом смысле. В результате эмигрантские интересы были представлены в Лиге Наций благодаря деятельности верховного комиссара по делам русских беженцев и делегатам Совета послов, Земгора, Российского общества Красного Креста. Далее, следует отметить, что Зарубежной России не могло бы образоваться без налаженных еще в дореволюционный период связей с иностранными государствами: дипломатических, научных, культурных, общественных. Все это обеспечило способность и воз-

[63] http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/analytics/docs/ks_180310.pdf; *Тишков В.А.* Русский мир: смыслы и стратегии // Стратегия России. 2007. № 7; http://www.mdn.ru/information/sections/v-tishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii/

можность для эмиграции самоорганизоваться и вести относительно самодостаточный образ жизни. За границей в 1920-е гг. еще оставалась обширная инфраструктура государственных и общественных учреждений, сохранившаяся от царского или Временного правительств и признанная иностранными державами. Не были исчерпаны их зарубежные денежные активы (РОКК, Земгора, дипломатических представительств, значительная часть которых перешла в распоряжение Совещания бывших российских послов). Перестроив свою работу в соответствии с эмигрантскими потребностями, они заботились не только о бытовом благоустройстве беженцев, но и об их духовной жизни. В значительной степени на их средства создавалась система образования всех уровней на родном языке. Формированию единого образовательного, культурного пространства способствовали появившиеся уже на эмигрантской почве общественные организации, структурированные по корпоративному, профессиональному, социальному и другим принципам, издательства, периодическая печать, литература, театр. Появились структуры, выполнявшие квазигосударственные функции (Русское национальное объединение (РНО), Исполнительная комиссия членов Учредительного собрания, Русский парламентский комитет (РПК), Совет послов), претендуя стать преемственным органом государственной власти. В Зарубежной России действовали остатки политических партий, рождались пореволюционные идейные течения, активно развивалась инфраструктура, аккумулировавшая результаты деятельности собственно эмиграции (библиотеки, музеи, архивы). Кроме того, надежда на временность пребывания за рубежом и уверенность в скором крушении советской власти и возвращении на родину позволяли эмигрантам осознавать себя неотъемлемой частью предреволюционной России и в связи с этим сохранять преемственность с ней, провозглашать разрыв не с родиной, а с большевизмом. Это осознание породило утверждение о миссионерской роли эмиграции и вывод о том, что она находится «не в изгнании, а в послании».

Названные основные черты феномена Зарубежной России определяют то проблемное поле, на котором разворачивается сегодня его изучение.

Массив литературы по истории российской эмиграции 1920–1930-х гг. можно сгруппировать в соответствии с объектом и предметом исследований.

Спектр региональных исследований пополнился новыми работами в качественном отношении и в плане включения в исследовательское поле новых стран. В обобщающем, хорошо структурированном труде Ц. Кьосевой «Русская эмиграция в Болгарии»[64] на большом хронологическом отрезке рассмотрена эволюция политики болгарского государства, направленной на прием, размещение, трудоустройство, регулирование юридического статуса беженцев и пр. Оценивая эту политику как непоследовательную и противоречивую, зависимую от болгаро-советских отношений, автор выделяет периоды гонений, «золотого века», проведения «русской акции». Культурная жизнь русских в Болгарии и на Балканах показана в альбоме «Русское зарубежье в Болгарии», трудах В.И. Косика, М. Йовановича[65]. Пополнилась история эмиграции в ЧСР[66], в АТР, Китае и других регионах[67]. Впервые о русских в Конго написал В. Ронин[68].

Получили более глубокое освещение традиционные аспекты, а также новые грани культурной, научной и творческой жизни Российского Зарубежья[69].

---

[64] *Кьосева Ц.* Руската емиграция в България. България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. – София, 2005 (на рус. яз. – М., 2008) и др.

[65] *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. – М., 2005; Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009; *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). – М., 2010.

[66] Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. – Прага, 2008.

[67] Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции. Владивосток, 5–7 сентября 2001 г. – Владивосток, 2003; *Невалайнен П.* Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Пер. с фин. – СПб., 2003; *Чжичен В.* История русской эмиграции в Шанхае. – М.: Русский путь, 2008; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). – Хабаровск, 2008 и др.

[68] *Ронин В.К.* «Русское Конго»: 1870–1970. В 2 т. – М., 2009.

[69] *Левошко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. – Хабаровск, 2003; *Янгиров Р.* «Рабы немого» Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом в 1920–1930-е годов. – М., 2007; Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2-х т. – М., 2008; *Емельянов Ю.Н.* История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М., 2008; Наследие Дмитрия Чижевского и проблемы его изучения. – М., 2009 и др.

Новым направлением стало изучение деятельности российских дипломатических представительств в эмиграции. Данный вопрос рассматривали О.В. Будницкий, Е.М. Миронова, М.М. Кононова[70], П.Э. Подалко[71]. Так, Миронова, проанализировав направления деятельности русских дипломатических представительств в изгнании, которым выпала координирующая роль при решении судеб русской эмиграции, и с которыми считались политики и правительства, называет, среди прочего, решение проблемы юридического оформления прав беженцев за границей, особенно с середины 1920-х гг.[72]. Новаторские тенденции проявились в изучении правового положения эмиграции[73].

В своей обобщающей монографии С.С. Ипполитов[74] рассмотрел различные аспекты пребывания россиян в Турции, Чехословакии, Польше, Германии, Швейцарии, Франции, проанализировал социально-экономическое положение, рынок труда, бизнес российского Зарубежья, роль эмигрантских организаций в интеграционном процессе, систему образования и психологические особенности жизни эмигрантов.

В поле зрения ученых оказались проблемы анализа места Зарубежной России в международных отношениях, взаимоотношения метрополии и эмиграции, эмиграции и страны-реципиента, про-

---

[70] *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951. Т. 1. – М., 2001. С. 16–96; *Он же.* «Пронунциаменто» трех чиновников Министерства иностранных дел (К истории возникновения Совета российских послов в Париже) // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2. – СПб., 2003. С. 9–18; *Миронова Е.М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции. История деятельности. Создание новых форм. Принципы существования // Диаспора. – Париж–СПб., 2004. С. 89–133; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М., 2004 и др.

[71] *Подалко П.Э.* Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918–1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1; *Он же.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. – М., 2004.

[72] *Миронова Е.М.* Обзор основных направлений деятельности русских представительств в изгнании // Проблемы истории Русского Зарубежья. Вып. 1. – М., 2005. С. 122–134.

[73] Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2006 и др.

[74] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М., 2004.

цессы, происходившие внутри системы «метрополия – эмиграция – страна-реципиент – международное сообщество». Эти вопросы поставлены, но не решены современной историографией. Комплекс смежных задач ставит имагология, наука о взаимовосприятии и создании образов: России – Зарубежной России – Запада – Востока (т. е. принимающих стран). В связи с этим актуализируются исследования, связанные с сохранением национальной идентичности, исторической памяти в контексте изучения гуманитарного наследия Зарубежья. Нельзя не отметить и «сквозные» работы. Так, Е.И. Пивовар рассмотрел феномен эмиграции на протяжении XX в.[75], И.В. Сабенникова – отношения между «волнами» и различными диаспорами[76]. А.А. Пронин провел библиометрический анализ диссертаций[77].

На эмигрантоведении сказалось общее состояние отечественной исторической науки. В рамках «новой исторической науки» активно развивается историческая антропология. А.А. Пронин подсчитал, что число диссертаций, посвященных жизни и творчеству эмигрантов неизменно росло: в 1990–1999 гг. – 199; в 2000–2005 гг. – 404[78]. Мы можем отметить первые труды по истории повседневности, семейной истории, гендерной истории, социальной истории, ювентологии, истории ментальностей, интеллектуальной истории, биографике. Такой подход позволяет более детально, зримо воспроизвести историю российской эмиграции. Любое обобщение грешит неточностями, в то время как внимание к частностям дает возможность представить объемную картину исследуемого предмета. Данное историографическое направление предоставляет неисчерпаемые возможности для дальнейшего изучения Зарубежной России, для увязки в единую концепцию новых, оригинальных сторон ее жизнедеятельности на основе уже накопленного «классического»

---

[75] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008.

[76] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция. (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002.

[77] *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. – Екатеринбург, 2009.

[78] Там же. С. 169.

материала. Однако историков ждут на этом пути определенные трудности методологического свойства, ибо необходимо адаптировать методы, принципы, понятийно-терминологический запас из смежных дисциплин к историческому исследованию. Кроме того, желательно совершенствование исследовательской культуры: признание заслуг предшественников, четкая постановка цели, обозначение новизны научной работы, раскрытие сносок при обращении к архивам.

Однако по-прежнему обогащение нашего знания об истории российской эмиграции чаще лежит в русле экстенсивного исследования, превалируют работы с преобладанием фактологического материала над аналитическим. Представляется, что это обстоятельство продиктовано не только субъективными, но и объективными причинами. С одной стороны, все еще идет перманентное расширение источниковой базы, обусловленное освоением новых фондов уже известных архивов, открытием коллекций документов, в том числе частных, развитием россики, привлечением разнообразных видов и типов исторических источников. С другой – медленное освоение смежных дисциплин и слабое привлечением междисциплинарных методов исследования. Тем не менее, складывается единое информационное пространство, чему способствует развитие коммуникативных технологий. Источники по теме делаются более доступными, т. к. размещаются в Интернете.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

Исследовательская задача в исторической науке может быть решена лишь при наличии источников, содержащих необходимые сведения об объекте познания. Поэтому важнейшей составной частью работы выступает формирование ее источнико-информационной основы. Отбор информативно ценных исторических источников, установление их подлинности, критическая проверка достоверности и точности, сопряженность сведений, методы обработки и анализа имеют большое значение. Главная задача – извлечь такие конкретно-исторические данные, которые обладают

качественной представительностью, позволяют раскрыть существенные черты, свойства, связи объекта исследования, причины событий, явлений, фактов.

Наиболее значимые массивы документов по истории российской эмиграции хранятся в центральных архивах (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ); Российский государственный военный архив (РГВА); Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ); Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ); Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ); Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)), а также за рубежом (Гуверовский институт войны, мира и революции Стэндфордского университета[79], Бахметевский архив при Колумбийском университете в США; Центральный государственный архив (ЦГА) в Болгарии; Международный институт социальной истории в Амстердаме[80]; Пражская Славянская библиотека и др.).

В Париже, остававшимся в течение десятилетий крупнейшим центром русского рассеяния, нет Русского архива, где в одном месте были бы собраны документы и материалы по истории русской эмиграции. Одной из причин такого положения можно считать тот факт, что уже в 1923 г. был создан в Праге Архив русской эмиграции (впоследствии Русский заграничный исторический архив, РЗИА), куда из разных стран и городов уходили соответствующие материалы, документы, периодические издания. Русские архивы, которые все-таки собирались в Париже отдельными союзами и обществами, в итоге объединить не удалось. К тому же перед Второй мировой войной многие личные архивы известных деятелей, вместе с владельцами, пересекли океан и осели в Америке. Литературный архив, который в 1930-е гг. стал складываться в Тургеневской библиотеке, немцы вывезли во время войны.

В настоящее время материалы по русской эмиграции во Франции разбросаны по многочисленным французским архивам. В первую очередь следует назвать архив Министерства иностран-

---

[79] Материалы архива размещены в Интернете.
[80] Описи архива размещены в Интернете.

ных дел, архив Национальной библиотеки во Франции[81], архив Префектуры Парижской полиции, архив Международной библиотеки современной документации в Нантере[82].

В США одним из крупнейших центров стал Музей русской культуры в Сан-Франциско с 15 тыс. книг, документами по русской революции и гражданской войне, эмиграции, личными архивами, отделом серийных изданий с обширной коллекцией русских газет и журналов.

В ряду частных коллекций следует упомянуть коллекцию Р. Гера, Т. Винти, Т. Хольцмана, Э. Штейна, пресс-секретаря шахматиста В. Корчного, которому удалось спасти уникальный архив писателя Г.Д. Гребенщикова (поместье Чураевка, штат Коннектикут).

Для извлечения необходимой информации, для систематизации, обработки и анализа конкретных данных на стадии реконструкции и объяснения изучаемых событий, а также на этапе итоговых обобщений следует применять всю совокупность предметно-конкретных методов. В частности, системный подход. Основным методологическим принципом, соблюдение которого обеспечивает представительность необходимых научно-исторических фактов, является не простая их совокупность, а системность этих фактов. В результате создается взаимосвязанная содержательная целостность изучаемой темы, а не только ее отдельных сторон и черт. Содержательно-теоретический анализ накопленных фактов позволил объективно восполнить пробелы в источниках, избежать необоснованного конструирования недостающих фактов.

Возникновение исторических источников представляет собой информационный процесс, в котором фигурируют объект (отра-

---

[81] В архиве Национальной библиотеки хранятся документы и материалы, связанные с деятельностью Лиги Наций, с работой официальных и юридических организаций по приему и трудоустройству беженцев, проблемами получения нансеновских паспортов и т. п. Здесь же хранится отчет полиции «по изучению жизни русской колонии во Франции с 1925 по 1961 гг.». Есть дела русских эмигрантов, участвовавших в различных политических движениях, как в России, так и за границей (наблюдения парижской полиции в 1920 –1930 гг.), лиц, заподозренных в сотрудничестве с большевиками в 1937–1940 гг.

[82] Архив практически не изучен специалистами. Наиболее важным и интересным его фондом является архив Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, игравшего заметную роль в жизни русского Парижа.

жаемая реальность), субъект (творец источника) и информация (результат отражения реальности субъектом). Этот процесс имеет прагматический аспект, т. к. творец источника преследует определенные цели. Излагаемые в источнике сведения требуются для решения тех или иных общественных или личных задач. Поэтому следы объективной действительности можно выявить в любом источнике. Информация, необходимая для решения практических нужд, для исследователя становится исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках. Это относится и к законодательству, и к правовым актам, и к личной переписке, и к мемуарам. Объективной основой для выявления степени адекватности отражения исторической действительности в источнике является информация о его творце.

В 1920–1930-е гг. были заложены основы документальной базы истории российской эмиграции. В СССР – это преимущественно корпус официальных документов, межведомственная переписка, связанная с проблемами эмиграции, разведсводки Красной армии, Государственного политического управления (ГПУ), материалы Комиссии Совета труда и обороны (СТО) по иммиграции и реэмиграции и т. д. На международном уровне – это издания Лиги Наций. В СССР они стали доходить лишь после визита в нашу страну в ноябре 1928 г. известного французского социалиста А. Тома, первого председателя Международной организации труда (МОТ). Поэтому сегодня они представлены в значительной степени в архивных, а не библиотечных фондах. Подавляющую часть источников составили материалы, отложившиеся в процессе жизнедеятельности российской эмиграции. В основном, все эти категории источников для советских исследователей были недоступны.

За рубежом также отложился многообразный и богатый корпус документов о деятельности эмиграции (творческой, политической, идейной, работе общественных организаций, переписка и т. п.), с одной стороны, и официальные документы, связанные с пребыванием, перемещением, натурализацией, правовым положением беженцев в странах-реципиентах, с другой.

Всю совокупность источников целесообразно типологизировать по их происхождению. Можно выделить восемь групп ис-

точников: 1) международно-правовые акты[83]; 2) национальные законодательные и нормативно-правовые акты[84]; 3) документация, сложившаяся в ходе деятельности верховного комиссариата по делам русских беженцев и других учреждений Лиги Наций; 4) делопроизводственные документы государственных учреждений, внутри- и межведомственная деловая переписка, документы по внешней политике России/СССР[85]; 5) делопроизводственные и информационные материалы российских эмигрантских политических и общественных организаций; 6) статистические материалы; 7) источники личного происхождения (дневники, мемуары, переписка)[86]; 8) периодическая печать[87].

Эмигрантами были опубликованы справочно-информационные сборники[88], издания общественных организаций[89]. Богатые

[83] Société des nations. Haut-Commissariat pour les réfugiés. Documents préparatiores et procèsverbaux de la Conférence intergouvernementale pour le statut juridique des réfugiés 28–30 juin 1928. Arrangement et accord du 30 juin 1928. – Geneve, 1930.

[84] Многотомные Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции (с 1925 г. – Собрание Законов), Декреты Советской власти; Акты Польской Республики за 1918–1921 г. – Варшава, 1921; Сборник решений гражданского кассационного и общего собрания 1-го и кассационных департаментов бывшего Правительствующего Сената, разъясняющих законоположения, действующие в Западной Латвии и в Эстонии / Сост. Л. Кантором. Под ред. Н.А. Штакельберга. – Рига, 1932 и др.

[85] Внешняя политика СССР. 1917–1944. Сб. документов / Сост. А.С. Тисминец. Т. II (1921–1924). – М., 1944; Документы внешней политики СССР. Т. 2–8. – М., 1958–1964.

[86] *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней: Записки русского еврея. – Париж, 1933–1934. Т. 1–3; *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. – М., 1969; *Вишняк М.* Годы эмиграции. – Стэнфорд, 1970; *Сорокин П.* Дальняя дорога. – М., 1992; Евлогий митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – М., 1994; *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Т. 1–2. – Таллинн, 1996; *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память. Мемуары. – София, 1999; Schlesinger Moritz. Erinnerungen eines Aussenseiters im diplomatischen Dienst. – Köln, 1977; *Гессен И.В.* Годы изгнания. – Париж, 1979 и др.

[87] Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М., 1999.

[88] Русские в Праге. 1918–1928. – Прага, 1928; Русская эмиграция 1920–1930-е гг. Альманах. Вып. 1–2. – Белград, 1931; Русские во Франции Справочник. – Париж, 1937 и др.

[89] Вестник Русского национального комитета / Под общей ред. А.В. Карташева. – Париж, 1923–1924, 1926. № 1–11; Закон и суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1929–1938. (Рига, 2000.) Т. 1–8; Бюллетень Российского земско-городского

материалы сосредоточены в эмигрантской периодической печати[90], наиболее информативном и доступном источнике по проблеме. Оперативность, непосредственное реагирование на происходившие события, наличие обратной связи с читателями, публикация материалов по злободневным вопросам, систематичность выхода позволяет проследить в развитии ту или иную проблему. Многочисленность, хорошая сохранность, полнота коллекций органов периодической печати делают этот вид источников наиболее доступным. Некоторые материалы, отложившиеся в архивах (даже с грифом «секретно» или «не для печати»), можно встретить на страницах прессы. Российские, немецкие, французские научные коллективы в последние годы занимаются основательной систематизацией всей цепи событий, составлявших ткань жизни российской эмиграции. Основным источником фактов для таких работ послужили эмигрантские газеты[91]. Периодическая печать для российского Зарубежья играла особую роль. Она являлась одним из тех скрепов, которые позволяют говорить о Зарубежье, рассеянном по десяткам стран мира, как феномене внетерриториальной государственности. Органы периодической печати создавали единое информационное пространство Зарубежной России. Однако при работе с ними нельзя рассматривать их вне общественно-политической позиции. Прослеживается определенная «специализация» органов печати. Так, эсеровские издания больше внимания уделяли вопросам трудоустройства, теории и практике социалистических идей; кадетские «Последние новости» содержат более универсальную информацию (правовую, международную, о политике советского руководства, о культурной жизни), с ними конкурировало «консервативно-либеральное» «Возрождение» (с 1925 г.), берлинский «Руль» предпочитал «региональный срез» – о русских беженцах в Германии

комитета помощи российским гражданам за границей. – Париж, 1921. № 1–9/10; 1929–1930. № 55–62 (далее: Бюллетень РЗГК) и др.

[90] Последние новости. Ежедневная газета. – Париж, 1920–1940; Дни. Ежедневная газета. Берлин–Париж, 1922–1933; Возрождение. Орган русской национальной мысли. – Париж, 1925–1940 и др.

[91] «Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни 1920–1940. Т. 1–4. Франция. – М.–Париж, 1995–1997; Chronik russischen Lebens in Deutschland. 1918–1941 / Hrsg. Von Schlögel K. – Berlin, 1999.

Фактологическую базу можно получить из СМИ, издававшихся в Советской России (СССР). Например, Петербургские газеты начала 1920-х гг. «Вестник Дома литераторов», «Литературные записки» печатали хронику культурной жизни эмиграции. Кроме того, данный вид источника незаменим при изучении отношений метрополии и эмиграции.

Особую коммуникативную роль в эмиграции играла переписка[92] в силу рассеянности корреспондентов по разным странам. Поэтому переписка оставалась важнейшим средством связи, получения консультаций, рекомендаций, выяснения актуальных вопросов и т. п.

Источниковая база истории российской эмиграции 1920–1930-х гг. за последние 20 лет значительно расширилась. Активизировалась публикация источников. Следует отметить 4-томный сборник документов и материалов «Русская военная эмиграция»[93], в котором представлены документы из АВПРФ, Центрального архива Федеральной службы безопасности и Службы Внешней Разведки РФ. Документы ценны своей аутентичностью, расширяют сведения о российской эмиграции в странах Европы. Подборка документов и материалов в сборнике «Русские беженцы» составлена с учетом проблем расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения эмиграции в 1920–1930-е гг.[94]. Опубликованны А.В. Квакиным в журнале «Вестник архивиста»[95] ответы на анкету с 17 вопросами, разосланную ба-

---

[92] Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. В 2 кн. – М., 1998; «Наступило время компромиссов и эволюций…». Переписка В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева / Публ.. и предисл. А.В. Квакин // Источник. 2001. № 1; *Квакин А.В.* Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову: «Я завидую Ключникову…» (Переписка Б.А. Бахметева и В.А. Маклакова о новом лице русского либерализма начала 1920-х годов в архивном собрании Гуверовского института Стенфордского университета (США) // Клио. – СПб., 2001. № 1. С. 214–235; «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. – М., 2001–2002 и др.

[93] Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1–4. – М., 1999–2007.

[94] Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сборник документов и материалов. / Сост., публ., введение, прим., биографический комментарий, именной указатель З.С. Бочарова. – М., 2004.

[95] *Квакин А.В.* Документы по истории Российского Зарубежья из Коллекции баронессы Марии Врангель Гуверовского архива США // Вестник архивиста. 2004. № 1 (79). С. 263–295; № 2 (80). С. 291–314; № 3–4 (81–82). С. 272–286; № 5 (83). С. 311–325.

ронессой М.П. Врангель по странам-реципиентам (о количестве русских в стране, их правовом положении, возможностях поступления на государственную службу, количестве натурализовавшихся). И хотя документы не равнозначны по своему качеству и достоверности, а порой противоречивы, представляют далеко не все страны, все же мы имеем возможность составить определенную картину жизни эмиграции.

Поскольку видные деятели эмиграции являлись членами политических партий, следует обратиться к изданным протоколам соответствующих партий (эсеров, кадетов, октябристов). Например, юристы (М.Л. Мандельштам, П.П. Гронский, Б.Э. Нольде и др.), являлись членами партии Народной свободы, в протоколах заседаний кадетских групп[96] отразились основные положения докладов, материалы о положении беженцев в ряде стран. На заседаниях кадетских групп вырабатывалось мнение, которым надлежало руководствоваться их представителям в самых разных инстанциях. Изданы материалы Российского Зарубежного съезда (Париж, 1926 г.), незаменимого источника по истории общественных организаций, монархического движения[97]. Документы о политической жизни собраны в сборнике «Политическая история русской эмиграции»[98].

Обозначенный комплекс источников обеспечивает качественную и количественную представительность, дает возможность всестороннего анализа истории российской эмиграции 1920–1930-х гг. Их сопоставление, системный подход позволяют получить адекватный материал, воссоздать полную и всестороннюю картину деятельности Российского Зарубежья.

---

[96] Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 5–6. – М., 1997–1999.

[97] Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы / Сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. – М., 2006.

[98] Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Составьте понятийно-терминологический ряд, которым нужно владеть при изучении истории российской эмиграции.
2. Охарактеризуйте этапы изучения истории российской эмиграции.
3. Назовите типы и виды источников, основные архивохранилища.
4. В чем заключается дифференцированный подход к источникам?
5. Оцените важность изучения российской эмиграции.

Лекции 3–4–5

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

1. ***Пути исхода российских беженцев.***
2. ***Расселение беженцев: динамика, численность, география, центры.***
3. ***Феномен Зарубежной России.***

ПУТИ ИСХОДА РОССИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Исход россиян за границу стимулировали как Октябрьская революция, ставившая цель установления диктатуры пролетариата, так и Гражданская война, в результате которой победили большевики. Экономический развал, социальная и бытовая неустроенность, неприятие советской власти, боязнь репрессий, стремление избежать участия в противоборстве белых и красных, «переждать» смутное время, период тотального общероссийского кризиса стали основными причинами ухода в эмиграцию.

В 1917–1919 гг. преобладал поток гражданских лиц за рубеж, но с каждой новой неудачей белых армий в ходе организованных эвакуаций их остатков, а также войск интервентов, увеличивался удельный вес военных чинов. Эмигрантские волны расходились по всем направлениям и в первую очередь захлестнули приграничные с Советской Россией страны. Югославский исследователь М. Йованович в процессе возникновения российской эмиграции выделил три основных направления, по которым россияне покидали родину: 1. северо-западное, 2. южное и 3. дальневосточное. Далее передвижения беженцев связаны в основном с миграциями

уже вне пределов России. Наибольшее число изгнанников принесли эвакуации, связанные с окончательным поражением белых армий: из Северной области, с Крымского полуострова, из Приморья.

Северная, самая ранняя, волна двигалась в сторону скандинавских стран и Англии, которые для большинства беженцев и эвакуированных военных чинов стали транзитными[1]. Открытость северных российских границ и относительно безопасные пути, связывавшие их с центральными районами России, в отличие от южных и дальневосточных портов способствовали сосредоточению здесь беженцев из разных регионов с целью выезда[2]. Из стран Северной Европы первой страной, принявшей российских беженцев, стала Финляндия[3], через которую проследовал массовый поток беженцев из России в другие страны. Причем большая часть пересекла российско-финскую границу нелегально, по суше[4].

Как в Норвегии, так и в Финляндии эмигранты проживали в основном в городах (Осло и близлежащих районах, Хельсинки, Выборг, Гельсингфорс, что совпадало с местами проживания русского национального меньшинства). 11 июня 1920 г. был создан Временный комитет по делам беженцев Северной области в Норвегии и Финляндии, действовавший до 15 июня 1921 г. Он занимался в основном благотворительной работой, оказанием материальной помощи интернированным, содействием в трудоустройстве, а также переправкой их в европейские страны. Еще во время войны в Норвегию были перевезены большое количество из Германии пленных инвалидов – солдат и офицеров. Уже со второй половины 1920 г. лагеря беженцев стали пустеть, по-

---

[1] Подробнее см.: *Тетеревлева Т.П.* Пореволюционная российская эмиграция на севере Европы 1917 - начала 1920-х гг. // Русский исход. – СПб., 2004. С. 10–52; *Новикова Л.Г.* Эвакуация Северной области: предыстория, динамика распада, последствия // Там же. С. 53–78; *Демидова О.Р.* Из России в Финляндию: граница как экзистенциальная катастрофа // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сб. науч. трудов. – СПб., 2004. С. 3–7.

[2] *Тетеревлева Т.П.* Эмиграция через Архангельск (1918–1920) // Слово о людях и земле Поморской. Вып. 2. – Архангельск, 1995. С. 199.

[3] Подробнее см.: *Невалайнен П.* Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917–1939). – СПб., 2003. С. 13–36.

[4] См.: *Еленевская И.* Воспоминания. – Стогкольм, 1968. С. 106–115; *Гессен И.В.* Годы изгнания. Жизненный отчет. – Париж, 1979. С. 1–2 и др.

скольку многие разъезжались по другим странам. 15 июля 1920 г. был закрыт последний лагерь беженцев. Остававшиеся еще здесь около 40 стариков, женщин и детей перешли на положение частных лиц. Для них был снят пансион. Посланник в Норвегии Розен поблагодарил за оказанное гостеприимство местное правительство[5]. Позже российская диаспора пополнялась за счет беженцев, прибывших из Финляндии, Турции, и достигла 500 чел. Немногочисленные ареалы образовались в Швеции (1 тыс.), Дании (около 300)[6]. До 15 тыс. русских оказались на берегах Англии[7]. Значительная часть из них перебралась в европейские страны, другие (9428) натурализовались[8].

Западная волна достигла стран Балтии (от 40 до 10 тыс.), Польши (от 400 до 90 тыс.), Чехословакии (от 50 до 15 тыс.), Германии (от 600 до 250 тыс.), Франции (до 400 тыс.)[9]. Некоторое число русских подданных увлекли за собой отступавшие на запад немцы (январь – март 1919 г.), к интернированию на территории Эстонии и дальнейшему рассеиванию за рубежом привел уход за пределы российских границ частей Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.), в Германию эвакуировались части Западной армии генерала П.Р. Бермондт-Авалова (декабрь 1919 г.). Это была подвижная масса. Так, в Эстонию с Северо-Западной армией в ноябре–декабре 1919 г. отошло примерно 50–60 тыс. солдат и беженцев.

---

[5] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1.. Д. 101. Л. 6. Письмо Розена К.Н. Гулькевичу от 15 июля 1920 г.

[6] *Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1920–1940-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 161.

[7] ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1.

[8] *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. – М., 1995. С. 8. В. Лебедев называет общее количество русских в Англии 15 тыс. (Воля России. 1922. № 25. С. 8); Ч. Хантингтон – 10 тыс.; П.Е. Ковалевский приводит цифру 2,5 тыс. проживающих в Лондоне русских. М. Раев в книге «Россия за рубежом» на с. 44 говорит о 15 тыс. русских, эвакуированных в Англию после падения правительства Н.В. Чайковского. (Следует отметить, что Англия не приняла последнюю волну эвакуируемых из Мурманска и Архангельска, лишь позже отдельным эмигрантам удалось туда перебраться.) В то же время на с. 262 в таблице распределения русских беженцев по географическим зонам Раев приводит максимальное количество в Великобритании – 9 тыс. (1922 г.).

[9] См.: *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М., 1982. С. 41; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. – М., 1994. С. 262; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). – М., 1995. С. 18 и др.

Южная волна прошла через Украину и Крым и вынесла тысячи беженцев на турецкие и балканские берега. Из Одессы и Севастополя при эвакуации французских частей генерала Д'Ансельма в марте–апреле 1919 г. выехало Крымское краевое правительство и гражданское население. В результате эвакуации в январе 1920 г. остатков Добровольческой армии из Одессы, брошенных на произвол судьбы англичанами и неудачных попыток, полных трагизма, переправиться через румынскую границу российскую эмиграцию в Польше и Болгарии пополнил 60-тысячный корпус генерала Н.Э. Бредова. Основная его часть была интернирована в Польше. 16-тысячный отряд полковника Стесселя, последнего коменданта Одессы, сосредоточенный под Овидиополем, состоявший преимущественно из гражданских и небоеспособных военных чинов, направился в Румынию, но был встречен огнем пулеметов. Лишь благодаря вмешательству королевы Румынии 127 человек остались в стране, остальные переправились в Польшу и Болгарию[10]. Часть деникинских ВСЮР и гражданского населения из Новороссийска и Одессы были доставлены в Константинополь (25 тыс.); 8500 («сербская» эвакуация)[11] – в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия) по решению правительства от 24 января[12], а затем еще в марте 1920 г. около 3 тыс. англичанами с островов Эгейского моря («английская» эвакуация)[13]; в Болгарию – 8600 (по решению правительства от 9 февраля)[14]; на Принцевы острова – 13 тыс., на Лемнос – 2 тыс., на Кипр – 1,5 тыс., в Египет – 4 тыс. (раненые и больные чины ВСЮР вместе с семьями, перевезенные англичанами), всего в лагере Сиди-Бишр скопилось 6 тыс. человек.

Тем не менее, жизнь вносила свои коррективы. Хотя правительство КСХС и разрешило въезд 8 тыс. беженцев, в марте

---

[10] *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы (январь 1920 г.) // Архив русской революции. – Берлин, 1921. Т. 2. С. 91, 93.

[11] Последние новости. – Париж, 1920. 28 мая.

[12] *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход. – СПб., 2004. С. 168.

[13] *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7.

[14] *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 168.

1920 г. последовал запрет на доступ в страну, вызванный санитарными соображениями. Он касался групп, а не отдельных лиц. В связи с этим 19 марта официальный представитель белого правительства в Болгарии А.М. Петряев в секретной телеграмме на имя российского посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана отмечал, что «резкое и неожиданное решение сербского правительства закрыть границу для всех русских без различия вызывает… большое недовольство среди русских и дает обильную пищу для антисербской агитации»[15]. Поскольку эта акция расценивалась в Болгарии не как санитарная мера, а как политическая, враждебная белой России, Петряев просил Штрандтмана добиться смягчения этого запрета. Генерал-майор Артамонов, российский военный агент в КСХС, 25 апреля 1920 г. сделал запрос Военному и морскому министру КСХС о возможности эвакуации примерно 10–12 тыс. больных и раненых офицеров и членов их семейств, численностью около 30 тыс. человек. Предполагалось разместить их частично также и в Болгарии. «В надежде на благоприятный исход» он просил сообщить, какое именно количество русских беженцев могла бы принять Югославия[16].

Поскольку сербское правительство ежемесячно отпускало 3-миллионный кредит под расписку российского посланника[17] «на прожиточные нужды находящихся здесь беженцев», массовое увеличение их числа могло бы привести к усугублению положения. Штрандтман вынужден был просить российские представительства в других странах предупреждать желавших ехать в Королевство об ограниченности кредита и невозможности рассчитывать на ссуды, которые стали выдавать вместо прежнего льготного обмена из-за спекуляций[18].

Значительно бóльшую нагрузку пришлось вынести балканским странам в ходе самой многочисленной и последней эвакуации бе-

---

[15] Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 38. Л. 1.

[16] Там же. Л. 26.

[17] *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 8.

[18] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 38. Л. 29.

лого Крыма[19] после приказа главнокомандующего от 28 октября (10 ноября) 1920 г. Одновременно были оповещены о ней иностранные миссии. План эвакуации разрабатывался штабом главнокомандующего совместно со штабом флота. Основная тяжесть легла на флот, поскольку белые части и гражданские лица могли покинуть Россию только морем, т. к. с севера наступала Красная Армия. Эвакуация велась в пяти портах: Евпатории, Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи.

Франция была единственной страной, которая взяла под свое покровительство разгромленные силы белой армии. Французский крейсер «Вальдек Руссо», на борту которого находился адмирал Дюмениль, командующий французской эскадрой в Севастополе, по просьбе французского военного комиссара прикрывал отход. Покровительство Франции гарантировалось взамен имевшихся на русских судах продовольственных запасов. Русские корабли военного и торгового флота рассматривались Врангелем как залог в уплату издержек, предстоящих Франции по оказанию помощи российским беженцам.

Территория Турции казалась французам наиболее удобной для размещения российских беженцев. Мудросское перемирие 1918 г. и Севрский мирный договор 1920 г. лишали Турцию многих прав суверенного государства. Развалины бывшей Османской империи контролировались державами Антанты. С самого начала французская администрация объявила, что, как и полагается по международному праву, армия, перешедшая на чужую территорию, разоружается, превращается в группу беженцев и является исключительно объектом благотворительности.

Почти целиком крымская эвакуация осуществлялась через Константинополь (Стамбул), всего пропустивший примерно седьмую часть изгнанников[20]. Около 4 тыс. человек по приглашению румынского короля на французском корабле были доставлены в Румынию[21]. Хотя Румыния всячески сопротивлялась приему рос-

---

[19] Подробнее см.: *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. – М., 2002.

[20] *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. С. 39.

[21] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

сийских беженцев, старалась от них избавиться и многих высылала, к середине 1921 г. их число возросло с 10 до 55 тыс.[22], вновь сократившись в 1923 г. до 10 тыс. Представитель румынского правительства 29 сентября 1922 г. писал генеральному секретарю Лиги Наций: «По национальным, экономическим и санитарным соображениям Румыния не считает себя обязанной принимать беженцев из других стран, принимая во внимание то, что увеличение численности беженцев, уже проживающих на ее территории представляется опасным»[23].

Французы не ожидали такого огромного наплыва русских, хотя и содержали их на своих пайках[24]. Более 21 343 крымских эвакуантов были отправлены в Югославию, 4170 – в Болгарию[25].

После длительного и нудного ожидания войска были сведены в три корпуса и размещены в лагерях на полуострове Галлиполи, на острове Лемнос и в районе Чаталджи, в 50 км от Константинополя[26]. Гражданских лиц вначале разместили в десяти лагерях вокруг Константинополя, а затем свели в четыре[27].

К концу 1923 г., после ухода оккупантов, в Турции, настаивавшей на принятии турецкого гражданства российскими эмигрантами или на выезде из страны (не желавших натурализоваться), насчитывалось не более 10 тыс. беженцев[28], в сентябре

---

[22] Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. – М., 2000. С. 141.

[23] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

[24] В оперативной сводке разведорганов РККА от 22 ноября 1920 г. говорилось, что на константинопольский рейд прибыло к 18 ноября 1920 г. 34 судна со 110 тыс. человек. Военных можно считать выехавшими из Крыма от 20 до 30 тыс. человек (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 292. Л. 42). За весь период эвакуации на Константинопольском рейде сконцентрировалось, по разным данным, от 126 до 170 крупных и малых судов. См.: Альманах. Русская эмиграция, 1920–1930 гг. Вып. 1. – Белград, 1931. С. 5; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. – М., 1987. С. 17; Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. Из семейного архива Апраксиных-Котляревских. – Рыбинск, 1996.

[25] *Йованович М.* Обзор переселения русских беженцев на Балканы. С. 175.

[26] Подробнее см.: Der Grosse Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. – München, 1994. S. 21–63.

[27] Руль. – Берлин, 1921. 7 января.

[28] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 42; Население России в XX веке. Т. 1. – М., 2000. С. 141.

1925 г. – около 6 тыс.[29], к 1927 г. – около 3 тыс.[30], а в феврале 1929 г. – 1800[31].

Врангелевский флот был эвакуирован на побережье Средиземного моря и базировался на французской военно-морской базе Бизерта (Тунис), где простоял почти 4 года. Сюда в январе 1921 г. прибыли 30 судов с личным составом до 5,6 тыс. человек команды с членами семей, Севастопольский морской корпус. Вскоре командование эскадрой принял контр-адмирал М.А. Беренс. Казенные суда транспортного флота передавались французам в качестве обеспечения возмещения расходов по содержанию эвакуированных частей армии. Военные суда рассматривались как принадлежавшие не правительству, а организации получастного характера[32]. С 1922 г. шло сокращение личного состава эскадры. Почти 3,5 тыс. моряков отправились на поиски работы в страны Северной Африки и во Францию. В ноябре 1924 г. через 2 дня после признания СССР Францией Военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс приказал всем офицерам и гардемаринам эскадры собраться на борту эскадренного миноносца «Дерзкий» и передал распоряжение правительства Франции спустить Андреевские флаги, передать корабли французским уполномоченным, а самим сойти на берег[33].

В память о пребывании армии в военных лагерях на чужбине, о перенесенных тягостях и лишениях Врангель утвердил особые нагрудные знаки с надписью «Галлиполи», «Кабаджа-Галлиполи», «Лемнос», «Бизерта» и «Лукулл» и датами «1920–1921». Для чинов Русской армии, не находившихся в этих военных лагерях, был введен крест с надписью «1920–1921»[34].

---

[29] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 56. Письмо А.Ф. Шебунина, председателя русской Организации по содействию и помощи русским беженцам в Турции, М.Н. Гирсу от 21 сентября 1925 г.

[30] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0132. Оп. 11. П. 180. Д. 643. Л. 2; Оп. 10. П. 173. Д. 595. Л. 1; Оп. 6. П. 129. Д. 260. Л. 18, 108.

[31] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 68. Отчет верховного комиссара по делам беженцев об эвакуации русских из Стамбула.

[32] *Савич Н.В.* Воспоминания. – СПб., 1993. С. 420.

[33] *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. – СПб., 1995. С. 126. См. также: Русская эскадра в Бизерте. Документы РГВА о переговорах представителей СССР и Франции по возвращению кораблей Черноморского флота. 1924–1925 гг. (Публ. Н.Ю. Березовского) // Исторический архив. 1996. № 1. С. 101–127.

[34] *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. – СПб., 1996. С. 155–156.

Французская администрация не могла бесконечно субсидировать пребывание русских беженцев. К апрелю 1921 г. на содержание русской армии и флота было израсходовано более 200 млн. франков[35]. Ввиду отказа других государств разделить затраты последовало сокращение размеров материальной помощи. Эмигрантам предлагалось на выбор: 1) ехать в Бразилию; 2) вернуться в Советскую Россию; 3) записаться во французский иностранный легион; 4) самим обеспечивать свое содержание. Эти шаги привели бы к распылению остатков Русской армии, чего русское командование старалось избежать. Генерал Врангель предпринял самостоятельные шаги по переводу армии в течение 1921–1922 гг. в те страны, где державы Антанты не имели бы такого влияния, т. е. в Болгарию и КСХС. Соглашение о приеме русских контингентов в Болгарию было рассмотрено советом министров и подписано 18 августа 1921 г. начальником штаба полковником Топалджиковым (со стороны болгарского правительства) и генералом Вязьмитиновым (со стороны главнокомандующего Русской армией, военным представителем в Болгарии)[36].

Восточная волна (по некоторым данным 250 тыс. человек[37]) прокатилась через Сибирь к Дальнему Востоку. Часть россиян обосновалась в Маньчжурии, где и до 1917 г. было немало русских, часть двинулась дальше и осела в других районах Китая, Корее, Японии. Дальневосточную эмиграцию характеризовали крайняя подвижность и нестабильность.

Первый исход на востоке пришелся на январь–март 1920 г. в связи с поражением армии Колчака. Осенью 1920 г. после ухода японцев в Маньчжурию были вытеснены каппелевцы. Тогда же, боясь расправы большевиков, забайкальские казаки приаргунских станиц ушли в Трехречье (восточные притоки Аргуни: Хаул, Дербул, Ган), расселились от восточного берега Аргуни до западных склонов Большого Хингана и от КВЖД до верховьев Гана и Дербула и стали осваивать совершенно необжитые места[38]. По-

---

[35] Русские в Галлиполи. – Берлин, 1923. С. 458; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. – М., 1976. Ст. 492.

[36] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 25.

[37] *Стефан Д.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. – М., 1992. С. 19 и др.

[38] Подробнее см.: *Сибиряков Н.С.* Конец забайкальского казачьего войска // Минувшее. Исторический альманах. № 1. – Париж, 1986. С. 211–228.

следняя организованная эвакуация остатков белых войск прошла из Приморья через два года. Приказ об ее начале был отдан воеводой Приамурской Земской Рати М.К. Дитерихсом 17 октября 1922 г. Обязанности по выводу войск и беженцев были возложены на контр-адмирала Ю.К. Старка, командующего Сибирской военной флотилией. Посадка на транспорты проходила во Владивостоке с 20 по 24 октября 1922 г. в страшной панике. На 30 судах Сибирской военной флотилии и Добрфлота, частных пароходах и шаландах город покинули около 6 тыс. солдат и офицеров Земской Рати, гражданских беженцев. Отток офицеров за рубеж начался еще с уходом японцев в августе–сентябре 1922 г.

Сибирская военная флотилия во главе с адмиралом Ю.К. Старком (1800 членов экипажа, их семьи, морской кадетский корпус), не допущенная в японские порты[39], прибыла в корейский порт Гензан. Небольшая их часть перебралась в ноябре 1922 г. на 27 судах в Шанхай. Однако по требованию китайских властей флотилии пришлось уйти в Манилу в составе 14 судов[40] (полковник Бикнелль из Главного управления Американского Красного Креста в Вашингтоне 1 февраля 1923 г. уведомил С.А. Угета, российского финансового агента в США, о состоявшемся ассигновании 5 тыс. долларов для оказания первой помощи 800 русским беженцам, прибывшим в Манилу на судах флотилии адмирала Старка[41]). 14 сентября 1923 г. в Шанхай прибыло еще 3 судна с 750 казаками генерала Ф.Л. Глебова. Один их этих трех судов, «Монгугай», ушел с командой в СССР, два других стояли на рейде более трех лет, пока казаки Глебова не устроились в охрану международного сеттльмента[42]. Небольшая группа русских на утлом суденышке из Владивостока перебралась к одному из островов архипелага Фиджи. Судьба отблагодарила их за перенесенные страдания. Им удалось с комфортом устроиться, покупая

[39] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 183. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 16 декабря 1922 г.

[40] Там же. Д. 43. Л. 94. Письмо П. Рогальского от 23 января 1923 г. Как следует из его письма, остальные суда частью были оставлены в Гензане, частью проданы в Шанхае.

[41] Там же. Л. 70.

[42] Подробнее см.: Русские в Шанхае. – Шанхай, 1926. С. 34–37; *Басевич В.В., Цытович А.А.* Корабли не умирают. – М., 1974. С. 108 и др.

у туземцев продукты на романовки и керенки, вывезенные из России в огромных количествах[43].

Всего после 1917 г. эмигрировало 1,5–2 млн. человек[44]. Значительную долю из них составили военные чины. Выехали в основном русские (95,2 %). Среди гражданского населения преобладали мужчины (73,3 %), находившиеся в наиболее трудоспособном возрасте (от 17 до 55 лет – 85,3 %), с высоким удельным весом образованных людей (54,2 % – 70 %). Детей было примерно 10,9 %, стариков – 3,8 % от общего числа[45]. Великий исход длился в основном пять лет – с 1917 по 1922 гг. Пореволюционная эмиграция влилась в российскую диаспору общей численностью 8 млн. 853 тыс. человек и составила 10 млн.[46], куда вошли значительные группы русского населения, оказавшиеся в силу отхода от России целых областей вне пределов родины на положении национального меньшинства. Россиян разбросало по всему миру от островов св. Павла в Беринговом море до г. Ушуая на Огненной Земле, от Лиссабона до Новой Зеландии. Российские беженцы рассеялись по 45 странам мира. Это расселение определило свои очертания в первое десятилетие. Тогда же сложились основные эмигрантские общественные институты. До середины 1920-х гг. российская эмиграция отличалась высокой мобильностью. Но к концу десятилетия «беженецко-кочевническая психология уступила место психологии прикрепления к местам»[47]. Из приграничных государств переезжали в более благоприятные в социально-экономическом и политическом отношении.

Эмигрантские потоки были как контролируемые, так и нелегальные, преимущественно связанные с окончательным поражением белых армий.

Материальную и финансовую помощь по переселению *беженцев* взяла на себя *Лига Наций*, эвакуацию *военных чинов* –

---

[43] *Абданк-Коссовский В.* Русская эмиграция // Возрождение. – Париж, 1956. № 51. С. 137.

[44] Подробнее см.: Российская эмиграция: численность, расселение // Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. – М., 2000. С. 134–142.

[45] *Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Учебное пособие. – Калинин, 1977. С. 18.

[46] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. – Париж, 1971. С. 12.

[47] ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 93. Л. 2. Из письма В.И. Захарова и П.Н. Савицкого Леонтию Васильевичу (?) от 3 ноября 1928 г.

верховный главнокомандующий *Врангель*. Основной узел проблем, связанных с содержанием и расселением россиян, сформировался в Константинопольском районе. Верховный комиссар по делам русских беженцев Нансен через своих представителей добивался от правительств стран разрешения на въезд «константинопольцев». Архивные документы свидетельствуют о сложившемся конфликте между Лигой Наций и армейским руководством. Верховный комиссар в обмен на помощь по расселению из Галлиполи и с о. Лемнос потребовал письменного отказа Врангеля от командования частями[48]. Совет бывших российских послов Нансена поддержал.

Расселение беженцев: динамика, численность, география, центры

Поскольку российская эмиграция сохраняла подвижность до середины 1920-х гг. центры ее скопления менялись. Сначала это были приграничные страны, Балканский полуостров, капитуляционные страны. Затем наступила очередь стран вторичной миграции: Германия, с 1924 г. – Франция, которая разработала специальную политику привлечения рабочих рук, пока среди французских рабочих не начались выступления против конкуренции иностранного труда. Мобильными являлись, в первую очередь, люди здоровые, трудоспособные, не требовавшие благотворительной помощи. Но более или менее основательно россияне обустраивались лишь, потеряв надежду на скорое возвращение на родину, выбирая при этом страны с благополучной экономической и социальной конъюнктурой. Со второй половины 1920-х гг. активизировались попытки переброски беженцев в страны Латинской Америки, дополнив контингенты приехавших в 1920–1922 гг. из Константинопольского района.

В Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Румынии значительную часть беженцев составляли бывшие военные белых

[48] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 14, 48–49, 49–50.

армий, военнопленные, в том числе Красной армии, интернированные, содержавшиеся в лагерях Польши, люди гражданские, попавшие в эти страны во время революции, войны, тайно перешедшие границу. Кроме того, здесь находились русские, постоянно проживавшие на территории, оказавшейся теперь за пределами России. Часть из них не была признана гражданами вновь образовавшихся государств. Основной вид заработка беженцев – физический труд.

На Балканы россияне переправлялись в основном организованными группами, в составе воинских частей. Если в Эстонии, Латвии мужчины составляли 42 %, женщины 29 %, дети 29 %, то в Сербии и Болгарии – соответственно 71 %, 18 %, 11 %. Условия труда несколько отличались, но были не менее тяжелые. Преимущество беженцев в Балканских странах (кроме Турции), в отличие от Польши или Румынии, состояло в том, что их не подвергали безосновательным высылкам.

Чехословакия, Франция, Бельгия и Германия являлись странами по преимуществу вторичной эмиграции русских беженцев. Приток прибывавших непосредственно из России был невелик. Эти страны целенаправленно формировали контингенты беженцев, которые могли быть допущены к въезду: земледельцы, рабочие, студенты, профессура. Так, Франция, потерявшая в войну 7 % мужского населения, с 1923 г. сняла препоны для ввоза рабочих-иммигрантов. Кроме того, в ряде государств оставались бывшие граждане Российской империи, которые не являлись эмигрантами. Во Франции – это, прежде всего, чины Русского экспедиционного корпуса, в Германии – военнопленные мировой войны.

Особенность российской эмиграции в Англии, Италии, Швейцарии обуславливала закрытость этих стран, отсутствие русских общественных организаций, выступавших бы в той объединяющей роли, какую они играли в странах с крупными диаспорами. Эти государства предпочитали давать деньги на обустройство эмиграции, но не допускать ее на свою территорию для постоянного жительства, ограничившись заботой о русских, проживавших, как правило, еще с довоенного времени, к тому же относительно обеспеченных. Итальянские власти, хотя и называли цифры 15–

20 тыс. проживавших в стране русских в 1921 г., они явно не отражали реальную ситуацию. Как предполагает Е.М. Миронова, подсчеты были основаны на количестве выданных русским за годы гражданской войны виз[49]. Япония, Австралия, Южная Америка, США, Канада, проводили ограничительную иммиграционную политику.

Тотального учета российских беженцев проведено не было. Сведения переписей, проводившихся в тех или иных странах, достаточно быстро устаревали, часто учитывали лишь определенные категории эмигрантов.

Сведения, представленным Нансеном в секретариат Лиги Наций в июле 1924 г.[50], и 9-й сессии Лиги Наций в сентябре 1928 г.[51], представлены в табл. 1.

Из этого числа большинство составляли здоровые работоспособные одинокие женщины и мужчины, способные обеспечить себя и свою семью. Таким образом, на долю общественной благотворительности оставалось 30–40 тыс. стариков, инвалидов, детей сирот. Однако 200 тыс. беженцев, способных к труду, оставались без работы. Примерно 40 тыс. в числе эмигрантов составляли казаки, из них не менее 35 тыс. были земледельцами, и найти им работу не представлялось тяжелым делом. Но лица с образованием, не приспособленные к тяжелому физическому труду, чей удельный вес был весьма высок, находились в тяжелом положении.

На размещение и обустройство российских беженцев требовалось 200 млн. фр. фр. Если на перевозку из Константинополя деньги выделялись, то из других стран переезд осуществлялся за счет частной благотворительности, а также в виде возвратных ссуд[52]. Из пограничных с Россией государств более состоятельные эмигранты уезжали дальше, как казалось, в более благоприятные страны.

---

[49] Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. – М., 2003. С. 79.

[50] Последние новости. – Париж, 1924. 16 сент.

[51] *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). – М., 1995. С. 18.

[52] Последние новости. – Париж, 1924. 16 сент.

Таблица 1

Название страны	1924 г.	1926 г.	1928 г.
Австрия	3 500	2 465	2 505
Бельгия	10 000	–	–
Болгария	33 000	28 340	25 942
Великобритания (с колониями)	4 000	40	292
Венгрия	2 600	5 294	1 154
Германия	500 000	Ок. 40 000	–
Дания	1 000	300	300
Греция	3 500	2 000	2 045
Данциг (своб. гор.)	3 500	–	269
Испания	–	–	500
Италия	1 500	–	–
Китай	60 000	76 000	88 548
Латвия	15 000	33 544	30 000
Литва	3 500	7 644	8 000
Норвегия	–	Миним. число	-
Польша	70 000	Ок. 68 300	Ок. 100 000
Румыния	80 000	–	–
Турция	9 000	5 000	1 747
Финляндия	13 000	14 314	14 314
Франция	400 000	Ок. 400 000	Ок. 400 000
Швейцария	4 000	–	–
Швеция	–	1 000	1 000
Чехословакия	27 000	30 000	24 000
Эстония	15 000	19 000	17 353
Югославия	45 000	38 000	27 345
Япония	3 500	–	2 356
Всего	**1 304 100**	**771 241**	**747 670**

Государства-лимитрофы не стали местом долговременного пристанища, несмотря на то, что здесь проживало русскоязычное национальное меньшинство. В конце ноября 1919 г. после разгрома северо-западной армии, в пределах ***Эстонии*** находилась русская масса (до 40 тыс. человек) частью военных, частью беженцев. После целого ряда ужасов отступления в зимнюю стужу, с ночевками в лесах под открытым небом, когда в буквальном смысле слова, замерзали взрослые и дети, после ужасной тифозной эпидемии, которая унесла с собой многие тысячи жертв, после довольно затяжной и упорной борьбы с местными властями за право оставаться и осесть в пределах страны – русское беженство, наконец, расселилось по разным углам Эстонии. Значительное количество уехало из Эстонии, частью на Запад в другие государства, частью вернулись домой в Советскую России, являясь беженцами в буквальном смысле слова, а не политическими эмигрантами. Эстонские власти с опаской и даже враждебностью смотрели на северо-западников и беженцев и не раз прибегали к их выселению. После 1920 г. число русских пополнялось, прежде всего, за счет оптантов.

По данным переписи 1922 г. насчитывалось 91 109 русских, что составляло 8,2 % от общего числа населения республики. Причем, из 91 тыс. граждане Эстонской Республики, т. е. русские, проживавшие здесь до 1915 г., составляли 73 тыс. и 18 тыс. – приезжие, т. е. эмигранты. Русские, прибывшие в страну после революции, попадали в положение иностранцев. К 1924 г. в Эстонии находилось до 12 тыс. беженцев[53]. Перепись 1934 г. выявила 7 832 лица без гражданства. Их права в сравнении с гражданами Эстонии были существенно ограничены[54].

В пределах ***Латвии*** в 1921 г. насчитывалось 120 тыс. русских, бóльшую часть которых (95 тыс.) составляли «латвийские подданные русской национальности»[55]. В 1935 г. здесь проживало 12 % русских (233 366 чел.), и почти все были полноправными

---

[53] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 425–426. Справка о правовом положении русских эмигрантов и положении меньшинств в Эстонии. Ревель, 14 декабря 1923 г.

[54] *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии. С. 70; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 52.

[55] Бюллетень № 7–8 РЗГК 15 октября 1921 г. С. 33–34.

гражданами. В ряде восточных волостей русские составляли более 50 % населения. Они являлись наиболее многочисленным национальным меньшинством в стране. За ними шли евреи и немцы. Россияне, приезжавшие из других стран рассеяния, бывали поражены распространением русского языка. Фактически русский язык до 1932 г. пользовался такими же гражданскими правами, как и латышский, но не на формально-правовом уровне, а бытовом. Собственно беженцев в 1921 г. в стране насчитывалось 16 800 человек[56]. По данным Лиги Наций, в 1920-е гг. в стране проживало примерно 30 тыс. русских беженцев[57]. Их состав был самый разный – от офицеров, чинов белых и Красной армий до крестьян. Большинство перебивались случайной работой, преимущественно физическим трудом.

Русское меньшинство в ***Литве*** было незначительным, не превышало 2,7 %. По ст. 73 и 74 Конституции меньшинства пользовались национально-культурной автономией, что влекло за собой пользование государственным кредитом пропорционально численности[58]. Собственно беженцы в эту страну не тянулись. Более того, на въезд в страну иностранцам, в том числе русским, правительство разрешения почти не давало, допуская лишь тех, кто мог доказать пребывание свое на территории Литвы в течение не менее 10 лет.

В ***Финляндии***, где насчитывалось в октябре 1921 г. 19 585 бывших российских подданных (включая проживавших до 1917 г.)[59], особенно в первое время после получения самостоятельности, русские находились в тяжелом положении. Еще в марте 1920 г. вышел приказ, чтобы беженцев больше не впускали в Финляндию, а лишь по визам: «Уж очень их большой наплыв и нам их не прокормить»[60]. После двухнедельного карантина можно было расселяться далее. Передвижения по стране вне «черты оседло-

[56] *Левицкий Д.* О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. 1980. № 141. С. 207, 213.

[57] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

[58] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 55.

[59] *Мусаев В.И.* Политические организации в российской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939. – СПб., 2003. С. 84.

[60] *Еленевская И.* Воспоминания. – Стокгольм, 1968. С. 113.

сти» были ограничены без специального разрешения властей. За русскими был установлен систематический надзор, осуществляемый III отделом генерального штаба. Первоначально даже разговаривать по-русски было запрещено. Лицам без финляндского гражданства не дозволялось издавать печатные органы[61]. Однако к началу 1920-х гг. были признаны права на культурное самоопределение, открытие русских школ[62]. Но государственное ведомство, в котором бы было сконцентрировано управление жизнью беженцев, отсутствовало. Эти вопросы решались министерствами иностранных, внутренних дел, по социальным делам, губернаторами. Упор делался на расселении беженцев за пределами Финляндии. 200 человек были приняты Норвегией, депутаты сената настаивали на высылке большинства остававшихся. Правительство обратилось к европейским государствам с просьбой принять к себе русских беженцев, поскольку Финляндия испытывала сложности с их размещением и снабжением[63]. С 1922 по 1926 г. численность их уменьшилась до 15 тыс.[64], к 1936 до 6 815[65].

В 1922 г. в Гельсингфорсе между Россией и Финляндией было подписано соглашение о возвращении на родину находившихся в Финляндии российских граждан и пребывавших в России финских граждан. Отмечалось, что эвакуации подлежат только желающие[66]. Сдерживала возвращение надежда на смену власти в России. Но экономическое положение оставалось безнадежным. Безработица, связанная с сокращением вывоза леса, в первую очередь сказывалась на российских беженцах[67].

---

[61] *Еленевская И.* Воспоминания. – Стокгольм, 1968. С. 113.

[62] Дни. – Берлин, 1923. 7 апреля.

[63] *Рупасов А.И.* Дебаты в эдускунте о беженцах из России, январь 1919 г. // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сб. науч. тр. – СПб., 2004. С. 26–27.

[64] Отечественная история. 1993. № 4. С. 194; *Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1920–1940-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 162. Симпсон приводит данные о 8 тыс. человек. См.: *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. – London – New York – Toronto, 1939.

[65] *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. – London – New York – Toronto, 1939. P. 374.

[66] Руль. 1922. 31 августа.

[67] Бюллетень № 57–58 РЗГК. 15 марта 1930. С. 11–12.

Санитарно-медицинскую помощь беженцам оказывал РОКК. Земгор вкладывал средства в развитие русских школ.

Со стороны местного правительства некоторая помощь оказывалась *Центральным правительственным комитетом для оказания помощи беженцам*[68]. В Комитет входил представитель от русского населения по приглашению МВД. Помощь выражалась в выдаче пособий в размере от 35 до 150 финских марок в месяц наиболее нуждавшимся беженцам, в содержании двух домов для престарелых и больных в Халила на 35 человек и в Перкиярви на 42 человека, и в оказании медицинской помощи отпуском средств для РОКК на содержание амбулатории и аптеки, оплате лечения в Выборгской больнице, но только в острых случаях и не более двух недель и др.[69]. Нетрудоспособные русские беженцы получали продовольственный паек (обыкновенный, полуторный и двойной в зависимости от материального положения). Причем паек для русских был меньше, чем для карельских беженцев. К середине 1930-х гг. положение российских беженцев стабилизировалось.

В целом государственную политику можно характеризовать как корректную. Но смена правительства страны могла вести к перемене этой политики. Расхождение между жестким законодательством и либеральной практикой нивелировало отрицательные стороны административного нажима на эмигрантов.

С начала 1918 г. российские беженцы стали искать убежища в ***Польше***. После завершения польско-советской войны началось формирование российской диаспоры. В пределах Польши к концу 1920 г. оказалось не менее 150 тыс. российских военнопленных и беженцев[70]. К 1932 г. их осталось 15–20 тыс.[71]. Военные

---

[68] У Н.И. Нехорошева и Б.Н. Гревеница значится: Государственное центральное управление помощи беженцам. См.: *Нехорошев Н.И.* Положение русских беженцев в Финляндии // Вестник РНК. 1924. № 10. С. 125; Б.Н. Гревениц – В.А. Маклакову. Ответы на вопросы о юридическом положении русских беженцев в Финляндии // Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов (1934–1940). Сб. документов. Кн. 2. – М., 1998. С. 14.

[69] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 25; *Нехорошев Н.И.* Указ. соч. С. 124.

[70] *Симонова Т.М.* Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. – М., 2001. С. 170.

[71] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 37.

чины, как воевавшие против советской власти, так и за нее, были размещены в лагерях (Стржалково, Тухола, Пикулицы, Калиш и др.). Ежемесячно советско-польскую границу пересекали нелегально по 30–50 человек. Одни искали родственников, другие стремились, неизвестно куда, несмотря на предупреждения советской прессы о тяжелом положении беженцев в Польше. Препятствия со стороны властей, боязнь местных жителей втягиваться в работу по оказанию помощи россиянам, пересекавшим границу, отсутствие помещений для создания столовых тормозили организацию содействия беженцам. Весной 1922 г. польские власти запретили проживать русским в 150-верстной приграничной полосе[72]. Беженцы страдали от регулярных высылок из страны. На съезде русских юристов в октябре 1922 г. П.Н. Маслов, представитель Варшавского общества юристов-эмигрантов, Русского попечительного комитета (РПК), говорил о 350 тыс. русского населения, проживавшего в Польше. П.Н. Маслов говорил о тяжелом положении интернированных армий. Создавалась нетипичная в таких случаях ситуация: согласно международному праву интернированных освобождают после заключения мира, между тем война велась между Советской Россией, с одной стороны, и самими интернированными, с другой, и мира между ними заключено не было. Поэтому эти интернированные до бесконечности могли оставаться за лагерными замками. Солдаты не могли даже выйти за пределы лагерных проволочных заграждений. Маслов ходатайствовал о расширении права интернированных на выход из лагеря[73].

Попытки оказать помощь делал *Российский эвакуационный комитет* (с сентября по декабрь 1920 г. – Русский политический комитет), созданный по инициативе Б.В. Савинкова. После его ликвидации помощь 6,5 тыс. интернированным бывшей Русской армии перешла в ведение *Русского попечительного об эмигрантах комитета в Польше*. Земгор добивался разрешения на перевозку 1,5–2 тыс. человек в Сербию. Надеялись, что поляки предпочтут единовременное ассигнование на их переезд расходам на длительное содержание. Ежедневно из лагерей сбегало несколько

[72] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–9.
[73] Руль. 1922. 4, 10 октября.

человек с риском быть пойманными и помещенными в карцер. Русские военнопленные в лагерях были совершенно бесправны. Невыносимо тяжелые условия содержания в бараках, зачастую совершенно непригодных для жилья, антисанитария, недостаток обмундирования (отсутствие обуви, нижнего белья и пр.), издевательства со стороны администрации лагерей, принуждение к тяжелым работам, непомерно длительный рабочий день (до 18 часов), практически неоплачиваемый, дисциплинарные взыскания, отличающиеся варварской жестокостью, избиения – все это вело к колоссальной смертности военнопленных[74]. Лишь в 1924 г. лагеря интернированных были расформированы.

Балканские страны в результате трех эвакуаций из России (французской из Одессы в апреле 1919 г., после сдачи белыми Новороссийска и Одессы в январе–апреле 1920 г. и самой многочисленной из Крыма осенью 1920 г.) стали основным прибежищем военных чинов Русской армии и большой части гражданских беженцев. Отличительной чертой стало также наличие значительного числа нетрудоспособных (инвалидов и детей), нуждавшихся в оказании помощи и неспособных перебраться в более благоприятные места.

Многие изгнанники прошли через ***Грецию***[75], но надолго задерживались лишь те, кому некуда было податься. Благотворительную помощь оказывали представитель Нансена (Адосидис, А.А. Котельников), уполномоченный РОКК (В.С. Демидова). С 15 сентября 1923 г. правительство прекратило содержание 120 больных беженцев, находившихся в Афинах и Пирее в госпиталях. Реальную помощь в такой безвыходной ситуации мог оказать только верховный комиссар по делам русских беженцев[76]. Демидовой также удалось добиться содействия проф. В. Бенсиса, директора санитарной части министерства государственного призрения. Бенсис исключительно хорошо относился ко всему русскому, т. к. его мать, рожденная Белинская, была дочерью знаме-

---

[74] АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 216. Д. 52653. Л. 3–6; Д. 52655. Л. 1, 5, 24, 26–27, 35, 37, 38, 42–48

[75] Подробнее см.: *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Греции (1920-е – середина 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

[76] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 179. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 24 сентября 1923 г.

нитого писателя. К сожалению, и без того тяжелое финансовое положение Греции осложнялось внешнеполитическими проблемами. Многие служащие министерства государственного призрения считали, что для русских делалось больше, чем для своих греков-беженцев из Малой Азии[77]. Поэтому из Греции наши соотечественники активно уезжали. В 1922 г. около 1,5 тыс. человек вернулись в Советскую Россию[78]. Многие перебрались в Америку, «где они, судя по письмам, хорошо устраивались, другие – во Францию»[79].

После прибытия русских из Константинополя, с Лемноса и Галлиполи в ***Югославию*** (до 1929 г. – КСХС) их количество составило более 40 тыс.[80] (всего же через нее прошло, видимо, около 70 тыс. российских беженцев), а в ***Болгарии*** – около 35 тыс.[81]. Положение беженцев значительно ухудшилось. Правительства этих стран включали в бюджет расходы, необходимые для поддержки русских, разрешили обмен русских денег (керенок, романовок) по льготному курсу[82]. Но уже с апреля 1920 г. Болгария, а с июля КСХС вынуждены были отказаться от такого рода благотворительности. Льготный размен денег был заменен безвозмездными субсидиями или ссудами, выдаваемыми ежемесячно.

В последнюю крымскую эвакуацию в ***Сербию*** прибыло 21 640 человек и общее количество беженцев составило 31–32 тыс.[83]. На

[77] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 180–183. Письмо В.С. Демидовой Б.Е. Иваницкому от 8 сентября 1923 г.

[78] Там же. Д. 42. Л. 99.

[79] Руль. 1923. 5 апреля.

[80] Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 7, 46.

[81] *Йованович М.* Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялята емиграция в България. С. 87; *Daskalov D.* Sofia: die russischen Flüchtlinge in Bulgarien // Der grosse Exodus. S. 67, 76.

[82] В связи с увеличением численности беженцев возрос спрос на деньги, выделяемые правительством для льготного размена. В марте 1920 г. их объем был ограничен 1 тыс. руб. на одного человека в месяц и производился из расчета 600 динаров за 1 тыс. руб. С июля 1920 г. правительство ввело новые правила оказания денежной помощи. В соответствии с ними льготному размену был придан характер безвозмездных субсидий или ссуд, выдаваемых ежемесячно: одиноким – 400 динаров, семьям из 2 лиц – 700, из трех – 850, четырех – 1 тыс.

[83] В очерке «Политика КСХС в связи с отношением к русским беженцам» (15 апреля 1922 г.) речь шла о 50 тыс. русских, вкрапленных среди 13-миллионного населения страны // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 45.

их обустройство российским послом в США Б.А. Бахметевым были переведены в Париж для Земгора 400 тыс. долларов[84]. Беженцы прежних эвакуаций к этому времени в основе своей уже были устроены в городах, часть из них имела собственные средства, часть жила только на «размен».

Главнокомандующий Русской армии Врангель, связывал большие надежды с территорией и финансовой поддержкой образованного в декабре 1918 г. КСХС. Являясь союзником России в борьбе с Германией, это государство не осталось в стороне от поддержки русских антибольшевистских сил в Гражданской войне. Шанс разместить воинские части в пределах монархического государства, где 47 % населения к тому же исповедовало православие, казался многообещающим. Полагали найти здесь сочувствие, духовно родственную атмосферу и приобрести удобный военный плацдарм для дальнейшей борьбы против Советской России. Во главе КСХС стоял король Александр Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге. Замыслам Врангеля напрямую отвечала и внешнеполитическая доктрина КСХС: она определялась вступлением сербов в Малую Антанту (оборонительный союз с Чехословакией и Румынией), одной из задач которой стало предотвращение экспансии большевизма вглубь Европы. В свою очередь, королевское правительство, принимая участие в судьбе Русской армии, исходило из объективных национально-государственных интересов, диктовавших необходимость обеспечения формирующегося государственного аппарата квалифицированными научно-техническими и военными кадрами. Югославская сторона, в отличие от западноевропейских стран, признавала полученные в гражданских и военных учебных заведениях Российской империи дипломы имеющими законную силу.

Здесь, в Сремских Карловцах, с марта 1922 г. обосновался генерал Врангель и был расквартирован его штаб из 120 офицеров. Военное командование старалось сохранить армейский строй и казарменный порядок, а также право ношения военной формы. Российскому военному агенту в КСХС генерал-майору Д.Н. По-

[84] Бюллетень № 3–4 РЗГК. 15 мая 1921 г. С. 50.

тоцкому пришлось давать разъяснения в МИДе, что огнестрельное оружие русское военное начальство распорядится непременно убрать, а холодное – шашки и кинжалы – является необходимым атрибутом казачьей формы и в мирное время.

Официальных регистраций русских беженцев в КСХС не было, поэтому цифры о количестве проживавших там беженцев приблизительны. В Державной комиссии имелась своя регистрация, но только тех русских, которые получали какую-либо помощь. Чуть более половины составляли военные чины, остальные – гражданское население[85]. 25 июля 1922 г. «Руль» писал о концентрации в Сербии 8 600 офицеров и 12 840 солдат. Они были сведены в технический полк и работали под руководством своих офицеров на строительстве железных дорог. Оплата составляла 12 динаров в день при бесплатном содержании. Число беженцев в 1921 г. составляло около 55 тыс., в 1923 г. – 30 тыс., а к 1930 г. снизилось до 25 тыс. и продолжало уменьшаться[86]. На 1923 г. из 20 318 мужчин 12 649 были в возрасте от 21 до 45 лет, 73,5 % – с высшим и средним образованием[87]. Цифры говорят о несопоставимо высоком уровне образования эмигрантов по сравнению со среднестатистическим в дореволюционной России и Югославии. Цивильная часть беженцев по социальной принадлежности делилась на представителей интеллигенции – 65 %, крестьянство – 20 %, высшую аристократию и дворянство – 15 %[88]. Однако, по данным переписи 1923 г., смертность мужчин-беженцев превышала нормальную в 16–18 раз, причем наибольший уровень – среди мужчин 22–45 лет[89].

После отмены свободы передвижения в 1920 г. основное количество русских разместилось в центрах: в Белграде, Земуне, Сараево, Загребе. В этих крупных городах, культурных центрах проще было найти работу и реализовать профессиональный и творческий потенциал беженцев. Беженцы крымской эвакуации

---

[85] Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 111.

[86] Там же. С. 18.

[87] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 54–54 об.

[88] *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. 1920–1941 годы // Отечественная история. 2000. № 1. С. 35.

[89] Накануне. – Берлин, 1923. 2 июня.

были расселены в небольших городах и селах, зачастую не имея средств к существованию, не получая «размена», а частично вели лагерный образ жизни. К 1930 г. в Белграде и его окрестностях сосредоточилось до 10 тыс. русских и их число продолжало расти. Население же самой Югославии составляло всего 14,5 млн. человек[90].

Русские были организованы в колонии с целью коллективной защиты повседневных интересов. Колонии выбирали правления и дали решительный отпор, когда институт выборных правлений хотели заменить агентами Державной комиссии[91]. Внутренняя жизнь колоний регулировалась Российской миссией (Делегацией) в Белграде: надзор за правильностью выборных действий в колониях, рассмотрение просьб, жалоб, представительство перед Державной комиссией, моральная поддержка, выдача справок о родных и близких, находившихся в других странах, и т. д. Местная администрация, как правило, уклонялась от рассмотрения различных мелочей, предоставляя это право миссии, за исключением случаев уголовной и гражданской юрисдикции. Отношения русских колоний с другими организациями основывались на «Положении о колониях русских беженцев в КСХС». К 1924 г. в стране существовало в разное время 299 колоний, часть из них со временем прекратила свое существование[92]. Местные власти сознательно поощряли создание общин эмигрантов в поселках и городах православных частей Югославии – Сербии и Черногории.

Уже к началу 1920-х гг. российские эмигранты стали играть весьма заметную роль в хозяйственной жизни и работе административного аппарата КСХС. В их лице государство получило лояльно настроенные и квалифицированные кадры. С 1 сентября 1922 г. военные формирования перешли на трудовое положение. Офицеры занимались, как правило, квалифицированным трудом (преимущественно в городах). На долю рядовых воинских чинов приходился физический труд. Полковые хористы подвизались выступать по ресторанам и кабаре, «явно балаганного характера», как с неудовольствием отмечалось начальством. Среди офицеров

---

[90] Бюллетень № 59–60 РЗГК 15 мая 1930 г. С. 18, 20.
[91] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 82. Л. 68–69.
[92] Там же. Д. 95. Л. 11–22. Список колоний русских беженцев в КСХС.

находились и такие, которые с усердием принялись изучать сербский язык в расчете поступить учителями местных школ.

Русские сделали очень много для молодого государства: правоведы помогли создать законы, картографы – лучшие карты Югославии, архитекторы разработали план застройки Белграда, даже первый косметический салон в Белграде открыла русская беженка – Лидия Ираклиди (первая любовь В. Катаева, добрая знакомая И. Бунина)[93].

В ***Болгарии***, по сообщению «Руля», в 1922 г. проживали 9700 офицеров и 17400 казаков, солдат, юнкеров. Пехота большей частью размещалась по казармам в маленьких гарнизонах. В свободное время бывшие солдаты обрабатывали землю, получая дополнительные продукты питания[94].

Характерна миграция русских как внутри страны, так и за ее пределы. Одним из наиболее значительных событий было возвращение в 1922–1923 гг. из Болгарии в Советскую Россию по инициативе активно действовавшего в стране «Союза возвращения на родину» от 5 до 7 тыс. солдат, казаков, унтер-офицеров и части офицеров[95]. В итоге к 1930 г. численность эмигрантов в Болгарии уменьшилась приблизительно до 20 тыс. человек[96].

Председатель Комитета помощи русским беженцам в Болгарии епископ Стефан отправил в Лигу Наций, МКК, представителям великих держав и благотворительным организациям Европы и Америки записку с изложением ужасного положения русских беженцев. Общее число зарегистрированных РОКК лиц, нуждавшихся в помощи, составляло 32 тыс. человек, 1700 из них нужно было бесплатное питание, ночлег, огромному большинству – обувь, одежда. Уже с весны 1921 г. Красный Крест сократил средства на содержание беженцев. Стали наблюдаться случаи цинги, смерти от истощения, покушения на самоубийство, разви-

---

[93] *Сысоев Г.* «Лучшее, что имела Россия». О судьбе нашей первой эмиграции в Югославии // Новое время. 1992. № 4. С. 35.

[94] Руль. 1922. 25 июля. Ссылка дается на немецкий военный журнал «Militärisches Wochenblatt».

[95] *Пархоменко Т.А.* Русская акция в Болгарии. С. 204. В литературе называют также цифры 9–10 тыс.

[96] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 189. М. Йованович приводит цифру – 21500 чел. // Бялата емиграция в България. С. 87.

ваться туберкулез, малярия, от которой люди умирали. Почти все трудоспособные вынуждены были приспосабливаться к физической работе, но даже временной работой обеспечены были не более 70 % желающих. Поэтому Стефан обратился с просьбой объединить усилия обществ и правительств всех культурных стран[97].

Положение российских беженцев в Болгарии осложнялось тем обстоятельством, что страна после мировой войны оказалась на грани кризиса и вынуждена была выплачивать репарации (2,5 млрд. зол. фр.), благоустраивать не только эмигрантов, но и беженцев-болгар из отошедших соседним государствам болгарских земель[98]. Правительственная политика по отношению к россиянам прошла три качественно различных этапа[99]: с 1919 по 9 июня 1923 г.; следующий – по 19 мая 1934 г. и третий – по 9 сентября 1944 г. Первый этап характеризовался крайне непоследовательной и противоречивой политикой в отношении эмиграции. Союзническое отношение к Врангелю сменилось конфронтацией. Такая эволюция диктовалась ориентацией на установление связей с Советской Россией. Коммунисты препятствовали расселению врангелевцев, требовали от работодателей их увольнения и т. п. Эмигрантская печать в Болгарии утверждала, что открытые гонения на Русскую армию начались по «наущению Советов» после свидания А. Стамболийского, возглавлявшего с 1919 по июнь 1923 гг. правительство, с Г.В. Чичериным на Генуэзской конференции (апрель–май 1922 г.). После государственного переворота 9 июня 1923 г. отношение к русским в Болгарии изменилось. Новое правительство Цанкова распорядилось арестовать всех русских коммунистов, а также тех, кто желал вернуться в Россию, и отправить в Варну для высылки на родину. Ранее высланные из страны военные чины могли вернуться к своим частям. Т. е. второй период стал временем расцвета деятельности эмигрантских институтов, политики, направленной на сохранение национальной идентичности беженцев.

---

[97] Последние новости. 1922. 8 марта.

[98] Подробнее см.: *Кьосева Ц.* Руската емиграция в България. България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. – София, 2005. http://www.imir-bg.org/belo/bel.htm.

[99] См.: *Кьосева Ц.* Руската емиграция и българската държава (20-те – 50-те години на XX в.) // Бялата емиграция в България. С. 52.

Среди беженцев 44 % составляли лица умственного труда. Однако предложение таких профессий значительно отставало от спроса. 80 % болгарского населения проживало в сельской местности. Лишь незначительная часть россиян нашла соответствующую их квалификации работу. Бюро труда Земского союза смогло трудоустроить 14 509 русских, из них 3,8 % занялись интеллектуальным трудом, остальные 96,2 % – физическим. Следовательно, устройство на работу согласно профессиональной подготовке было почти невозможно. Начавшаяся с 1925 г. безработица усугубила положение. Каждый старался найти работу «по силам и более интеллигентную». Если такой не находилось, то предпочитали, заниматься «черной работой в культурной стране, где рабочий находится в лучших условиях, чем в Болгарии: поэтому-то и начинается переброска русских в Бельгию, Францию, Люксембург и колонии»[100]. В Софии было также создано Русское колонизационное бюро для содействия переезду беженцев в Южную Америку.

Таким образом, недостаток рабочих мест, отсутствие стабильного и достаточного заработка, тяжелые условия труда, неприспособленность эмигрантов к новым условиям жизни стали причинами сокращения российской эмиграции в Болгарии.

В начале 1920-х гг. один из крупнейших центров российской эмиграции сложился в ***Германии***. Двусторонние отношения Германии с Советской Россией давали возможность легального въезда и выезда из страны. Эмигрантов привлекала близость к родине, дешевизна жизни, возможность заработка, налаженные связи. Точных данных о численности российской диаспоры нет, тем более что эта страна для многих стала транзитной. Основной поток беженцев хлынул сюда в 1919 г., позже стали прибывать остатки белых армий, в 1922 г. немецкая земля приняла группу высланных из России интеллектуалов.

[100] По подсчетам М. Йовановича, уровень образования лиц, обратившихся в Бюро труда Земского союза в поисках работы был следующий: с высшим образованием – 6,6 %, со средним – 65 %, с низшим и домашним – 26,7 %, без образования – 1,7 %. Учитывая, что беженцы с высшим образованием не торопились обращаться в Бюро, предположительно в Болгарии их было 13–15 % // *Йованович М.* Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялата емиграция в България. С. 89, 90, 95, 96.

В среднем в 1919–1921 гг. здесь насчитывалось 250–300 тыс. бывших подданных Российской империи, в 1922–1923 – около 600 тыс.[101]. Многочисленные колонии сложились в Берлине и окрестностях (до 360 тыс.), Мюнхене, Дрездене, Висбадене, Баден-Бадене. Рассказывали, что представитель МИД Германии с улыбкой говорил: «Нам скоро не будет места у себя дома». Поводом для такого заявления был ответ одного молодого человека из русских эмигрантов на вопрос, нравится ли ему Берлин. «Да, – отвечал он, – Берлин мне нравится, но в нем слишком много немцев». Не случайно ходил анекдот об одном немце, повесившемся с тоски по родине. Русские сосредоточились в западной части Берлина, и, как вода и масло, налитые в один сосуд, немецкая и русская части не смешивались друг с другом. Подъезжая к Nollendorfplatz, кондуктор восьмого автобуса объявлял остановку: «Россия!». Дальше начинался русский квартал. Большинство беженцев размещалось в общежитиях, бывших лагерях для военнопленных, санитарных бараках в крайне стесненных условиях. Немногие могли снять или купить квартиру. Было нормой, когда 3–5 семей жили в двухкомнатной квартире.

Эмиграция по социальному составу была чрезвычайно разнообразной, ее особенностью являлось наличие значительной доли интеллигенции и состоятельных слоев российского общества (75–80 %), которые здесь перешли преимущественно в разряд малообеспеченных. Кроме немногих банкиров, владельцев ресторанов, врачей и адвокатов, русские беженцы существовали в крайней бедности, в невозможных условиях, умирали с голоду.

В 1924 г. русская диаспора в Германии стала резко сокращаться по экономическим причинам. Из побежденного Берлина переезжали в победивший Париж, где постепенно сложился самый крупный и значимый политический и культурный центр российской эмиграции. По различным данным, во ***Франции*** проживало от 100 до 400 тыс. граждан бывшей Российской империи[102].

---

[101] *Volkman H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. – Würzburg, 1966. S. 5.

[102] См.: Последние новости. 1924. 14 сентября; БСЭ. 1-е изд. Т. 64. – М., 1933. Ст. 164. Русские во Франции. Справочник // Ред. В.Ф. Зеелер. – Париж, 1937. С. 3; Советская историческая энциклопедия. Т. 16. – М., 1976. Ст. 496; *Мухачев Ю.В.* Указ. соч.

Французы активно участвовали в эвакуации русских, что способствовало тесным контактам с эмигрантами. Увеличение российской диаспоры в этой стране обусловлено несколькими факторами. В среде русской интеллигенции был распространен французский язык, что, следовательно, облегчало поиск работы. В Париже сосредоточились основные политические силы эмиграции, наибольшее количество благотворительных фондов, объединений, обществ взаимопомощи, русских банковских счетов. Кроме того, одной из самых жгучих проблем во Франции после Первой мировой войны стало уменьшение народонаселения. Страна нуждалась в рабочих руках. В 1923 г. несколько ослабли ограничения относительно въезда во Францию, были ликвидированы паспортные затруднения. В результате с лета из других стран ежемесячно прибывало до 1 тыс. русских беженцев[103]. Если раньше во Францию могли попасть лишь весьма немногие лица, преимущественно обладавшие необходимыми связями и материальными средствами, то теперь французским правительством была предоставлена возможность переселения казаков в сельскохозяйственные районы страны. Те осваивали новые земли и даже приобретали их в собственность. Значительную массу свободных беженских рук поглотила промышленность, в том числе, автомобильные заводы Рено (около 3 тыс.)[104], Ситроен (около 1 тыс.), Депаж, металлургические, электротехнические, химические предприятия, шахты. К концу года вновь были введены ограничения. По данным Парижского и Марсельского Бюро труда Земгора, в 1923 г. через них прошли 7050 человек. Были устроены 11,8 % мастеровыми, ремесленниками и квалифицированными работниками; 30,5 % чернорабочими; 51,3 % составили лица интеллигентных профессий, получившие заработок в области физического труда, и лишь 0,1 % – в области умственного труда; были также устроены инвалиды (0,8 %), 5,5 % нашедших работу составили женщины[105].

С. 41. П.Е. Ковалевский писал, что до 1914 г., по данным префектуры, только в Париже проживало 35 тыс. россиян (*Ковалевский П.Е.* Русский Париж полвека тому назад // Возрождение. 1970. № 220. С. 119). «Руль» 10 октября 1922 г. называл численность старой русской, преимущественно еврейской, колонии во Франции – около 30 тыс.

[103] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.

[104] Русские во Франции. С. 56. В БСЭ названа цифра – 4 тыс., 1-е изд. Т. 64. – М., 1933. Ст. 163.

[105] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 198.

Целенаправленно формировала российскую диаспору ***Чехословакия.*** Она привлекала в свои пределы преподавателей вузов, студентов, сельскохозяйственных рабочих. Предполагалось принять примерно 5 тыс. россиян. Эмигранты в большом количестве стали прибывать уже в 1920–1921 гг. Кто-то приехал вместе с чехословацким легионом, многие проникали нелегально, другие использовали старые связи среди чехословацких деятелей. С конца 1921 г. начали прибывать организованные группы беженцев из Турции, балканских стран, перевозка которых оплачивалась Чехословакией[106]. Для работы в вузах приглашали русских и украинских преподавателей. В результате в ЧСР сконцентрировались крупные культурные, академические и общественные силы. МВД и МИД ЧСР высказывались против прилива беженцев из России.

Значительная масса беженцев сосредоточилась в Праге и ее окрестностях, Брно, Братиславе, Пльзене, Ужгороде. С начала 1920-х по конец 1930-х гг. их численность сократилась с 50 тыс. человек до 15 тыс. (возможно эти цифры завышены)[107]. С 1923 г. в поисках лучших условий труда начались активные миграции беженцев внутри страны, а к концу 1920-х гг. – за ее пределы. Их отъезд стимулировал одобренный парламентом 13 марта 1928 г. закон об охране национального рынка труда, ограничив прием на работу иностранцев, прибывших после 1 мая 1923 г.[108]. При Земгоре была создана специальная комиссия по переселению русских в другие страны: Францию, Бельгию, Голландию, Аргентину, Канаду[109].

Премьер-министр К. Крамарж считал, что в возрождении России ведущую роль будут играть эмигранты. Возглавляемая им в парламенте Партия национальной демократии наиболее последовательно выступала в поддержку программы помощи русским. Президент республики Т. Масарик считал, что роль Чехословакии должна заключаться в подготовке российской интеллигенции

---

[106] Воля России. – Прага, 1922. № 7. С. 82.

[107] *Борисенок Е.Ю.* Русское земледельческое движение в Чехословакии. 1920-е годы // Славяноведение. 1992. № 4. С. 45; *Серапионова Е.П.* приводит цифры от 10 до 40 тыс., см.: *Серапионова Е.П.* Указ. соч. С. 21.

[108] Подробнее о трудоустройстве эмигрантов см.: *Серапионова Е.П.* Указ. соч. С. 31–39.

[109] *Серапионова Е.П.* Указ. соч. С. 32.

к будущей работе на родине. Программа помощи российским беженцам получила название «русской акции». Среди мотивов, обусловивших начало акции, неоднократно назывались уважение к русской культуре и благодарность России за поддержку, полученную во время войны. Важную роль сыграло убеждение, что гуманитарная помощь может оказаться выгодным помещением политического капитала.

Специфически благотворительное содействие беженцам было заменено созданием условий для их адаптации, когда они сами могли бы найти средства существования, получив образование, продолжая научную, педагогическую, культурную деятельность. Средства для «русской акции» выделялись МИД, министерствами народного образования, сельского хозяйства ЧСР.

Важнейшей составляющей русского мира 1920-х гг. стала ***дальневосточная ветвь***. Ее активное формирование началось после эвакуации последних сил белых армий в Китай, Корею, Японию.

По сведениям А.Е. Уссаковского, главы Комитета помощи беженцам и раненым Красного Креста, из Приморья эвакуировалось до 22 тыс. человек. Около 7 тыс. человек остатков белых воинских формирований вместе со следовавшими за ними гражданскими беженцами постепенно разошлись по всему Северному Китаю[110]. В январе 1923 г. уполномоченный Российского Красного Креста Б.Е. Иваницкий указывал на 20 тыс. беженцев, попавших из Владивостока в Корею (Гензан), и 15 тыс. – в полосу отчуждения КВЖД, главным образом в Харбин[111]. Материальное положение их было отчаянное, условия жизни чрезвычайно тяжелые: антисанитария, холод, недоедание. Большинство было занято вопросом о пропитании, поиском работы, в юридическом отношении – полная беззащитность. Китайские власти конфисковали казенное имущество белых войск, запретили въезд в полосу отчуждения. Вначале в Харбин смогли выехать только те, кто имел там родственников или получил приглашение на службу. Остальным угрожала высылка на юг страны. В пределах Китая

---

[110] *Красноусов Е.М.* Шанхайский русский полк. 1927–1945. – Сан-Франциско, 1984. С. 17; *Филимонов Б.Б.* Конец Белого Приморья. – Сан-Франциско, 1971. С. 340.

[111] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

помощь беженцам была совершенно не организована из-за недостатка средств[112]. Военным доступ в Харбин и на другие станции КВЖД был властями закрыт из-за опасения возникновения новых очагов белой борьбы. Пробравшихся сюда людей, как пишет исследователь Г.В. Мелихов, арестовывали и высылали в Советскую Россию[113].

Чуть в лучшем положении находились беженцы в *Корее*. В Гензане японские власти, Японский Красный Крест оказывали некоторую помощь. Беженцам отвели 2 барака на берегу (старая Таможня). Уссаковский в донесении от 15 ноября 1922 г. из Гензана в Особое совещание РОКК на Дальнем Востоке сообщал, что условия размещения были очень плохие, теснота, помещения без обогрева (к счастью, стояла еще теплая погода), отсутствие нар, так что спали все на полу[114]. Российские консульские представительства в Корее снабжали Уссаковского в первое время средствами. Имущество же Красного Креста, частично было разграблено, частично оставлено на советской территории[115].

В 1923 г. японский МИД сообщил российскому послу Д.И. Абрикосову, что в районе Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) пребывают до 5 тыс. русских беженцев. Жизнь здесь дорога, заработка нет, поэтому ни Япония, ни территория ЮМЖД не могут считаться подходящими для их жизни здесь. Ввиду этого японское правительство прекратило выдавать визы на въезд русских из других стран в пределы указанных территорий (Японию, Корею, полосу отчуждения ЮМЖД), и об этом решении поставила в известность секретаря Лиги Наций[116].

Главным городом дальневосточной эмиграции по значимости и численности считался Харбин, определившийся как русский город в далекой «дикой» Маньчжурии еще до 1917 г. В открытых портах – Шанхае (19 тыс.), который привлекал, главным образом,

---

[112] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 167.

[113] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае. 1917–1924. – М., 1997. С. 113.

[114] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 168; Д. 43. Л. 94.

[115] Там же. Д. 42. Л. 166, 167. Доклад председателя Особого совещания РОКК на Дальнем Востоке (Харбин) С.А. Аксакова Главному управлению РОКК от 25 ноября 1922 г.

[116] Там же. Д. 43. Л. 146.

предпринимателей и финансистов, Тяньцзине (3 тыс.), Циндао[117] проживало значительно меньше русских. Прибывавшие в Харбин русские находили здесь не «чужую землю», а знакомую и привычную им среду, русские традиции и нравы, русскую атмосферу. В Харбине находилось Гражданское управление КВЖД и Харбинское общественное управление. В 1918 г. дорога перешла в ведение Международного железнодорожного комитета и перестала быть русской железной дорогой. Хотя русские продолжали оставаться на службе дороги, их финансово-экономическое положение заметно ухудшилось. В результате трудных и затянутых переговоров СССР и Китай согласились в 1924 г. эксплуатировать дорогу на совместных, паритетных началах как «чисто коммерческое предприятие». Присутствие советских властей здесь, безусловно, повлияло на социально-правовую адаптацию русского мира.

Далее восточная беженская волна достигла берегов *Японии*. В национальном сознании японского общества сформировался определенный психологический барьер против иностранного присутствия в стране, который всячески поддерживался государственной политикой. Японские власти выступали против иностранных беженцев, считая, что именно они вызывают нарушения порядка в стране, где 99 % населения составляла мононация – японцы. В 1917–1920 гг. японские власти были поставлены перед фактом массового притока российских беженцев и русских реэмигрантов из Америки, возвращавшихся на родину после известных реляций Временного правительства об амнистии. В 1920 г., когда увеличился приток российских беженцев из Сибири после поражения колчаковской армии, японские въездные службы ввели так называемую «систему предъявления денег» за право въезда иностранцев из России (с 17 февраля 1920 г. 1500 иен с души), либо у въезжающего должен быть поручитель, признанный японскими властями, способный материально поддерживать эмигранта[118].

---

[117] *Стефан Дж.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. – М., 1992. С. 19; *Балакшин П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. – Сан-Франциско–Париж–Нью-Йорк, 1958. С. 9, 235.

[118] *Курата Юка.* Русские эмигранты в Японии (20–30-е годы XX века). Автореф. дисс. на соис. учен. степ. канд. ист. наук. – М., 1996. С. 12.

По неполным данным в Японии проживало 1–1,5 тыс. русских. Русские беженцы прибывали сюда главным образом через Владивосток (8 %), Маньчжурию (из Харбина – 28 %, из Хайлара – 3 %). В 1925–930 гг. их число увеличилось в 1,5–2 раза[119]. При этом русские сосредоточились в основном в четырех центрах: в г. Хакодатэ (о. Хоккайдо), в г. Токио, в г. Иокогаме (в префектуре Канагава), в г. Кобэ (в префектуре Хёуго)[120].

Австралийский материк «вошел в состав» Российского Зарубежья со времени прибытия туда казаков с Лемноса на окраины Сиднея, 66 уральских казаков во главе с атаманом В. Толстовым в Брисбен, сохранивших полковые знамена. За ними последовали забайкальские, оренбургские казаки, остатки Ижевского полка, чины Сибирской и Дальневосточной армии, бывшие служащие КВЖД и тысячи беженцев из Маньчжурии, Китая, Японии, Филиппин. По переписи 1921 г. русская община в Австралии насчитывала 4 138 человек; 1933 г. – 4 873; 1938 г. – 4 900. Больше всего русских переселенцев прибыло в 1925 г., после чего австралийское правительство снизило квоты на прием эмигрантов. Новая волна связана с прибытием в середине 1930-х гг. «китайских» и «харбинских» русских[121]. Большая часть россиян поселилась в Новом Южном Уэльсе. Въехать в страну, также как в Японию или США, можно было при наличии вызова и гарантии, что принимавший работает и сможет обеспечить иммигранта. В противном случае взимались высокие «предъявительские».

Много россиян рассредоточилось в Полинезии, постепенно перебираясь на американский или австралийский континенты. Брызги четырех эмигрантских волн долетели до Австралии, Канады, США, Южной Америки. Сюда эмигранты попадали уже через вторые, третьи или даже четвертые страны, убедившись, что скорый возврат на родину не состоится.

Страны Латинской Америки приняли как русских беженцев с турецких и греческих берегов, состоявших на французском пайке,

---

[119] По данным Лиги Наций в 1928 г. в Японии проживали 2356 русских. См.: *Серапионова Е.П.* Указ. соч. С. 18.

[120] См.: *Курата Юка.* Русские эмигранты в Японии. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – М., 1996. С. 8–23.

[121] *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний… Русские в австралийской истории. – М., 1991. С. 137.

так и более позднюю эмигрантскую волну из Европы. В 1921 г. в Турции информации о странах Латинской Америки было чрезвычайно мало, да и та противоречивая. Но, тем не менее, Совет по расселению русских беженцев в Турции пришел к заключению, что русских переселенцев ждет участь чернорабочих на частных и общественных землях без надежды стать самостоятельными колонистами. Промышленные предприятия находились в руках английского, североамериканского, французского капитала и русским туда доступа не было. Переселенцы могли быть потеряны для России ввиду плохой постановки эмигрантского дела, ужасного климата, тяжелых условий труда, зависимости от местных властей, отдаленности от родной страны, трудности ликвидации хозяйства в случае перемены места жительства. Предполагалось поставить интересы русских под защиту и покровительство какой-либо европейской страны (например, Франции), а также добиваться наиболее льготных условий для русских переселенцев[122].

Самая многочисленная диаспора россиян, примкнувшая к дореволюционной трудовой эмиграции, сформировалась в Аргентине. Затем шла Бразилия. В Парагвай и Уругвай крестьяне-иммигранты выезжали реже. В Парагвае задавала тон политическая эмиграция. В Мексику, первую из латиноамериканских государств установившую дипломатические отношения с Советской Россией (1924 г.), прибытие «русос бланкос» было затруднено[123]. В Мехико небольшая колония сложилась во главе с бывшим русским генеральным консулом бар. В. Венденгаузен-Розенбергом.

В этих странах россиян встречали чуждые условия жизни, непривычная пища, преимущественно физический труд. Незнание языка и законов страны переселения ставили их на уровень рабов. В городах устраивались на строительство, в портах на холодильники. Безработные в Буэнос-Айресе (Аргентина) жили на за-

---

[122] Материалы по эмиграции и трудоустройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Вып. II. – Константинополь, 1921. С. 45.

[123] Подробнее см.: *Мосейкина М.Н.* Роль государственных и общественных организаций в процессе адаптации русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1917–1945 гг. // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Сб. ст. – М., 1999. С. 100–114; *Путятова Э.Г.* Славяне в Южной Америке (по страницам журнала «Славяне») // Зарубежная Россия. 1917–1939. – СПб., 2003. С. 105.

росшей бурьяном свалке. В Бразилии иммигранты работали на хлопковых плантациях, угольных шахтах, марганцевых рудниках[124]. Часто местное правительство снимало с себя попечительство в случае, если эмигрант желал остаться в городе. Прежде всего, иммигрантский труд применялся для расчистки леса, прокладывания дорог, мелиорации почвы и пр. И все это в условиях труднопереносимой жары, когда купаться было нельзя из-за опасности малярии и лихорадки, а без головного убора невозможно было выйти на улицу. Большинство соглашались работать в губительных условиях труда на тропических плантациях, даже дорога к которым была значительным испытанием. Ночлежные дома для таких работников строились обычно очень большие, душные, с двухярусными нарами. Здесь процветали воровство, жестокие ссоры. Поднимаясь в 4 утра, на завтрак работники получали несколько больших тонких сухарей, суп из бобов. По истечении 4–5 часов изнурительного труда они переправлялись домой, возобновляя работу после того, как спадала жара. С наступлением темноты в 6–7 часов вечера бараки закрывались на всю ночь. В редких имениях устраивались праздники. Служба по контракту в рабочих артелях многих приводила к гибели, главным образом, по причине пьянства.

Редактор еженедельной газеты «Русский в Аргентине» Г.И. Толмачева, выступая 18 декабря 1938 г. в Младоросском Доме в Брюсселе с докладом о быте и политической жизни русских в Южной Америке, отмечала, что «русская эмиграция в Южной Америке, как, впрочем, и в Северной, лишь в очень незначительной своей части представлена “белыми”, эвакуировавшимися из России в результате большевистской революции», ибо в огромном большинстве своем состояла из простых людей, малороссов, белорусов и русских поляков. «Но жизнь “белой” эмиграции, – продолжала она, – в основных чертах почти не отличается от русской эмиграции в Брюсселе, Белграде или Берлине». Она подчеркнула также, что «русским долгом» газеты «является поддержать русскость в этих людях»[125].

[124] *Путятова Э.Г.* Славяне в Южной Америке (по страницам журнала «Славяне») // Зарубежная Россия. 1917–1939. – СПб., 2003. С. 105.

[125] Русский еженедельник в Бельгии. – Брюссель, 1939. 6 янв.

Новая волна интереса к заокеанским странам поднялась с середины 1920-х гг., когда миграционные возможности европейского региона были исчерпаны, и европейский рынок труда стабилизировался (Нансен говорил о более 200 тыс. российских беженцев в Европе, остававшихся без работы[126]), началась полоса дипломатического признания СССР, а чуть позже разразился экономический кризис, усугубивший безработицу среди эмигрантов. Вопрос о переселении русских беженцев за океан обсуждался в Лиге Наций. В 1925 г. в Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай была направлена специальная миссия Лиги Наций. В Буэнос-Айресе действовал представитель Лиги Наций полковник Л. Чайльдс[127]. Он вел официальную переписку с членами аргентинского и бразильского правительств по вопросам о перспективах и возможностях колонизации местных земель русскими эмигрантами[128]. Параллельно в ряде стран Европы создавались самими эмигрантами колонизационные бюро. Так, в Париже при Земгоре был организован отдел колонизации во главе с кн. В.А. Оболенским и В.И. Выборовым. Здесь же активно работал Комитет по содействию русским иммигрантам в Парагвае, созданный И.Т. и Н.Т. Беляевыми и парагвайским консулом Х. Лапьеро. Председателем его стал Донской атаман А.П. Богаевский. Гирс в одном из писем замечал: «Я вполне отдаю себе отчет в том, что первые усилия Беляева вполне похвальны и принесли уже известный результат для него и для той группы лиц, которая ныне устроилась. Я не знаю, что им сулит в будущем их новая жизнь в Южной Америке, ибо по-

---

[126] АВПРФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 314. Д. 54725. Л. 19. Записка А.М. Макара, полпреда СССР в Норвегии М.М. Чичерину от 31 мая 1926 г; Последние новости. 1924. 16 сентября.

[127] Б.К. Шуберт, капитан I ранга, в частном письме Гирсу от 24 марта 1925 г. из Буэнос-Айреса писал: «Сам Чайльдз, присланный сюда Лигой Наций, по-видимому, человек безвольный и покладистый, и как мне сообщили, хотел бы собрать комиссию из давно проживающих здесь русских, дабы не то иметь при себе совещательный орган, не то “в ограждении себя” в будущем. Во всяком случае, те земли, которые ему сейчас предлагаются, …абсолютно никуда не годны, и владельцы, на землях этих прогоревшие, стремятся сплавить их Лиге Наций, и путем обработки их “белыми рабами”» поправить свои обстоятельства» // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 7.

[128] *Мосейкина М.Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е гг. // Россия и мировая цивилизация. Материалы международной научно-теоретической конференции. – М., 1996. С. 43.

куда мы вправе рассматривать эти зачатки русских поселений как первый опыт русских колонизаций»[129].

В 1924 г. в Белграде А.П. Пилкин создал Русское колонизационное общество, ставившее «задачу способствовать переселению русских эмигрантов в Южную Америку (Парагвай)» и «организовать русские фермерские поселения на собственной земле». Устав Общества был утвержден МВД КСХС 5 октября 1924 г.[130]. В 1925 г. в Праге образовались Русская Земледельческая колония под руководством кн. П.Д. Долгорукова для содействия созданию русских земледельческих хозяйств в Южной Америке, Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку и др.[131] А августе того же года в Берлине было учреждено Русское колонизационное товарищество во главе с Б.И. Солодовниковым[132]. Выбор для колонизации Южной Америки российские беженцы обосновывали рядом причин: 1. отсутствием иммиграционных ограничений, 2. наличием достаточного количества незаселенной местности со здоровым климатом и плодородной почвой, 3. относительно невысокой стоимостью земли и возможным предоставлением льгот, 4. перспективами развития местной экономики, где могли бы пригодиться опыт и знания русских специалистов.

Такой вариант трудоустройства признавался возможным и для людей умственного труда. Так, Солодовников 7 сентября 1925 г. писал Гулькевичу: «Т. к. особенности сельскохозяйственной культуры в Южной Америке в значительной мере исключают европейский опыт, то, не зависимо от европейского стажа в этой области, все вновь прибывающие в Южную Америку переселенцы попадают в равные условия. Даже лица интеллигентных профес-

---

[129] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 73. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 21 ноября 1925 г.

[130] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 2. Письмо А.П. Пилкина В.Н. Штрандтману от 8 ноября 1924 г. А.П. Пилкин просил разрешения у В.Н. Штрандтмана вести прием посетителей 3 раза в неделю в помещении Правительственного уполномоченного С.Н. Палеолога.

[131] *Мосейкина М.Н.* Правовое положение русской эмиграции в странах Латинской Америки (1920–30-е годы) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2006. С. 219.

[132] Устав Товарищества и технический план организации колонии (в Бразилии) хранится в: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 7–14.

сий могут оказаться более гибкими в смысле приспособления к новым условиям, нежели привыкшие к европейским методам»[133].

Эмигрантская среда, включая прессу, активно обсуждала вопрос о переселении. Участие в разработке вопроса о трудоустройстве в Америке приняли русские общественные организации. Была проведена перепись по странам с выяснением профессий беженцев, желавших выехать в Южную Америку[134]. Главноуполномоченный РОКК Б.Е. Иваницкий 31 января 1925 г. циркулярно разослал письмо № 309 по своим представительствам в разных странах с просьбой учета лиц, желавших перебраться в Южную Америку[135]. Через год он писал Угету о намерении собрать и издать некоторые материалы о переселении в Южную Америку и Канаду[136].

Получив такое письмо Ф.В. Шлиппе, возглавлявший отделение РОКК в Германии, после доклада этого циркуляра в Объединенном совещании, опубликовал в «Руле» 10 февраля 1925 г. заметку, в коей приглашал желающих воспользоваться возможностью отправки на американский континент. Вскоре газета «Дни» опубликовала письмо делегата МБТ в Германии М. Шлезингера[137]. Он выступил против объявленной РОКК на Уландштрассе, 156 предварительной записи, поскольку находившаяся под руководством Шлиппе старая организация РОКК не получала от МБТ никаких полномочий. Сам Шлезингер принял участие в делегации для выяснения возможностей иммиграции в Южную Америку русских беженцев и образовал Объединенный комитет общественных организаций по отправке их на работу в другие страны. Общественные организации, находившиеся в оппозиции к Шлезингеру, были проигнорированы. С.Д. Боткин признавался, что о назначении Шлезингера «делегатом МБТ» ничего известно не было. Объединенному комитету Шлезингером было обещано 3 тыс. швейц. фр. для выдачи ссуд лицам, отправляемым на работы в разные страны.

---

[133] Там же. Л. 4–5.

[134] Последние новости. 1924. 16 сентября.

[135] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

[136] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 29. Письмо Б.Е. Иваницкого С.А. Угету от 14 января 1926 г.

[137] Дни. 1925. 14 февраля.

Боткин, не получив приглашения к сотрудничеству от МБТ, от имени Объединенного совещания общественных организаций опротестовал состав Объединенного комитета Шлезингера и обратился с письмом к А. Тома, председателю МБТ. В письме содержалась просьба установить отношения именно с Совещанием, а не с Шлезингером. В письме Гирсу Боткин писал, что «принадлежность Тома к социалистической партии создает между ним и Шлезингером невольную связь». Поэтому просил Гирса изыскать способы объективно осветить Тома действительное положение вещей в Германии через третьих лиц, пользовавшихся доверием директора МБТ[138]. Желание Боткина взять под свой контроль отправку беженцев в Южную Америку диктовалось рядом причин. Он считал, что «находясь в руках Шлезингера, профессора-теоретика Брунста (порядочный человек, но без свойств практического деятеля) и других каких-либо иностранцев», организация переселения «вряд ли может послужить на пользу русским уроженцам». Также подчеркивал тяжелые условия существования и непривычный для русского человека климат. Боткин предполагал, что результатом 6-месячной экспедиции «явится то, что лучшие местности будут предоставлены немецким колонистам, а наиболее неподходящие, может быть навязанные по местным условиям лишь для получения хороших участков, будут предоставлены нашим соотечественникам»[139].

Германское правительство, озабоченное безработицей, согласилось помогать МБТ в организуемых им переселениях из Германии за океан и выделило 100 тыс. марок. Известен пример Русского колонизационного товарищества, образованного в 1925 г., но до конца 1927 г. не сумевшего отправить ни одной партии в Бразилию[140].

Помимо попыток содействия иммиграции в Южную Америку, высказывались и очень серьезные опасения. Боткин предостерегал Гирса: «Я лично вообще сомневаюсь в целесообразности с общегосударственной точки зрения будущей России выселения навсегда в далекие края наиболее энергичных (очевидно только

---

[138] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 16–18. Письмо С.Д. Боткина М.Н. Гирсу от 11–14 февраля 1925 г.

[139] Там же. Л. 23–25.

[140] Там же. Д. 108. Л. 22об., 27.

таковые и решаются на эту авантюру) русских людей»[141]. Гирс, побывавший в Южной Америке и знавший, как там обращаются с иммигрантами, в этом вопросе поддержал опасения Боткина: «Прокнер [Проктор] стремится осчастливить наших беженцев, обращая их в иммигрантов в другие страны, иммигрантов, имеющих [намерение] окончательно осесть там. Мы же хотим спасти наших беженцев для будущей России, рассчитывая, что, конечно, далеко не все, но, во всяком случае, большинство из них вернется на родину и будет служить ей всем тем опытом и теми познаниями, которые они приобретут за границей…. Нельзя, конечно, сурово проводить ее во всех индивидуальных случаях, т. к., прежде всего, следует спасти людей от голодной смерти, но она должна быть руководящей линией в нашей деятельности». Гирс акцентировал внимание на том, что Проктор и Джонсон будут увлекать всех работоспособных беженцев. Задача же эмиграции – «перевести туда лишь тех из них, коих нет надежды устроить в Европе, ближе к России, дабы по мере возможности они не утеряли сознания долга служения родине»[142].

17 декабря 1925 г. состоялось собрание представителей отделений РОКК, на котором был заслушан доклад Г.В. Глинки о проектах переселения в Южную Америку и принята резолюция. Выводы Глинки сводились к следующему: 1. переселение не является решением вопроса о предоставлении труда безработным беженцам и, тем более, вариантом улучшения положения российской эмиграции; 2. все проекты не обеспечивают правовое положение беженцев, в том числе право на труд; 3. переселение не может стать масштабным, а потому не может внушать опасений потери значительных русских сил для будущего России; 4. необходимо выявление всей полноты сведений о каждом из четырех государств, предназначенных для переселения (о свойствах земель, правовом положении переселенцев, видах помощи и т. п.); 5. привлечение к участию дела переселения российских представительств на местах и широкое осведомление о действительных условиях переселения[143].

---

[141] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.

[142] Там же. Л. 34. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 26 августа 1925 г.

[143] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 4. Опасения эмиграции были вполне обоснованными. Помимо дороговизны переезда (108 долларов на каждого для проезда

В странах Южной Америки появились российские представители МБТ из беженской среды. Так, Гирс поддержал кандидатуру о. Изразцова, когда речь зашла о представительстве в Аргентине: «Лично я знаю Изразцова как вполне уважаемого человека и деятеля, умеющего работать и, несомненно, могущего оказать пользу делу»[144]. Однако совет послов не имел средств для создания и содержания таких представительств[145].

Всего, по некоторым данным, в Бразилию прибыло 40 тыс. человек[146] (цифра, возможно, завышена). Это, видимо, объяснялось тем, что Бразилия прежде поддерживала дипломатические отношения с правительством Врангеля. Мелкие торговые предприятия принадлежали португальцам. Русские при знании португальского языка могли за небольшую плату устроиться на государственную службу. С прежними переселенцами из России новая эмигрантская волна не сливалась, завоевывая себе место под солнцем, благодаря собственному уму, трудолюбию, упорству, а подчас и героизму.

Не найдя себе достойного места в Южной Америке, часть эмигрантов находила возможности переселения в США, Канаду или Европу, несмотря на то, что североамериканские страны относились к иммигрантам очень избирательно.

Так, в ***Канаду*** в 1920-е гг. могли приехать только земледельцы, агрономы. Заместитель госсекретаря иностранных дел Ж. Поп писал 17 октября 1922 г. заместителю генерального секретаря Лиги Наций, что «канадское правительство не торопится с приемом иммигрантов, каким бы ни был род их занятия и какой бы национальности они ни были, за исключением тех случаев, когда речь заходит о специалистах по сельскому хозяйству. Если российские беженцы, принадлежащие к крестьянству, желают воссоединиться в Канаде с родственниками или друзьями, иммиграционные власти рассмотрят такую возможность, принимая во

в Перу, 20 ф. ст. – в Аргентину, Бразилию), россиян беззастенчиво обирали спекулянты и пр. // Там же. Л. 7, 9, 21об.; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.

[144] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 46. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 25 сентября 1925 г.

[145] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 97. Л. 4 об. Письмо М.Н. Гирса А.Ф. Шебунину от 17 декабря 1925 г.

[146] Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993. С. 4.

внимание любые паспорта и бумаги, удостоверяющие личность, имеющиеся у них на руках на данный момент»[147].

26 июня 1922 г. Гирс переслал И.Н. Ефремову в Швейцарию для сведения и руководства выдержки из доставленных ему посольством в Вашингтоне новых законоположений касательно иммиграции в Канаду. Особого внимания заслуживало требование закона о предъявлении иммигрантами национального паспорта, выданного правительством страны, из коей они происходят и выданным притом не за границей, а в самой этой стране. Кроме того, доступ в Канаду закрывался всем иммигрантам, не принадлежавшим к числу квалифицированных земледельцев, фермерских рабочих и домашней прислуги[148]. Лишь в 1925 г. канадское представительство в Лондоне высказало Джонсону готовность допустить российских беженцев в числе 5 тыс. иммигрантов. Оставалось решить только денежный вопрос[149].

Не в малой степени содействовал переселению представитель МБТ в Канаде О.Д. Дурново, учредивший Организацию. Подбирая контингенты в соответствии с требованиями канадского правительства, он сломал стену недоверия и содействовал сдвигу с мертвой точки дела переселения за океан. При его содействии в 1925 г. было получено от канадского правительства разрешение на приезд примерно 1,5 тыс. человек, находившихся в Маньчжурии, несмотря на сомнения в успехе этого предприятия[150]. Примерно тысяча из них расселилась в Западной Канаде на землях канадской Тихоокеанской железной дороги. Для содействия переселения в Канаду от Лиги Наций требовался кредит 100 тыс. ф. ст.

---

[147] Русские беженцы. С. 219–220; ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 71; РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 143–143об.

[148] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 225. Представление канадского правительства о правилах иммиграции от 9, 12 мая 1922 г. на англ. яз. см. Л. 226–226об.; АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 33, 34–34об.

[149] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 113. Л. 9. Ответ К.Н. Гулькевича С.А. Угету карандашом на письме адресата.

[150] 5 мая 1925 г. М.Н. Гирс писал К.Н. Гулькевичу: «…Хотя всецело отдаю себе отчет в малом вероятии успеха нашего ходатайства перед Лигой Наций о финансировании ею переселения беженцев из Манджурии в Канаду, я тем не менее был бы Вам весьма признателен за выяснение означенного вопроса и за Ваш отзыв» // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 14.

В связи с этим Дурново направил в Лигу меморандум[151]. В меморандуме говорилось, что если Европу отягощают безработные русские беженцы, то Канада, страна с колоссальными необработанными пространствами, готова их принять. Условиями для въезда она выставляла непременное занятие сельским хозяйством и наличие обязательства страны, из которой выезжал беженец, принять его обратно в случае, если Канада не пожелает более его иметь у себя. Канадская Тихоокеанская железная дорога готова была предоставить колонистам свои земли на льготных условиях (первые 4 года бесплатно), тем самым создавая условия для выплаты ссуды. В Канаде в 1926 г. ожидалась замена правительства, политика которого по предотвращению иммиграции привела к экономическому застою[152]. О благоприятной международной обстановке говорил и Угет в письме Гулькевичу: «…вопрос о расселении беженцев представляется настолько важным, с зарубежной точки зрения, что несмотря на все препятствия, нужно попытаться муссировать канадскую проблему»[153].

Необходимая информация часто не доходила до русских общественных организаций, способствовавших трудоустройству беженцев, вовремя. Так, в августе 1925 г. Н.И. Астров жаловался Гулькевичу, что слишком поздно пришло сообщение из Женевы о возможности выехать в Канаду для 20 агрономов. «Извещение пришло в четверг вечером, а в понедельник надо было садиться на поезд, – писал он. – Все агрономы были рассыпаны по стране на разных временных работах. Удалось захватить только 3 человека, которые и поехали ловить пароход. Оказывается это последний пароход в нынешний сезон. В течение лета ушло в Канаду несколько пароходов, а нас, русских, вспомнили перед самым отходом последнего парохода. Печально. Агрономы здешние умоляют обеспечить им места на следующий пароход, который, по сведениям здешней конторы пароходной, может быть пойдет в сентябре. Может быть Вы скажете об этом Джонсону?»[154]

---

[151] Там же. Д. 113. Л. 9–11.
[152] Там же. Л. 20. Письмо О.Д. Дурново С.А. Угету от 21 декабря 1925 г.
[153] Там же. Л. 18.
[154] Там же. Д. 7. Л. 34.

Экономический кризис в Европе стимулировал поиски места работы и в США. Россияне, прибывавшие в ***США*** со вторичной волной эмиграции, пополнили колонию из нескольких тысяч земляков, которым правительство позволило въехать даже не подвергая тесту на грамотность еще в начале 1920-х гг. Иммигранты допускались и по старым российским паспортам, и по нансеновским сертификатам. Россиян включали в квоты как поляков, сербов, болгар и др. в соответствии со страной их выезда в США. 45 % новых российских иммигрантов были доставлены на американских судах за счет правительства США и Американского Красного Креста из Турции, 35 % – с Дальнего Востока, 5 % (около 300 чел.) прибыли за свой счет[155]. Массовым въезд в пределы США быть не мог в силу ряда причин. Во-первых, первоначально беженцы надеялись на скорое возвращение в Россию после краха большевизма. Во-вторых, у основной беженской массы средств для столь далекого путешествия не было. И, в-третьих, к этому не располагала иммиграционная политика США, которую после 1917 г. принято называть ограничительной, политикой рестрикционизма («почти закрытых дверей»). После Первой мировой войны заокеанская миграция в целом уменьшилась. Именно Соединенные штаты законодательно поставили первыми барьер иммиграционной волне. Агитация за ограничение свободы въезда началась в стране с 1907 г. На основе доклада комиссии по иммиграционному вопросу был выработан первый иммиграционный закон, установивший «ценз грамотности». Но в 1913 г. президент Тафт наложил на него вето. 5 февраля 1917 г. конгресс принял новый закон «Об иммиграции иностранцев и проживании их в Соединенных Штатах»[156].

Секретарь Международного интернационала профессиональных союзов Д. Браун на съезде, посвященном вопросам миграции, в 1926 г. говорил, что многие народы Европы «не находят здесь больше благожелательного приема», и, «если Соединенные штаты являются единственной страной, окончательно установившей защитительный пояс против эмиграции, то и другие на-

[155] *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк. – М., 2005. С. 118.

[156] Закон и суд. – Рига, 1938. № 8–10. Ст. 4107.

ции направляются также по этому пути»[157]. В последнее десятилетие перед Первой мировой войной ежегодное число иммигрантов в США превышало миллион, в годы войны – всего 2–3 тыс. в год, а после – эмиграция из США превысила иммиграцию в страну[158]. Большинство российских беженцев, прибывших из Европы, оседали на восточном побережье США, а въезжавшие с Дальнего Востока – на западном. Но и небольшая квота для въезда иммигрантов, родившихся в России, иногда не выбиралась полностью. Более того, она заполнялась выходцами из Советской России, и Земгор даже предлагал добиться, чтобы в пределах существовавшей квоты известное число мест было бы обеспечено русским эмигрантам, лишенным прав гражданства в своем отечестве[159]. С июля по январь 1924 г. в США были допущены 147 737 квотных эмигрантов и 84 935 внеквотных. Среди них преобладали британские подданные и немцы – 232 692. Русская квота составила всего 2 248 человек, но эта квота не была исчерпана. До 1 января 1925 г. прибыло 986 человек и вне квоты – 836, т. е. примерно 1 % от проживавших уже в стране русских иммигрантов[160]. Астров 19 декабря 1922 г. писал Гулькевичу: «…русская норма иммиграции в Северную Америку далеко не использована. Бристоль в свое время исхлопотал разрешение на эвакуацию в Америку до 2 тыс. человек. Вопрос повис в воздухе из-за недостатка средств. В Америку едут по преимуществу евреи, великолепно сорганизованные, располагающие большими фондами на эвакуацию»[161]. В целом, в США попадали преимущественно иммигранты, образованные, зарекомендовавшие себя на научном или культурном поприще, способные заняться предпринимательством, не обременительные для американского бюджета, именно они имели

---

[157] *Лебедев Вл.* Жгучий вопрос эмиграции // Воля России. – Прага, 1926. Кн. V. С. 124.

[158] Русская эмиграция за два десятилетия // Руль. 1922. 25 июня. В 1899 г. в США прибыли 1774 русских эмигранта, до 1905 – их число не превысило 2–3 тыс., затем удваивалось и даже утраивалось, в 1913 г. въехали 51472 русских эмигранта, не считая других выходцев из России, в 1921–6553, в то время как выехали 15960 чел. Данные приводятся из отчета генерального комиссара иммиграции США.

[159] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 207.

[160] Руль. 1925. 19 февраля; ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 567.

[161] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 9. См. также: Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 567; Руль. 1925. 19 февраля.

возможность приехать по приглашениям либо предъявить значительные суммы иммиграционным властям.

Таким образом, расселение эмиграции определило свои очертания в первое десятилетие после исхода. З.Н. Гиппиус и говорила в 1930 г., что «одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и служилые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической и т. д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и земли) – представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо»[162]. Но образовательный уровень Зарубежья был выше, чем среднестатистический показатель России. Большую долю составляли бывшие военные чины, работоспособные мужчины, при этом число инвалидов было значительно выше нормы. Страны-реципиенты предлагали в основном физический труд, занятие которым для лиц интеллигентных профессий было либо непривычно, либо неприемлемо. Мировой экономический кризис стимулировал принятие законов об охране национального рынка труда, что снизило спрос на беженские рабочие руки, но стимулировало натурализацию. Вместе с тем российские эмигранты предпочитали заниматься квалифицированным трудом, на фабриках и заводах более развитых в экономическом отношении стран. В результате главной задачей стала корректировка иммиграционной политики, обеспечение свободы передвижения, трудоустройство, урегулирование правового положения эмигрантов

П.Б. Струве в речи «И.А. Бунин», произнесенной в Белграде 20 ноября 1933 г. по случаю чествования писателя, сказал, что «…так называемая русская эмиграция, один из величайших в мировой истории “исходов”, абсолютно очень большой и качественно весьма высокостоящей части населения», которая «временно отступила на чужие земли, и потому на ходячем политическом и газетном языке и именуется – “эмиграцией”[163]. По заявлению

---

[162] *Гиппиус З.Н.* Наше прямое дело. – Париж, 1930. С. 12.
[163] *Струве П.Б.* Дух и Слово. Сб. статей. – Париж, 1981. С. 306.

этой самой эмиграции произошел «выход государства из своей территории», возникла «государствообразная форма бытия русской эмиграции»[164].

ФЕНОМЕН ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

Адаптация российских эмигрантов к иноязычному, инокультурному пространству происходила достаточно сложно, слияния с прежними дореволюционными колониями, массового растворения в местной среде как правило, не происходило. Замкнутость и относительная самодостаточность российской диаспоры, надежда на скорое возвращение на родину способствовали формированию своеобразного феномена отечественной истории.

Основным отличием российской эмиграции 1920–1930-х гг. стало то обстоятельство, что она претендовала быть наследницей дореволюционной России, преемницей ее государственных структур, хранительницей национальных традиций и культуры. Потеря прежней государственной основы в деле защиты державных, национальных и частных интересов русских граждан породила за границей попытки воссоздания институтов, компенсирующих эту утрату, что привело к формированию феномена «перемещенной государственности», «беженской экстерриториальной России»[165] (российского Зарубежья) – единого, цельного, относительно самодостаточного квазигосударственного организма, не имевшего прежде прецедентов. В.Х. Даватц писал: «Теперь в эмиграции нашлись все элементы бестерриториальной русской государственности, не только в дружественной, но во враждебной обстановке. Вся эта масса людей вне родины стала подлинной “Россией в малом”, тем новым явлением, которое так не укладывается в обычные рамки». В 1920-е гг. в публицистической эмигрантской литературе стали употреблять понятие «Зарубежная Россия». Основанием стало то обстоятельство, что за границу были перенесены важнейшие эле-

---

[164] *Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. № LXIX. С. 374.

[165] *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. – М., 1992. С. 172.

менты государственного и общественного строя, появились общеэмигрантские институты, с которыми считались мировые державы, была использована инфраструктура учреждений, сохранившихся от царского или Временного правительств. После Крымской катастрофы были пересмотрены бывшие общенациональные связи живших в изгнании россиян. Россия зарубежная считала себя представителем подлинной государственности и выразителем национальных интересов. Она сорганизовалась, чтобы не остаться жалкой беженской пылью, этнографической массой и защитить юридические права изгнанников.

Феномен Зарубежной России характеризуется следующими составляющими.

1. *Попытки создания преемственного органа власти.*

Правительство Врангеля после поражения в Гражданской войне утратило остатки внутринационального и международного признания. Реальной властной структурой, остававшейся за рубежом, которая могла бы объединить и влиять на рассеянные по миру российские диаспоры, мог стать только дипломатический корпус (досоветской России), претерпевший определенные изменения.

К началу Первой мировой войны российское дипломатическое представительство за рубежом состояло из 9 посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме и Токио), 24 миссий, включая диппредставительства, которые возглавлялись министрами-президентами, 36 генеральных консульств, 84 консульства и 34 вицеконсульства. На 1914 г. штаты загранучреждений составляли 431 человек. После Февральской революции из царских дипломатов добровольно расстался с должностью лишь один посол в США Ю.П. Бахметьев. Временное правительство приступило к постепенному обновлению состава российских представителей за границей. Ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах буржуазное правительство доверило не профессиональным дипломатам, а представителям политической общественности, лояльной к республиканской власти в России. Октябрь 1917 г. изменил ситуацию. 22 ноября / 5 декабря 1917 г. НКИД предложил

всем служащим посольств, миссий и консульств сообщить, согласны ли они проводить внешнюю политику советского правительства. Ответа не последовало[166]. 28 послов, посланников и сотрудников посольств были уволены. Не признавшие советскую власть дипломатические и консульские службы, считали своим долгом продолжать действовать в рамках своих обязанностей и осваивая новые функции. Иностранные правительства по-прежнему сносились с ними как с официальными представителями России. Дипломатические миссии стали выдавать паспорта, на основании которых россияне могли жить за рубежом. Таким образом, бывшие послы выступили «символом и хранителем идеи российской государственности», а паспорта, выданные еще губернаторами или российскими дипмиссиями, – свидетельством принадлежности к Зарубежной России.

2 февраля 1921 г. в Париже было создано **Совещание послов** как неофициальный орган, объявивший о правопреемстве интересов российских граждан и «российского достояния» за рубежом. Переписка дипломатов свидетельствует о том, что для большей части эмиграции оно являлось преемственным органом государственной власти. Постоянным органом Совещания стал Совет послов во главе со старейшим русским дипломатом М.Н. Гирсом, сыном министра иностранных дел при императоре Александре III. После смерти Гирса в 1932 г. его преемником стал В.А. Маклаков. Полномочия Совета послов были признаны международным сообществом. Совет имел своего представителя при верховном комиссаре по делам русских беженцев Лиги Наций – К.Н. Гулькевича.

Существовавшую в России власть бóльшая часть эмиграции рассматривала как антинациональную, не легитимную, лишенную не только правового, но и морального основания. За ней отрицалось право на осуществление государственного и национального суверенитета. Поэтому старые дипломатические и иные представительства за границей считали своим долгом продолжать деятельность от имени законной власти, от имени России. Основанием для своей деятельности они считали, помимо признания их прави-

---

[166] Исключение составили поверенный в делах в Португалии П.Л. Унгерн-Штернберг и временный поверенный в делах в Испании Ю.Я. Соловьев. 26 ноября / 9 декабря 1917 г.

тельствами стран-реципиентов, «правовое ощущение формального существования национальной России, которую они представляли, вопреки насильственному захвату ее территории антинациональной и неправомерной властью»[167].

Делению на две России содействовал Декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г., когда были лишены российского гражданства лица, *а)* покинувшие Россию после Октября 1917 г. и не получившие от советских представительств заграничных паспортов до 1 июня 1922 г., *б)* выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти и *в)* добровольно служившие в армиях, сражающихся против советской власти. Желающие могли подавать заявления о восстановлении своих прав через ближайшие представительства РСФСР[168]. Но в советские посольства ходили немногие. Кроме того, в целом ряде стран (особенно до середины 1920-х гг.) дипломатические учреждения РСФСР (СССР) отсутствовали, и декрет стимулировал образование эмигрантских центров, защищавших права русских.

В распоряжении Совещания русских послов оказались определенные финансовые средства за рубежом[169], права на которые оспаривались Советским государством. На содержание русских делегаций выделялось по 1 тыс. ф. ст. в месяц, а также генералу Д.Г. Щербачеву, представителю русских армий при союзных правительствах, РОКК (старая организация), Земскому союзу,

---

[167] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 80об. Письмо Г.Э. Божинского-Божко В.Н. Штрандтману от 1 мая 1933 г.

[168] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 1. Ст. 11. Изданный 29 октября 1924 г. декрет «О союзном гражданстве» (Собрание Законов, 3 декабря 1924 г.) еще несколько расширил круг лиц, утративших гражданство СССР, включив в него выехавших за пределы СССР и не возвратившихся по требованию соответствующих органов власти. Поэтому эти категории эмигрантов были признаны апатридами.

[169] Как пишет О. Будницкий, Русская политическая делегация в Париже фактически распоряжалась деньгами, находившимися только в Европе. К.К. Миллер, агент министерства торговли и промышленности в Японии, Б.А. Бахметев, российский посол в США, и финансовый агент С.А. Угет соглашались переводить деньги лишь на конкретные нужды // Диаспора. Новые материалы. – Париж–СПб., 2002. Т. IV. С. 465–467. Так, в 1923 г. Миллер по ходатайству Гирса переслал 6 тыс. франков для уплаты вознаграждения личному составу Управления правительственного уполномоченного по делам русских беженцев в КСХС // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 62. Л. 9.

РПЦ за рубежом, Русскому освободительному комитету в Лондоне[170].

Защита интересов граждан бывшей Российской империи легла на дипломатические представительства и в тех странах, где, строго говоря, они не были признаны, т. к. представляли уже не существующее правительство. В Швейцарии дело осложнялось расторжением по инициативе Временного правительства Конвенции о водворении и торговле, заключенной между Россией и Швейцарией 14(26) декабря 1872 г. Официально было заявлено, если нет признанного Швейцарией российского правительства, и таких органов русской власти, которые имели бы бесспорное право совершать акты правительственной власти, то и выданные этими властями документы, паспорта и свидетельства (в том числе и дипломатические) не имеют силы; снабженные же ими лица должны быть признаны не имеющими законных видов на жительство[171]. Эти «беспаспортные иностранцы» подпадали под действие закона, дающего право высылать их из кантона и даже из Швейцарии или лишь терпеть их пребывание под условием залога или поручительства. Однако благодаря авторитету и личному влиянию представителей российских дипломатических кругов и переговорам с Федеральными властями Департамент юстиции и полиции издал циркуляр, в котором рекомендовал местным властям «относиться как можно благожелательнее к русско-подданным», предъявлявшим подписанные этими лицами документы. Залоги и поручительства являлись гарантией для местных коммун и кантонов от возможных расходов по содержанию неимущих русских[172].

В определенном смысле конкуренцию Совещанию послов составил **Русский совет** во главе с главнокомандующим Врангелем. 15 ноября 1920 г. на общем собрании представителей русских общественных организаций в Константинополе бывший член Государственной думы Н.В. Тесленко предложил резолюцию, в которой русские общественные деятели различных политических ориентаций заявляли, что видят «в лице генерала Врангеля, как прежде,

---

[170] *Будницкий О.* Дипломаты и деньги. Ст. первая. «Колчаковское золото» // Диаспора. Т. IV. С. 472.

[171] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 47.

[172] Там же. Л. 48.

главу русского правительства и преемственного носителя власти, объединяющего русские силы»[173]. Это стало первым шагом на пути к созданию Русского Совета при Главнокомандующем, претендующего быть преемственным органом законной власти и сосредоточившего в своих руках значительные финансы. Торжественное открытие Совета состоялось 5 апреля 1921 г. В некоторых эмигрантских кругах он приветствовался «как орган, объединяющий представителей различных политических течений, как орган русской власти и управления»[174]. В него вошли монархисты, кадеты и даже народные социалисты[175]. Так, А.А. Демьянов был избран управляющим делами Совета. Несмотря на огромные претензии Русского Совета, его главной задачей стала забота об эвакуации остатков белой армии из Турции и размещение ее на Балканах. Но постепенно Совет превратился в арену для политической борьбы, что побудило Врангеля внести предложение о прекращении его деятельности. Последнее заседание состоялось 20 сентября 1922 г. Большая часть эмиграции не признала его всероссийским заграничным представительным органом. Противники Русского Совета слева выступали против идеи и дела белого движения, а противники справа объясняли его крах отказом от политической борьбы, нерешительностью вождей взять знамя реставрации монархии в России. Вместе с тем шло постепенное сужение опоры Совета – ликвидирующейся армии. Находясь в отдалении от мировых столиц, он бойкотировался и международной дипломатией.

Поскольку бывшие военные чины Русской армии составляли значительную часть эмиграции, а ее командование осуществляло власть на последних рубежах России, остатки этой армии за границей стали «средоточием идеи о Зарубежье, как подлинном русском государстве, сохраненном и прикровенно продолжающем свое бытие, в чаянии грядущего возрождения»[176]. Врангель и его окружение, чтобы сохранить свой личный политический вес и ав-

---

[173] Русский Совет. – Париж, 1921. С. 1.

[174] *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.). – Париж, 1929. С. 235.

[175] Н.В. Чайковскому также предлагали войти в Русский Совет, но тот ответил решительным отказом.

[176] *Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. № LXIX. С. 374.

торитет армии в русском Зарубежье, в 1924 г. создали центр объединения всех военных обществ и союзов эмиграции – Русский общевоинский союз (РОВС). Армия фактически трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов в разных странах, объединенных общим руководством.

Попытки возглавить эмиграцию делались в монархической среде. Потенциальными наследниками Николая II были в. кн. Николай Николаевич и в. кн. Кирилл Владимирович. Равновесие между претендентами нарушил, Кирилл Владимирович который 26 июля 1922 г. подписал манифест и объявил себя «блюстителем» пустующего русского трона, ссылаясь на несомненную кончину царя и наследника. Главный политический Представитель августейшего блюстителя государева престола кн. Д.П. Голицын-Муравлин писал Гирсу 26 августа 1922 г.: «То тяжкое положение, в которое была поставлена Россия губительными событиями 1917 г., вынудило находящихся за границей наших соотечественников ради исхода из неопределенного условия быта признать, если не вполне правильной, то, во всяком случае, удобною наличность посольских учреждений, опирающихся на предположение о продлении бытия Временного правительства, возникшего под возглавлением кн. Львова и под управлением Керенского, переставшего существовать. Учреждения эти, под высшим водительством Вашего Превосходительства, оказали нашему многострадальному большинству несомненные услуги. Блестящая опытность Ваша, на Государевой службе приобретенная, принесла делу великую пользу. Ныне, после того, как состоялось провозглашение его императорского высочества в. кн. Кирилла Владимировича Блюстителем Государева Престола, дальнейшее оставление упомянутых учреждений как бы искусственным продлением Временного правительства, создает предположение, нисколько не отвечающее действительности». На что Гирс отвечал, что заграничное представительство никогда не выставляло себя как продолжателя того или иного правительства, и видело в себе символ хранителя идеи российской государственности[177].

Внешний эффект единения отнюдь не означал согласия в царской семье. Шаги в. кн. Кирилла Владимировича не были согласо-

---

[177] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 24 об.

ваны и с иностранными государствами. Не оправдались надежды и на поддержку Врангеля, за которым стояла военная эмиграция, преимущественно монархически настроенная. С.Н. Ильин в доверительном письме писал 17 августа 1922 г. из Белграда главе российской дипломатической миссии в КСХС Штрандтману: «11 августа 1922 г. генерал Врангель получил от в. кн. Кирилла Владимировича телеграмму: "я как блюститель Государева Престола неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество, единодушие в великом деле спасения России. Высылаю манифест. Уважающий вас Кирилл". Врангель ответил, что он, как и громадное большинство его соратников, мыслит Россию такой, как того пожелает русский народ, пламенно веря в то, что народная мудрость вернет Россию, как и триста лет назад, на ее исторический путь. Указывая на то, что великий князь уже ныне, на чужбине без участия народа предрешает этот вопрос, генерал Врангель сообщил великому князю, что при таком условии он не вправе обещать ему сотрудничество, которое ему угодно было предложить генералу Врангелю»[178].

Как замечал С.С. Ольденбург, работа по объединению национальных сил встретила «препятствия во взаимном недоверии организаций с различным историческим прошлым. При общей цели, при общем противнике, при отсутствии разногласий даже относительно средств борьбы, старые счеты и взаимные подозрения затрудняли реальное объединение»[179].

Наряду с попытками сплочения вокруг армии и монархической идеи, предпринимались шаги по объединению членов бывших российских законодательных учреждений (Государственной думы и Государственного совета, как казалось, более представительных и признанных в международных кругах) в **Русский парламентский комитет** (РПК). Идея его создания возникла 12 декабря 1920 г. на Совещании членов законодательных палат, состоявшемся в Париже, в помещении русского посольства. РПК взял на себя задачу содействовать делу борьбы путем организации связи и сотрудничества с представительными учреждениями Европы[180]. Цен-

[178] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 24.

[179] Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под ред. П. Струве. Кн. VI–VIII. – Прага–Берлин, 1923. С. 374–375.

[180] Проект положения о РПК за границей см.: ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

тральный Комитет находился в Париже. Среди членов парижской группы РПК были Бунин, Бурцев, Карташев, Шебеко, Пасманик, Анциферов[181]. В обращении членов комитета говорилось: «Третий Коммунистический интернационал захватил последний клочок русской земли, на котором сохранялась русская государственность. Последняя вооруженная опора правовой русской власти, – армия генерала Врангеля, – находится на чужбине. Неотделимым спутником правовой государственности и одним из самых мощных выражений ее служит во всем мире парламентаризм, – участие народа, в лице представительных учреждений»[182]. «Парламентские комитеты» возникли во всех крупных эмигрантских центрах. 3 января 1921 г. 20 из 28 оказавшихся в Константинополе бывших членов Государственной думы и Государственного совета составили собрание под председательством Н.Н. Львова, бывшего крупного помещика, члена ЦК партии кадетов в 1905 г., лидера прогрессистов, депутата I, III, IV Государственной думы, одного из руководителей Русского комитета объединенных организаций в эмиграции. Даватц назвал «парламентские комитеты стали ядрами русской национальной мысли, особенно ценными потому, что мысль эту они выражали не только декларативно, но и помогали своей практической работой»[183]. Ни парламентарии других стран, ни собственно эмигрантская среда не поддержали широко РПК, т. к. события 1917 г., Гражданская война вывели на историческую арену новые политические и общественные силы.

Поэтому парижская группа кадетов еще в конце 1920 г. опубликовала предложение создать Национальный комитет, в который бы вошли силы, оказавшиеся на гребне политической волны в Феврале 1917 г. Предложение кадетов встретило отклик со стороны левых партий, воздерживавшихся до сих пор от каких-либо совместных действий с несоциалистической демократией. Социалисты-революционеры 15 декабря 1920 г. ответили компромиссным

[181] Список членов РПК в Париже см.: там же. Л. 24, 58. На 24 марта 1921 г. значилось 27 фамилий (4 вычеркнуты).

[182] Под обращением стояли подписи 17 человек, в том числе, Г. Алексинского, члена Государственной думы и Государственного совета, Вл. Андреевского, члена Государственного совета по выборам, Е. Ковалевского, депутата III и IV Государственных дум // ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–3.

[183] *Даватц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. – Белград, 1926. С. 37.

предложением созвать 8 января 1921 г. **заграничный съезд членов Учредительного собрания 1917 г.** Таким образом, при содействии французского правительства 8–17 января состоялось совещание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания[184]. Из 56 членов, находившихся к тому времени в эмиграции, приехали 33 человека. 20 – игнорировали предложение, 3 – отказались. Среди участников совещания были представители эсеров (22), кадетов (5), по одному октябристу и энесу, один представитель от казаков, двое от татарской буржуазии кадетской ориентации. Председательствовал на совещании Н.Д. Авксентьев, член ЦК партии эсеров, бывший председатель исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, председатель Временного совета Российской республики. Надо сказать, что кадеты были с самого начала против реанимации Учредительного собрания за границей и хотели использовать совещание для объединения демократических сил и обсуждения актуальных вопросов эмигрантской жизни. Избранная Совещанием постоянно действовавшая Исполнительная комиссия (в составе 5 кадетов и 4 правых эсеров) оказалась не столько органом объединения, сколько разъединения. Известно, что совещание стало главной причиной раскола между правыми и левыми группами кадетов в эмиграции.

Плодотворной стала попытка создания надпартийного, широконационального союза в лице **Русского национального объединения** (РНО), выставившего лозунг «За Родину, за Отечество, за Россию!». Съезд РНО состоялся 5–12 июня 1921 г. В нем приняли активное участие представители Торгово-промышленного объединения, Парламентского комитета, Русского Совета, редакции газеты «Общее дело» (прежде всего В.Л. Бурцев), правых кадетов и октябристов. Группа Милюкова от участия в съезде отказалась, эсеров и меньшевиков не приглашали. Основу объединения составила идея свержения большевизма, отказ от восстановления старого общественно-политического строя, признание народовластия на основе конституционной демократии, всеобщего избирательно права, политических и гражданских свобод и т. д. Заявлялось, что

---

[184] См. подробнее: Бюллетени Совещания членов Учредительного собрания. Париж, январь-февраль 1921 г. № 1–6.

социальный строй должен базироваться «на внеклассовых основаниях», отстаивался принцип частной собственности, провозглашалось правовое закрепление и государственное урегулирование совершившегося перехода земель в руки крестьян на началах частной собственности[185]. Съезд принял программу, избрал Русский национальный комитет (РНК) под председательством А.В. Карташева. Несмотря на то, что РНО, с отделами в разных странах, не сыграло роль объединяющего центра, его инициативы имели действенный эффект по защите интересов русских беженцев.

2. *Международное признание и формирование правового поля русских беженцев.*

Эмиграции удалось добиться признания в международном праве ее особого положения (sui generic). Представительство эмигрантских интересов на международном уровне, участие в урегулировании правового статуса русских беженцев явилось косвенным признанием феномена Российского Зарубежья международным сообществом (см. лекцию 3).

3. *Элементы политической системы.*

В Зарубежье переместился центр российской **общественно-политической мысли**. Сложились три направления: традиционалистско-консервативное, либеральное и умеренно-социалистическое[186]. В эмиграции действовал почти весь спектр политических партий, вытесненных большевиками с внутрироссийской политической арены. В этом наблюдалась, скорее, традиция, чем особенность послереволюционной эмиграционной волны. Однако члены той или иной партии, посредством работы в общественных организациях, реализовывали на практике партийные решения. Ни одно из пореволюционных идейно-политических течений не смогло выработать объединяющей или ведущей идеологии, играя, тем не менее, значительную роль в интеллектуальной жизни эмиграции (см. лекцию 5).

---

[185] Задачи, характер и программа русского национального объединения. – Б. м., б. г. С. 29–30.

[186] Подробнее см.: *Шелохаев В.В.* Основные течения политической мысли в Русском Зарубежье в 1920-е гг. // Зарубежная Россия. – СПб., 2003. С. 22–25.

Общеэмигрантское значение имели русские **общественные организации**, как начавшие свою деятельность еще в России (Земгор, Российский Красный Крест), так и появившиеся в Зарубежье. Общественные организации имели как общеэмигрантское, так и местное, региональное, локальное значение. Можно выделить следующие принципы формирования таких объединений: профессиональный, корпоративный, по землячествам, объединявшим беженцев из отдельных городов (московское, петроградское) или регионов (крымское, северо-западное). Направления и виды деятельности общественных организаций были чрезвычайно разнообразны. Это была гуманитарно-благотворительная, профессиональная, культурно-просветительная, правовая, трудовая, медицинская и другая помощь, либо могли быть «клубы по интересам». В результате выстраивалась система социальной защиты и помощи. В целом они сыграли огромную роль в самоорганизации российской эмиграции 1920–1930-х гг., взяли на себя важнейшие функции урегулирования юридического положения, жизнеобеспечения и адаптации беженцев, позволили им сплотиться для защиты собственных интересов перед правительствами разных стран, в международных организациях, в том числе в Лиге Наций, сохранить национальные традиции, организовать национальную систему образования, поддерживать и стимулировать активную культурно-просветительскую работу.

Многочисленность и многообразие российских общественных организаций явилось результатом не только стремлений облегчить участь беженцев, но и разногласий, порой непримиримых, в том числе идеологических[187]. Подчас насчитывалось от нескольких десятков до нескольких сотен организаций, действовавших разрозненно, без общей платформы. И даже в одной организации, по словам Н.И. Астрова, могли существовать два течения, «борьба разных самолюбий»: «Маклаков уязвлен наличностью Гирса [в Совете послов – *З.Б.*], заслоняющего его своим авторитетом. Денисов не признается Третьяковым [в Торгово-промышленно-финансовом союзе – *З.Б.*]. В Красном Кресте Гучков старается подставить

[187] Например, в повестке дня одного из заседаний Союза русский врачей в 1925 г. стояли два вопроса: 1. К казуистике желчекаменной болезни; 2. Об участии в Зарубежном съезде.

ножку Иваницкому»[188]. Выявлялись злоупотребления отделения Земского союза, бесконтрольно распоряжавшегося финансами в Болгарии. Председатель Временного правления общества «Русско-болгарская дружба» Б. Ивинский писал, что «материально русским живется очень нелегко, т. к. огромное большинство работоспособных почти ни откуда почти никакой помощи почти не получают. И РОКК, и некоторые благотворительные учреждения так оказывают “помощь”, что многие давно махнули на нее рукой», ибо были убеждены, что «больше сапог изобьешь, а уж унижений нахлебаешься с три короба»[189].

Консолидации беженских общественных организаций добивались местные власти, которым легче было контактировать с одной, представляющей интересы всей эмиграции.

Опытом работы, материальными средствами, международными связями обладало Российское общество Красного Креста /старая организация/ (РОКК). Оно возникло в 1879 г., а 6 января 1918 г. было распущено советским правительством, но продолжило свою деятельность за границей, используя имевшиеся на его счету средства. К 1919 г. образовалось Парижское совещание по делам РОКК, возглавляемое П.Н. Игнатьевым[190]. В феврале 1921 г. в Париже собрались члены Главного Управления, в том числе представители временных управлений по делам Красного Креста, образовавшихся на Юге России и в Сибири, и образовали Особую комиссию для решения текущих вопросов[191]. Таким образом, за границей были объединены уцелевшие части старой организации. О решениях этого совещания были уведомлены Международный комитет Красного Креста (МККК), национальные Красные Кресты и их Лига и российские (не советские) посольства. МККК в качестве национального краснокрестного общества России признавал до 15 октября 1921 г. именно эмигрантское РОКК, позже – советский Красный Крест, образовавшийся 20 ноября 1918 г. После между-

---

[188] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1131. Л. 71.

[189] *Ивинский Б.* Среди братьев // Русские в Болгарии. – София, 1923. С. 50.

[190] Русский Красный Крест после 1917 г. Очерк деятельности РОКК (старой организации). – Париж, б. г. С. 14–18.

[191] В комиссию вошли П.Н. Игнатьев, Б.Е. Иваницкий, Б.Э. Нольде, А.Д. Чаманский, М.Л. Киндяков, Э.П. Беннигсен, Г.Г. Витте, Д.В. Яковлев, Н.С. Долгополов, Г.А. Алексеев.

народного признания советского Красного Креста к прежнему названию РОКК в эмиграции было принято решение добавлять в скобках «старая организация». Представителем РОКК (старая организация) при Международном комитете Красного Креста и при международных организациях в Женеве стал Ю.И. Лодыженский. В «Отчете деятельности РОКК» говорилось, что не удалось добиться признания за старой организацией РОКК права русского национального Красного Креста, но смогли достигнуть сохранения за ней на местах, соответствующего его достоинству и значению учреждения, представлявшего бывший РОКК и преемственно продолжавшего его дело.

Заграничная работа РОКК началась осенью 1916 г. После Октябрьской революции его деятельность активизировалась в разных странах. К 1925 г. было образовано 27 местных комитетов. Средства РОКК, отпущенные для опеки военнопленных, размещались в западных странах еще со времен мировой войны. Кроме того, оно финансировалось первоначально белыми главными военными командованиями, союзными командованиями, иностранными благотворительными и краснокрестными организациями, Лигой Наций, представителями христианских церквей. Государственные средства составляли примерно 55 %, и 45 % – пожертвования правительств, общественных и частных иностранных и русских организаций. Финансовый совет при Совещании послов, в ведении которого находились остатки финансовых ресурсов бывшей Российской империи и Временного правительства, отпускал средства для РОКК и контролировал их расходы[192].

Российский Земско-городской комитет помощи российским беженцам за границей (Земгор, РЗГК) официально был распущен советской властью в 1918 г., но под влиянием массовой эвакуации с Юга России бывшие гласные российских земских собраний и городских дум, члены органов местного и краевого управления, находившиеся за рубежом, возобновили свою деятельность в составе Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и решили в феврале 1921 г. объединиться с целью организации помощи нуждавшимся беженцам, используя свой авторитет перед

[192] Русский Красный Крест после 1917 года. С. 19–35.

иностранными и международными органами. Земгор был зарегистрирован в парижской префектуре[193]. Председателями РЗГК являлись Г.Е. Львов, затем А.И. Коновалов, Н.Д. Авксентьев. Через Земгор шло распределение средств, выделяемых Финансовой комиссией Совещания послов (в том числе и для Земгора). Средства РЗГК складывались также из членских взносов (не менее 10 фр. в месяц или единовременно 100 фр.), отчислений отделов, правительств разных стран, иностранных благотворительных организаций, русского финансового и промышленного мира за границей, сумм, хранившихся в иностранных банках на счетах Всероссийского земского союза.

В первый год существования образовалось 17 местных организаций Земгора преимущественно в европейских государствах (Германии, ЧСР, Болгарии, Турции, Польше, Финляндии, Эстонии, Египте и др.). РЗГК ставил следующие задачи: 1. представительство и защита интересов русских беженцев перед иностранными правительствами и международными организациями; 2. изыскание и распределение денежных и материальных средств; 3. планомерное осуществление различных видов помощи и создания условий для работы беженских организаций; 4. организация помощи на местах и поддержка учреждений, ведающих этой помощью. Особо подчеркивался неполитический характер Земгора. Так, Комитет отказался участвовать в совещании русских организаций по поводу приглашения представителей советской власти на предстоящую конференцию в Генуе[194].

Понимая, что решение сложного вопроса об устройстве более двух миллионов русских беженцев не по силам частным гуманитарным организациям, Земгор счел необходимым стать посредником между правительствами стран-реципиентов, международными организациями, Лигой Наций и беженцами. Делегаты комитета в Женеве, в Совещании представителей правительств и гуманитарных организаций при верховном комиссаре по делам русских беженцев – Н.И. Астров и С.В. Панина – осуществляли связь с работавшими здесь гуманитарными организациями, Лигой Наций,

---

[193] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 8. Л. 144. Устав см.: там же. Л. 144–147.

[194] Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Отчет о деятельности (февраль 1921 - апрель 1922 гг.). – Париж, 1922. С. 16.

привлекали внимание мирового сообщества к проблемам эмигрантов. К ним стекалась информация о положении русского беженства, которую систематизировали, сообщали верховному комиссару и другим заинтересованным учреждениям и лицам.

Первоначально круг деятельности Земгора был чрезвычайно широк. Он занимался расселением, трудоустройством, учетом беженцев, благотворительностью, организацией медицинской и юридической помощи, общежитий, библиотек, театров, приютов, т. е. культурно-просветительскими вопросами. Со временем РЗГК сосредоточился лишь на помощи в деле образования беженцев дошкольного и школьного возраста, а также студентов, закончивших средние учебные заведения, находившиеся в ведении Земгора. Культурно-просветительная комиссия Земгора способствовала не только поступлению русских студентов в зарубежные учебные заведения и зачислению их стипендиатами РЗГК, но и ходатайствовала о помощи перед Американским союзом христианской молодежи, АРА. Эта деятельность дополнялась правовой и трудовой помощью. Авторитет РЗГК, состоявшего в основном из людей демократической и социалистической ориентации, был высок в странах, где монархические настроения не были ярко выражены. В Югославии и Болгарии ее деятельность не была столь успешной, как, например, в ЧСР или Франции.

4. В качестве важнейшего структурообразующего элемента выступила *Русская Православная Церковь*, которая выполняла свои функции относительно браков и разводов, регистрации родившихся, умерших и др. (см. лекцию 4).

5. Сложились *институты сохранения исторической памяти, национальной идентичности:* русские издательства, литература, органы печати, которые имели своего читателя, система национального образования всех уровней на родном языке, эмигрантский театр, удовлетворявший, русские музеи, библиотеки и архивы. Эта инфраструктура способствовала формированию единого культурно-информационного пространства Зарубежья.

Еще в Галлиполи, у истоков формирования феномена, временно пребывавшим здесь русским удалось воссоздать свой уго-

лок России. М.А. Критский 13 мая 1921 г. писал Г.В. Вернадскому: «Бывает здесь тяжело, но есть одно, что ни у кого у всех эмигрантов нет – это чувство, что мы здесь, в Галлиполи, создали какой-то кусочек Родины. Детский сад, гимназия, библиотека, народный университет, санатории, больницы. Даже открылся театр: сцена, обтянутый палаткой фундамент и стены разрушенного дома, партер в развалинах старой крепости, тут же кипарисы и мини, сзади море, а потолок – синее небо с реющими ласточками, а к концу спектакля зажигаются звездочки. Великолепные хоры»[195]. И чуть позже: «…верите ли – здесь в Галлиполи я не чувствую себя эмигрантом, а прежним русским офицером»[196].

6. Создавая свой мир за рубежом, русские пытались восстановить и свой *социальный статус*. Как отметил Ю. Рапопорт, в Зарубежной России продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность прежних социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения. Для многих эмигрантов, особенно тех, социальный статус которых понизился, идея принадлежности к единому целому, воплощавшему старую Россию, являлась необходимой опорой, придавала смысл жизни в чужих краях[197]. По воспоминаниям Н. Зернова, русский имел возможность жить в Париже вполне русской жизнью: «Внутри столицы Франции образовался русский городок. Его жители могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавчонках и там узнавали интересовавшие их новости; закусывали они в русских ресторанах и дешевых столовых, посылали детей в русские школы; по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады или участвовать в собраниях всевозможных общественных объединений… В эти годы в Париже было

---

[195] Диаспора. – СПб., 2004. Т. 6. С. 652–653.

[196] Письмо М.А. Критского Г.В. Вернадскому от 19 августа 1921 г., Галлиполи // Там же. С. 654.

[197] *Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. № LXIX. С. 376.

более трехсот организаций. Все эти общества устраивали заседания, обеды, “чашки чая”, служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи – институтками, скромные служащие – сенаторами или прокурорами»[198], пусть иллюзорно, но воспроизводя свой социальный статус.

К концу 1930-х гг. организационная работа в российском Зарубежье пришла в упадок. К этому вела, с одной стороны, утрата мотивации, осознание невозможности вернуться в Россию, где стабилизировался советский режим. С другой стороны, СССР, занимавший позицию нетерпимости по отношению к соотечественникам, добивался от иностранных правительств свертывания помощи российским эмигрантам. Русские благотворительные и общественные организации исчерпали материальные средства и возможности. В связи с чем резко усилились тенденции к интеграции.

Как отмечал П.П. Юренев, посетив Прагу в начале 1930 г., русский быт, воспоминания, уклад еще по инерции сохранялись, но все больше затягивала «новая жизнь: днем служба в обществе чешских коллег, вечером – кафе для холостых, домашний уют для женатых со всей обстановкой собственной квартиры, с детской коляской и семейными заботами. …они не перестают быть, может быть, русскими, но перестают быть русскими беженцами»[199]. Тем самым быт эмигрантов переставал ориентироваться на воспроизводство привычных русских образцов, а все более и более определялся местными национальными культурами и традициями, что предопределяло постепенный распад эмигрантского единства и ассимиляцию значительной части русских беженцев населением тех стран, где они проживали.

Создававшиеся и часто успешно действовавшие многочисленные национальные и международные организации, заботившиеся о российском Зарубежье, не имевшие политической окраски, не

---

[198] За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых). – Париж, 1973. С. 123, 125.

[199] Бюллетень № 56 Российского Земско-Городского комитета… С. 11.

получили признания и должной моральной и другой поддержки Советской России, хотя это не противоречило бы нормам международного права. Но и в эмиграции присутствовали значительные силы, не желавшие идти на сближение с метрополией. Это приводило к самоизоляции отдельных групп россиян, отрицательно повлияло на возможность помощи соотечественникам со стороны исторической родины. Поэтому представления о феномене российского Зарубежья в общественном сознании оказались как бы раздробленными.

Вторая мировая война разметала «первую волну» эмиграции. Ее численность уменьшилась в пять раз, т. к. лимитрофы отошли к СССР, а дальневосточный центр с Харбином и Шанхаем были ликвидированы. Зарубежный «центр» переместился в США, несмотря на то, что Париж остался местом пребывания некоторых центральных эмигрантских объединений. Изменилась не только география, юридическое положение бывших российских граждан, но и их нравственные ценности и собственная самооценка.

Таким образом, Зарубежная Россия в 1920–1930-е гг. не имея территориального статуса, попыталась сохранить некоторые элементы государственности, национальное самосознание. Впервые в мире особое положение российских изгнанников, оказавшихся без покровительства своей страны, привело к выделению проблемы беженцев в самостоятельную, требующую комплексного разрешения. Самоорганизация создала условия для отстаивания интересов всего сообщества беженцев. В то же время этот факт осложнял принятие социальных норм стран проживания, ассимиляцию, взаимоотношение с правительственными и местными органами власти приютивших их государств.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Рассмотрите пути исхода из России в результате социального раскола 1917 г.
2. Охарактеризуйте картину расселения эмиграции.
3. Покажите предпосылки образования Зарубежной России. Назовите особенные черты «первой» пореволюционной эмиграции.

4. Охарактеризуйте деятельность дипломатического корпуса в эмиграции.
5. Раскройте попытки создания преемственного органа государственной власти в российском Зарубежье.
6. Почему для эмигранта важно восстановить свой социальный статус?
7. Обоснуйте тезис о «России в Зарубежье» или «Зарубежной России». Согласны ли Вы с ним?

Лекции 6–7–8

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ РОССИИ

1. ***Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев.***
2. ***Институты правовой защиты эмигрантов в странах-реципиентах.***

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИГИ НАЦИЙ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ

Начало процессу разработки международного и национального права относительно статуса беженцев было положено после революционных событий и окончания Гражданской войны в России. Благодаря инициативе российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. сложился международный режим по делам беженцев (international refugee regime). На данном опыте, хотя и в значительной степени модернизированном, основывается современная юридическая практика. Лицо, которое рассматривалось как беженец в силу соглашений от 12 мая 1926 г. или 30 июня 1928 г., или Конвенции 28 октября 1933 г. считается беженцем и по Конвенции 1951 г., действующей сегодня[1]. Между тем история вопроса до сих пор остается недостаточно изученной.

Вопрос о признании особого статуса русских беженцев, выработке для них определенных гарантий решался на разных уровнях.

---

[1] Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев (согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев). – Женева, 1992. С. 10.

Наши соотечественники обратили на себя внимание мирового сообщества из-за неопределенности и двусмысленности своего положения: большинство из них не признавало утвердившуюся в России власть Советов, а законодательство бывшей Российской империи потеряло значение, «ибо право умирает вместе с государством». Кроме того, декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. лишал некоторые категории россиян, покинувших пределы родины, гражданства.

Таким образом, по замечанию юриста А.С. Ященко, к 1920 г., с одной стороны, «фактически существовало правительство в Москве, однако никем за границей не представленное», с другой – «русские дипломатические агенты за границей никакого государства не представляющие». Россия как «государство, участвующее в общей международно-правовой жизни, исчезло, и с этим исчезновением все русские люди… превратились в людей без государства, без подданства»[2]. Новый статус тысяч бывших граждан Российской империи повлиял на расселение, создание элементарных условий для адаптации, в том числе стимулировал постановку проблемы обеспечения их юридическими правами. Изменились задачи и старых дипломатических ведомств, скреплявших пространство Зарубежной России в единое целое. Они вынуждены были переориентироваться на защиту соотечественников.

Задачу «ликвидации беженства» (именно так она была сформулирована, и установлена дата – май 1924 г.) возложили на Лигу Наций. 27 июня 1921 г. сессия Совета этой международной организации учредила должность верховного комиссара по делам русских беженцев. Астров в отчете общему собранию РЗГК по этому поводу говорил, что предлагалось много кандидатур на эту должность (Смайс, Р. Сессиль, Брайс, Томсон (англичане); Оскар Штраус, Беттлер, Эл. Рут, Тафт, Моргентау (американцы), Масарик, Пашич, Венизелос, Адор, Нансен, Сполайкович, Вандервельде, королевич Александр, Испанский король). Для российской эмиграции наиболее предпочтительной была фигура Ольдса, предста-

---

[2] *Ященко А.С.* Юридическое положение русских за границей // Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. – М., 2003. С. 39.

вителя Американского Красного Креста в Европе[3]. Однако пост занял Ф. Нансен, продолжавший выполнять обязанности верховного комиссара по борьбе с голодом в России. Такое совмещение ролей не удовлетворяло не только эмиграцию, но и Европу: Нансена считали сторонником большевиков и потому неудачной кандидатурой для отстаивания интересов изгнанников.

Пути решения беженской проблемы заключались в следующем: расселение, трудоустройство, урегулирование правового положения россиян, остававшихся за границей и репатриация тех, кто желал вернуться на родину. Но «полным и окончательным разрешением вопроса, поставленного присутствием в Европе 1 500 000 беженцев, было бы возвращение их к своим очагам»[4], ибо расселение по странам, которые могли бы приютить русских беженцев, требовало средств и неимоверных усилий по координации действий стран-реципиентов. Вместе с тем осуществление репатриации откладывалось до улучшения экономических условий внутри России, отягощенных эпидемией и голодом.

Чтобы предоставить изгнанникам определенные правовые гарантии, межправительственная конференция 16–19 сентября 1921 г. в Женеве рекомендовала активнее пользоваться старыми дипломатическими миссиями[5] и назначать в странах-реципиентах по два представителя по беженским делам: одного от местного правительства, другого от Нансена[6]. Однако проблема разрасталась как снежный ком, а финансовую комиссию Лиги Наций не устраивала недостаточно энергичная ликвидация беженского вопроса. С 1931 г. в Лиге Наций вновь стал обсуждаться вопрос о закрытии представительств нансеновского бюро в ряде стран[7]. В силу разных причин свертывали свою работу и прежние дипломатические миссии.

---

[3] Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирование правового положения (1920–1930-е годы). Сб. документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. – М., 2004. С. 75.

[4] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 192.

[5] Там же. Л. 29–30.

[6] Там же. Л. 191.

[7] Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 22. Письмо А.А. Гольденвейзера К.Н. Гулькевичу от 17 августа 1931 г.

В деятельности Верховного комиссариата по делам русских беженцев прослеживается три периода. Первый – с 1921 по 1924 гг.; второй – с 1925 по 1928 гг.; третий – с 1929 по 1938 гг.[8]

Первый период характеризовался широкомасштабной деятельностью по переписи, расселению беженцев, преимущественно по европейским странам, репатриации, а также привлечением правительственной и иной благотворительной помощи, образованием совещательного комитета в сентябре 1921 г. при верховном комиссариате, введением идентификационных документов для русских беженцев. Совещательный комитет имел своих представителей в Административном совете Лиги Наций[9], в который вошли первоначально только 3 русских организации (представители в Женеве совета послов, Земгора и РОКК), а к 1935 г. – 12[10] (ЦК попечения о студентах, Союз инвалидов, Центральная юридическая комиссия, пражский и белградский Земгоры, Союз земледельческих колоний в Праге, Русский попечительный комитет в Польше, Педагогическое бюро в Праге) из общего числа – 38[11].

Вновь созданный международный институт проделал большую работу по подготовке удостоверений личности для лишившихся подданства россиян. Этот вопрос был поставлен еще в августе 1921 г.[12] Юристы-эмигранты получили возможность участвовать в разработке сертификатов, консультироваться с представителями Юридической комиссии Лиги Наций. При Совете послов в Париже была сформирована Центральная юридическая комиссия по изучению вопроса о правовом положении беженцев под председательством Б.Э. Нольде в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленко, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна[13]. Отношение россий-

---

[8] И.В. Сабенникова в своей работе «Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование» (Тверь, 2002. С. 44) также выделяет три этапа в работе Верховного комиссариата, однако заканчивает второй период 1929-м годом.

[9] По словам В.А. Маклакова, «во имя справедливости… выбирали одного русского Гулькевича с его заместителем Рубинштейном, одного армянина и одного иностранца» // Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. В 2 кн. – М., 1998. Кн. 1. С. 343–344.

[10] Чему свидетели мы были… Кн. 1. С. 343.

[11] Последние новости. 1935. 3 ноября.

[12] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 191.

[13] *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. С. 4.

ских юристов к сертификатам было неоднозначным. Противники их введения[14] опасались упразднения старых паспортов («символа русской государственности») и умаления значения российских дипломатических представительств как осколков государственности, являвшихся в глазах русских за рубежом «остатком, пусть даже фикцией, но их поддерживающей, русского государства»[15]. Т. к. статус беженцев в разных странах и имевшиеся у них удостоверения личности[16] отличались многообразием, а страны, установившие отношения с РСФСР, не признавали несоветские паспорта, факультативное введение международных сертификатов могло в определенной степени унифицировать положение.

3–5 июля 1922 г. в Женеве состоялась конференция представителей правительств ряда стран мира, на которой был принят текст сертификата для беженцев, получивший название нансеновского паспорта, и правила его выдачи. По оценке представителей русских организаций, «юридическое качество выработанного сертификата оказалось много ниже первоначального проекта»[17]. Порядок выдачи предусматривался тот же, что и для международных паспортов, в соответствии с решениями Парижской конференции от 21 октября 1920 г., причем, для неимущих – бесплатно. Но не было четко определено, на какие категории беженцев эти сертификаты будут распространяться, каков порядок их выдачи и т. п.

По соглашению 5 июля 1922 г. нансеновские паспорта признавались странами-реципиентами при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям

---

[14] Н.И. Ефремов, глава российской миссии в Берне, возражал как против учреждения поста верховного комиссара, так и против введения паспортов Лиги Наций // ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1 Д. 46. Л. 344. Юрисконсульт Финансово-промышленного союза А.А. Пиленко заявлял, что сертификат ухудшит положение представляемых им лиц, членов Союза, а также подорвет престиж российских консульских учреждений.

[15] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 344.

[16] Это могли быть паспорта, выданные при царском, Временном, белых правительствах, российскими дипломатическими или консульскими учреждениями, голландские, испанские, литовские и т. д.

[17] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 147. Принятый вариант не гарантировал беженцам возвращение в страну, его выдавшую, а въезд в другое государство допускался только со специального разрешения, обусловленного разными порядками для каждого из них.

страны, платил за паспорт, его возобновление, имел бумаги, подтверждавшие, что он эмигрант, а также документы, удостоверявшие его личность (паспорт, выданный царским или Временным правительством, либо не возобновленный советский). Нансеновский паспорт, заменявший эмигрантам в первую очередь международные, а также национальные паспорта, терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию Советской России и не мог быть выдан лицам, легально выехавшим из нее. Выдавался он не Лигой Наций, а правительствами стран-реципиентов. Составлялись удостоверения на двух языках: национальном языке страны, выдававшей их, и французском[18]. Порядок выдачи предусматривался тот же, что и для международных паспортов, в соответствии с решениями Парижской конференции от 21 октября 1920 г., причем, для неимущих – бесплатно. Сертификат представлял собой простой лист бумаги. На нем с обратной стороны ставились визы. Когда не оставалось свободного места, приходилось приклеивать дополнительные листы. Поэтому русские учреждения ходатайствовали о замене листов книжками, что и было разрешено. Почти все страны перешли на новую форму удостоверений, и их стали называть нансеновскими паспортами[19]. К ноябрю 1922 г. они были одобрены 12 европейскими государствами[20]. 10 февраля 1923 г. газета «Руль» писала, что выработанный Лигой Наций сертификат для беженцев принят уже 22 государствами, к сентябрю 1923 г. его признали 30 государств[21], к марту 1924 г. – 34, к началу 1930-х гг. – 51[22]. Нансеновские паспорта стали выдавать во Франции с 1 января, в Югославии – с 1 апреля, в Германии –

[18] Образец сертификата, принятого конференцией, см.: Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 35–36; Русские беженцы. С. 16; Исторический архив. 2005. № 5. С. 56; АВПРФ. Ф. 415. Оп. 11. П. 3. Д. 10. Л. 55, 58 и др.

[19] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 26–27. «Книжки», видимо, были введены после межправительственной конференции, прошедшей в мае 1926 г.

[20] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 11. П. 3. Д. 10. Л. 57об.

[21] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 147–148. Это были Австралия, Австрия, Албания, Англия, Южная Африка, Болгария, Боливия, Гватемала, Германия, Голландия, Греция, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сиам, Финляндия, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Югославия, Япония.

[22] Русский альманах. Справочник / Под ред. В.А. Оболенского и Б.М. Сарача. – Париж, 1930. С. 55.

с октября 1923 г., в Болгарии – с 5 октября 1926 г., в ЧСР – с января 1930 г. и т. д.

Таким образом, беженцы из России имели возможность получить либо нансеновский паспорт, либо удостоверения личности или иностранные паспорта, выдаваемые правительствами стран, где они проживали, либо советский паспорт и возможность возвратиться на родину. Советский Союз после вступления в Лигу Наций через НКИД сообщал 13 ноября 1935 г. генеральному секретарю Лиги Наций, что «правительство СССР не признало и не будет признавать впредь нансеновские паспорта, выданные русским контрреволюционерам, и что лицам, имеющим на руках эти паспорта, въезд в Союз запрещен»[23].

Введение нансеновских паспортов до конца не разрешило беженскую проблему. Прежние меры ее «ликвидации» практически были провалены. Возвратиться на родину пожелали только 2 % покинувших ее россиян, к ассимиляции не располагал общий настрой Зарубежья.

С середины 1920-х гг. акцент в решении проблемы был сделан на улучшении положения изгнанников посредством их трудоустройства и урегулирования личного статуса. В связи с новыми задачами изменилась структура органов Лиги Наций, решавших беженский вопрос. С 1 января 1925 г. трудоустройство беженцев было передано Международному бюро труда (МБТ) во главе с А. Тома. Верховный комиссар по делам беженцев стал отвечать непосредственно перед Советом Лиги Наций и в его обязанности входило урегулирование юридического статуса беженцев. Но в этот период правовые задачи уходили на второй план. Требовалось «какое-либо чрезвычайное усилие, чтобы привлечь внимание Совета Лиги Наций к вопросу, выходящему из суженных рамок его деятельности в области урегулирования беженских нужд»[24], т. е. трудоустройства. Гирс отмечал, что «использовать Тома можно будет главным образом на почве устройства рабочих эмигрантских сил»[25]. Тома планировал переселить беженцев в Юж-

[23] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 7. П. 55. Д. 55. Л. 20. Служебная записка заведующего правовым отделом Сабанина в Консультацию по делам Лиги Наций Лашкевичу от 9 апреля 1936 г.

[24] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 54.

[25] Там же. Д. 44. Л. 74 об. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 18 ноября 1924 г.

ную Америку. Но страны этого континента не желали принимать эмигрантов с нансеновским удостоверением, поскольку в нем значилось: «без права возвращения в страну, выдавшую его». Потребовалось изменение условий выдачи сертификатов и формирование оборотного фонда для финансовой поддержки переселений[26], что и было сделано на межправительственной конференции 12 мая 1926 г.

Конференция изменила прежнюю формулировку в отношении лица, имевшего право на получение сертификата («русского происхождения, не принявший никакого другого подданства») на новую: «всякое лицо русского происхождения, которое не пользуется или перестало пользоваться покровительством СССР и которое не приобрело новой национальности[27]»[28]. Это дало возможность расширить круг лиц, имевших право на нансеновский паспорт[29]. Устанавливался годичный срок действия сертификатов (вместо предлагаемых пяти). Предложение о превращении их в нормальный полноценный паспорт конференция отвергла. Таким образом, беженцы-апатриды оставались выделенными из общего числа полноправных граждан[30]. Еще одно новшество заключалось во введении принципа выдачи выездной визы наряду с визой на право обратного въезда в страну, выдавшую сертификат.

Стабилизация власти в СССР и, соответственно, невозможность возвращения на родину, актуализировала урегулирование личных прав беженцев, которые, переезжая из страны в страну, оказывались в различной правовой ситуации. Лига Наций поставила задачу унификации их юридического статуса.

Процесс подготовки соответствующего соглашения занял два года. Рекомендации, выработанные специальной технической

---

[26] Оборотный фонд формировался за счет введения нансеновских марок. Половина этого фонда могла быть использована для беженцев страны пребывания.

[27] Национальность трактуется в данном контексте как гражданство или подданство.

[28] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 74об.

[29] Отныне нансеновский сертификат могли получить лица, выехавшие из России с советским паспортом, родившиеся на территории, отошедшей от России, прибывшие после определенного срока, обусловленного ранее государством, его выдававшим, и т. д. Новая формулировка не делала различий между теми, кто утратил советское гражданство и теми, кто отказался от покровительства советских представительств СССР за границей, т. е. позволяла всем эмигрантам получить сертификат.

[30] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

комиссией по изучению юридического положения российских и армянских беженцев под председательством Рубинштейна, по сути, обобщали и развивали тот режим, который сложился в некоторых странах[31]. 30 июня 1928 г. было подписано межправительственное Соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Важно подчеркнуть, что представительства верховного комиссара в отдельных странах, которые должны были выполнять для эмигрантов функции, лежавшие обычно на консульствах, получили законный статус. Было установлено, как правило, применение к беженцам местного права, но некоторые статьи допускали отступление в пользу законов Российской империи. Соглашение 1928 г. во многом уравнивало в правах эмигрантов с подданными стран-реципиентов.

Советское правительство «в связи с получением белогвардейцами, согласно некоторым статьям соглашения, бóльших привилегий по сравнению с советскими гражданами, проживающими за границей»[32], высказало опасения, что белоэмигрантские организации под прикрытием нансеновских представительств усилят свою враждебную деятельность, «что неизбежно приведет к конфликтам с правительствами». Ограничение возможности высылки эмигрантов приведет «к развитию и поощрению антисоветской деятельности в пограничных с СССР странах»[33]. Нансен же объяснил, что представительства установят контроль Лиги Наций над деятельностью эмигрантских организаций, а «бóльшие права и преимущества по сравнению с советскими гражданами предоставлены беженцам благодаря отсутствию условий взаимности, а также ввиду предоставления возможности добыть средства к существованию»[34].

Второй этап деятельности верховного комиссариата завершился после одобрения плана реорганизации дела помощи беженцам, предложенного Нансеном и Тома 20 сентября 1928 г. на сессии Лиги Наций. МБТ прекращало свое участие в устройстве беженства. Всю работу должен был сосредоточить в своих руках вер-

[31] Там же. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–5; Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 102–106.
[32] Претензии были направлены М.М. Литвиновым Ф. Нансену 7 ноября 1928 г.
[33] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 5. П. 44. Д. 64. Л. 1.
[34] Там же.

ховный комиссариат с состоящей при нем совещательной комиссией.

С утверждения 14 декабря 1928 г. Советом Лиги Наций межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев при верховном комиссариате начались преобразования. В ее ведении находились правовые и организационные вопросы. Председателем был назначен французский делегат юрист Л. Навай (de Navailles). Первая сессия комиссии состоялась 16–18 мая 1929 г. В новый орган вошли представители 14 правительств и восемь экспертов (в том числе три юриста-эмигранта (Гулькевич, Рубинштейн, Нольде) с правом совещательного голоса[35]. Должность верховного комиссара, ставшая вакантной после смерти Нансена в мае 1930 г., была упразднена, беженская секция расформирована. С 1 апреля 1931 г. учреждался Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена[36] во главе с М. Губером[37], с 1936 г. – норвежским юристом М. Ханссоном. Во главе Международного офиса стоял Административный совет. Исполнительным органом являлось правление. Таким образом, единоличное управление беженцами в лице верховного комиссара было преобразовано в коллегиальное. Исполнительным органом являлось правление.

В состав Административного совета входили, согласно предложениям русских экспертов, председатель и три члена межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев, три члена от совещательного комитета частных организаций, по одному представителю от МККК, Лиги Красных Крестов, Комитета международного союза помощи, представитель директора МБТ, представитель генерального секретаря Лиги Наций. Офису было предоставлено право назначать представителей в отдельных странах, непосредственно сноситься с правительствами стран, как со-

---

[35] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 28; Русский альманах. С. 55.

[36] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 17; Закон и суд. – Рига, 1931. № 17. Ст. 552; Чему свидетели мы были… Кн. 1. С. 42. Вновь учреждаемому Международному офису имя Ф. Нансена было присвоено пленумом Лиги Наций по предложению английского делегата Р. Сесиля.

[37] М. Губер – юрист, профессор Цюрихского университета, член Постоянной палаты международного суда в Гааге, председатель МККК.

стоявших членами Лиги Наций, так и не входивших в ее состав. Его агенты наделялись дипломатическим иммунитетом.

Но уже в июле 1931 г. был рассмотрен план ликвидации Офиса к 31 декабря 1939 г. Это решение стимулировало выработку конвенции, которая обеспечила бы покровительство беженцам после ликвидации Офиса. После обсуждения на межправительственной конференции 28 октября 1933 г. Конвенцию о юридическом статусе русских и армянских беженцев подписали представители 12 государств. До 1937 г. ее ратифицировали только 8 стран. Положения этого документа носили уже не рекомендательный, а обязательный характер. Но последняя, 23 статья, позволяла каждому государству, желавшему примкнуть к конвенции, сделать оговорки относительно любого пункта.

Конвенция давала беженцам ряд преимуществ по сравнению с Соглашением 1928 г. Из 23 статей конвенции 15 касались непосредственно вопросов юридического положения, остальные содержали постановления общего порядка (об условиях подписания, ратификации, денонсирования и т. д.). Ст. 2 подтверждала, что нансеновские паспорта должны выдаваться на срок не менее года, и действительны не только на выезд, но и на въезд в страну без особого на то разрешения. Если срок действия такого паспорта истекал во время пребывания за пределами государства, выдавшего его, то он мог быть продлен консулом на срок до 6 месяцев. Цена паспортов и виз должна была устанавливаться по самому низкому тарифу, установленному для визы иностранных паспортов (для неимущих – бесплатно). Высылка из страны допускалась, но не в страны происхождения беженцев (СССР и Турцию (для армян)). Сохранение этой меры было компромиссом и диктовалось соображениями национальной безопасности и общественного порядка. Однако было опущено правило, присутствовавшее в соглашении 1928 г., не отбирать при высылке документов, без которых усугублялось бы бесправное положение высылаемых.

Конвенция расширяла соглашение 1928 г., включая несколько пунктов о социальном обеспечении (о вознаграждении рабочих при несчастных случаях, о пособиях больным, безработным и детям, о стипендиях и освобождении от платы за обучение в школах, об устройстве Обществ взаимного вспомоществования и участии

в них). Что касается права на труд, то подчеркивалось, что законы по защите национального рынка труда не должны ограничивать беженцев, проживавших не менее трех лет в стране; женатых на подданных данной страны; имевших детей-подданных страны; бывших участников Первой мировой войны. По вопросам образования, организации обществ взаимопомощи, налогового режима и т. д. русские беженцы приравнивались к местным гражданам или наиболее привилегированным иностранцам.

По вопросу о личном статусе устанавливался применявшийся почти повсеместно к бесподданным принцип подчинения законам места жительства (domicile), а за неимением его – законом местопребывания (residence), т. е. унификации статуса беженцев добиться не удалось. Акты, совершенные духовным начальством беженцев признавались во всех странах, примкнувших к конвенции. В отношении расторжения брака беженцы подчинялись законам местожительства или места пребывания. Например, в странах, требовавших гражданского развода, нельзя было ограничиваться церковным разводом. Ст. 6 гарантировала беженцам право свободного доступа в суды, утраченное после прекращения договоров, заключенных с Российской империей. Льготы, предоставляемые иностранцам на началах взаимности, распространялись и на беженцев. Конвенция предусматривала организацию комитетов для беженцев, которым присваивались функции местных представителей Лиги Наций[38], намечавшихся соглашением 1928 г.[39].

Анализ последующего периода деятельности Лиги Наций свидетельствует как о явных, так и скрытых попытках Советского Союза повлиять на решение беженского вопроса. Представители СССР В. Потемкин и Б. Штейн настаивали на объединении всех беженцев[40] под крышей одного учреждения и ликвидации Офиса им. Нансена в 1939 г.[41]. Все попытки заставить СССР отказаться

---

[38] Офис им. Нансена имел своих уполномоченных во Франции, Бельгии, ЧСР, Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Китае, Сирии // АВПРФ. Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 16; Ф. 415. Оп. 6. П. 50. Д. 76. Л. 1–2, 10–10об., 14.

[39] Convention relative au statut international des Réfugiés du 28 octobre 1933. – Paris, 1937 // РГВА. Ф. 121к. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–9; Д. 4. Л. 167–169об.; ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 347. Л. 5–7.

[40] Речь шла не только о русских, но и о саарских и германских беженцах.

[41] АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Л. 315.

от идеи исключения категории русских беженцев из ведения Лиги Наций заканчивались неудачей. Между тем на попечении Офиса к концу 1937 г. оставались еще около 600 тыс. русских. Было ясно, что к 1939 г. они не смогут, как предполагалось ранее, вернуться на родину, либо ассимилироваться. Уменьшение числа российских беженцев путем натурализации (за 1936 г. 1 812 чел.[42]) компенсировалось естественным приростом. Не убывала работа Офиса по выдаче нансеновских паспортов, виз, заверению разного рода актов, ходатайствам об отмене высылок, о праве на труд, о материальной помощи, о принятии в госпитали, санатории, приюты и т. д.[43] Вывод, что ликвидация организации не будет равносильна ликвидации самой беженской проблемы, стимулировал выработку принципов реорганизации центра покровительства беженцам при Лиге Наций. Было высказано предложение об объединении Офиса и Верховного комиссариата по защите беженцев из Германии. С 1 января 1939 г. вместо нансеновского офиса при Лиге Наций центром международной помощи беженцам стал Верховный комиссариат в Лондоне, который возглавил Г. Эмерсон. Однако реальных рычагов для решения проблемы новая организация была лишена. Вопрос защиты российских изгнанников остался только в руках держав, их приютивших. Долго выстраиваемая международная система покровительства беженцам получила новый импульс только после Второй мировой войны.

Лига Наций сделала многое для российских беженцев, расселив по странам, занявшись их трудоустройством, урегулировав их личный статус как особой категории иностранцев, оказывая материальную и финансовую поддержку. Однако для реализации ее инициатив нужна была добрая воля государств-реципиентов. От них зависело не только административное решение проблемы, но и принятие новых законоположений, способствовавших адаптации беженцев либо их вытеснению из страны. При обустройстве

---

[42] Беженский вопрос в XVIII-ой сессии Лиги Наций. (Письмо из Женевы) // Закон и суд. – Рига, 1938. № 2. Ст. 3900. Эти данные касались Болгарии, Греции, Данцига, Франции, Китая и Югославии. Германия, Финляндия, Латвия и ЧСР указали, что у них нет официальных статистических данных о натурализации.

[43] С июня 1935 г. по июнь 1936 г. отмечено было 113 839 случаев вмешательства нансеновского бюро по защите интересов беженцев // Закон и суд. 1937. № 3. Ст. 3549.

русских беженцев были сделаны первые шаги по пути сочетания двух противоположных тенденций: соблюдение прав человека и гуманитарное вмешательство Лиги Наций, с одной стороны, и уважение национального суверенитета, невмешательство во внутренние дела каждой конкретной страны, с другой. Принятие Конвенции о юридическом статусе русских беженцев отнюдь не означало отказа стран-реципиентов от приоритета соблюдения национальных интересов в пользу гуманитарных задач.

ИНСТИТУТЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЭМИГРАНТОВ В СТРАНАХ-РЕЦИПИЕНТАХ

Практическое решение беженских проблем лежало на правительствах стран-реципиентов. Поскольку формирование международного права, межправительственные соглашения, принятые при содействии Лиги Наций, касавшиеся беженцев, не становились общим правилом для всех государств. Законодательная практика по отношению к иностранцам была многообразна, реальное правовое положение россиян за рубежом в различных странах являлось весьма неоднозначным. Чтобы в какой-то степени выправить ситуацию, для несложных дел в ряде стран действовали Постоянные русские третейские суды (в Стамбуле, Берлине, Париже, Софии). Они, скорее, играли роль судов чести, и главным для них было поднять «престиж и авторитет соотечественников».

Большинство государств приравнивало эмигрантов из России к другим иностранцам и практически местное законодательство не учитывало уникальность их положения. Однако можно выделить группу стран, где не только на практике, но и официально признавалось, что бывшие российские подданные составляют особую категорию иностранцев, за которыми не стоит государство, защищавшее бы их интересы. Причем это не обязательно означало признание состояния бесподданства. Третью категорию составили страны, не присоединившиеся к международным соглашениям о беженцах, не признававшие их беженского положения, их политика была направлена на выдавливание этой категории иностранцев либо их полную ассимиляцию.

Вариативность сложившейся практики позволяет сделать некоторые обобщения и сравнения по следующим параметрам: свобода передвижения (как внутри страны, так и через границу), выдача (или не признание) нансеновских паспортов, какие удостоверения личности и кем выдавались, возможности трудоустройства, в том числе, на государственную службу, условия социальной защиты, натурализации, отношение властей к вопросу о высылках и т. д.

Среди стран, «решивших» беженский вопрос, была ***Турция***. Она приняла на себя огромную беженскую волну после крымской катастрофы и дала подпитку прежним эмигрантским волнам в других странах. Крах Османской империи, приход к власти новых, демократических сил и попытки завоевания международного признания, налаживание связей с Советской Россией – все это повлияло на правовое положение и адаптацию беженцев. В результате были выбраны два направления: выселение из страны и натурализация. Варианты, предлагаемые Лигой Наций, Турция практически не реализовала.

До 1923 г. в Турции присутствовали оккупационные войска, и правовой климат определяли союзнические власти, режим капитуляций[44]. До подписания мира в Константинополе продолжала существовать союзническая полиция. Русские, как и другие иностранцы, находились вне ведения турецкой полиции[45]. При российском консульстве в Константинополе действовала судебная комиссия. В 1921 г. она была преобразована, и появились новые учреждения – единоличный судья с мировой подсудностью, коллегиальный суд и кассационная инстанция, при которой организовано сословие присяжных поверенных[46].

---

[44] Режим капитуляций (р. к.) – особый правовой режим, в соответствии с которым государство предоставляло гражданам другого государства на своей территории преимущества по сравнению со своими гражданами. Р. к. предусматривал полное или почти полное изъятие иностранцев из сферы юрисдикции государства пребывания и подчинение их исключительно власти консула своего государства. Предоставлялся в одностороннем порядке.

[45] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 238. Информационный листок № 2 РЗГК от 8 декабря 1922 г.

[46] Подробнее см.: *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М., 2004. С. 34–36; *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. – М., 1999. С. 23–25.

В декабре 1922 г. Нансен сообщил, что предполагается снабдить оставшихся в Константинополе беженцев, после занятия его войсками Ангорского правительства, особыми, выдаваемыми местным представительством Лиги Наций удостоверениями личности, скрепленными британским, французским и итальянским комиссарами[47].

После ухода войск Италии, Франции и Англии Ангора, куда переместилась столица Турецкой республики, изъявила согласие выдавать русским беженцам право на жительство за подписью представителя турецкого правительства и представителя Нансена, сроком на 6 месяцев (в Лигу Наций Турция не входила, нансеновские удостоверения не признавала), с обязательством, чтобы Нансен в течение этого срока эвакуировал всех русских беженцев из Константинополя. Но верховный комиссариат решительно возразил против особого документа и против срока, заявляя, что брать на себя заведомо неисполнимое обязательство Лига Наций не может. Верховный комиссариат настоял на том, чтобы Турция приняла общий сертификат, который уже был принят 22 государствами, в том числе и Германией, не членом Лиги[48]. Спасением для русских беженцев, не имевших никаких документов, являлась выдача голландским консульством свидетельств, на которые зарубежные страны могли ставить визы.

Окончательно правовая сторона вопроса могла быть решена только по заключении мира[49]. И он оставался открытым вплоть до 1924 г., когда особым постановлением турецкого правительства политическим беженцам из России было предоставлено право политического убежища. На основании этого постановления они получали особого рода удостоверения на право проживания в Турции («вессика»), а в случае выезда из страны – обычный турецкий заграничный паспорт с отметкой в тексте, что держатель этого паспорта является «русским политическим беженцем». Какие-либо ограничения в правах для таких беженцев не устанавли-

---

[47] Руль. 1922. 17 декабря.

[48] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 22; Руль. 1923. 10 февраля.

[49] Лозаннский мирный договор был подписан 24 июля 1923 г. между Турцией, с одной стороны, и Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией, Югославией, с другой.

вались, по сравнению с другими иностранцами, проживавшими в Турции[50]. Руководство страны полагало, что после разгрузки Константинопольского района здесь останутся две категории беженцев: а) имевшие капитал, б) жившие своим трудом. И они должны иметь определенный статус. Либо это – российские подданные, либо, при желании, русские могли сделаться турецкими подданными, что местные власти поощряли. Удостоверения Лиги Наций признаны быть не могли, несмотря на их удобство для ведения торговых и других дел[51]. К тому же турецкие власти стремились не допускать русских на свою территорию и строго соблюдали правило отказа выехавшим за границу русским в обратных визах на въезд в страну. Практически им невозможно было попасть в Анатолию[52].

В качестве примера приведем ситуацию, в которую попал 15-летний сын генерала Артамонова, студент американского Роберт-Колледжа в Константинополе. Проведя каникулы у родителей в КСХС, в конце августа 1923 г. он получил из колледжа уведомление о том, что: 1) ему продлена стипендия на текущий 1923/24 уч. год; 2) только грекам и армянам турецкие власти запретили возвращение в Константинополь и 3) курс начинается 13 сентября. Обратившись в МВД КСХС за путевым документом для сына Артамонов получил в качестве такового нансеновский паспорт. Местное болгарское консульство выдало молодому человеку транзитную визу, не требуя предварительно турецкой визы, т. к. он имел все необходимые документы. Выехав из Белграда, он получил в Софии в испанском консульстве турецкую въездную визу. Но когда он прибыл на турецкую границу и взял билет до Константинополя, турецкие пограничные власти объявили ему, что, хотя его турецкая виза действительна, документ, на который она поставлена, не действителен, ибо Турция не признает сертификатов, а требует национальный паспорт. «Мой сын, –

[50] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 9об.

[51] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 157.

[52] Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского земского союза в Константинополе А.Л. Глазовым для М.Н. Гирса от 2 апреля 1926 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 231.

писал Артамонов, – хотел установить свою идентичность с помощью русских официальных документов (паспорта, выданного Русской дипломатической миссией в Константинополе от 4 июня 1923 г.). Но турецкие власти не пожелали признать русских документов под тем предлогом, что в Советскую Россию не допускаются турки с турецкими паспортами, а потому не действительны и русские (все). Сын вынужден был вернуться с турецкой границы в Белград. Весьма вероятно, что со своей стороны турки правы, когда не признают легитимации, принятой на конференции, в коей они не участвовали, соглашение коей не подписали, и к которому не примкнули и впоследствии. Однако, благодаря сложившейся обстановке, русские оказываются в безвыходном положении, т. к. турки не признают ни русского национального паспорта, ни сертификата, установленного Лигой Наций. Таким образом, помимо моего частного случая, возникает еще общий вопрос для всех русских в будущем»[53].

Обращения представителей Лиги Наций к Ангорским властям по вопросам облегчения свободы передвижения по стране, получения обратных виз при кратковременных выездах за границу и пр., как правило, последствий не имели. Известно о подаче в сентябре 1925 г. Чайльдсом, представителем верховного комиссара на Балканах, особой памятной записки турецким властям в Ангоре. Но реакции на нее не последовало[54].

Практически единственным легальным представителем интересов российских беженцев в Турции являлся делегат верховного комиссара. В декабре 1923 г. бывший российский посол в Турции А.А. Нератов «пришел к заключению, что ему нельзя оставаться в Константинополе». В январе 1924 г. в Константинополь был откомандирован А.Ф. Шебунин, возглавивший Организацию по содействию и помощи русским беженцам в Турции. Ни одна из русских благотворительных организаций не была зарегистрирована по законам страны и потому официально не могла войти в сношения как с турецким, так и с иностранными правительствами.

---

[53] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 185–186. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 6 октября 1923 г. и письмо Артамонова В.Н. Штрандтману от 15 сентября 1923 г.

[54] Там же. Д. 45. Л. 55. Письмо А.Ф. Шебунина М.Н. Гирсу от 21 сентября 1925 г.

До лета 1925 г. русские имели право трудоустроиться в разных отраслях экономики. Основываясь на неопределенной редакции ст. 4 Лозаннского договора, турецкое правительство под видом защиты интересов турок от конкуренции иностранного труда издало ряд декретов, лишавших иностранных подданных права заниматься известными ремеслами и промыслами, а также состоять служащими на целом ряде предприятий, как государственных, так и общественных и частных. В первую очередь пострадали русские беженцы, лишенные и консульской, и какой-либо другой защиты. Положение осложнилось прекращением поступлений в местное отделение МБТ контрактов на работы во Францию[55]. Правовой дискриминации подверглись российские врачи и юристы, которым после Муданийского перемирия 11 октября 1922 г. было запрещено практиковать[56].

Таким образом, Турция ограничила категорию лиц, которые могли получить политическое убежище, не предоставила российским беженцам особого статуса, не позволила им иметь институтов защиты своих интересов, использовала международную помощь лишь для их расселения по другим странам.

Своеобразное положение сложилось в ***приграничных странах***, образовавшихся на развалинах Российской империи. Проживавшие здесь коренные русские оказались на правах национального меньшинства, но не все получили гражданство новых государств. Российские беженцы оказались на пограничье между национальным меньшинством и иностранцами. Поэтому беженский вопрос решался в тесной связи с вопросом о национальных меньшинствах[57]. Но, когда Латвия и Эстония добились вхождения в Лигу Наций, они стали стремиться освобождения их от

---

[55] Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского земского союза в Константинополе А.Л. Глазовым для М.Н. Гирса от 2 апреля 1926 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 232; *Ипполитов С.С.* Указ. соч. С. 37.

[56] *Ипполитов С.С.* Указ. соч. С. 36.

[57] Первое общее собрание Лиги Наций приняло 15 декабря 1920 г. постановление о том, что «если балтийские, кавказские и албанские государства будут допущены в Лигу Наций, им предлагается принять меры, обеспечивающие соблюдение общих начал, внесенных в договоры о меньшинствах, и вступить в соглашение с Советом о подробностях практического осуществления этих мер» // *Вишняк М.В.* Право меньшинств. – Париж, 1926. С. 47–48.

контроля органов Лиги за внутригосударственным урегулированием положения меньшинств[58]. В итоге 3-летнего сопротивления Латвия и Эстония добились от Совета Лиги Наций особого для себя юридического положения и не подписали обязательств, предусмотренных договорами о меньшинствах (1919–1920 гг.). В сентябре 1923 г. совет Лиги Наций удовлетворился принятием к сведению существования в этих странах конституционных прав, обеспечивавших права меньшинств. В 1926 г. в Женеве удалось создать при участии Б.А. Никольского Постоянное бюро русских меньшинств.

Не только русские, но и представители других национальностей оказались в таком же положении. В результате национально-государственного размежевания в Европе, часто произвольного, в ходе Парижской конференции возникли районы с компактным проживанием этнических меньшинств. Так, из 27-миллионного населения Польши одна треть состояла из проживавших компактными группами меньшинств: западных украинцев, белорусов, немцев, литовцев, а также 3 млн. евреев. И хотя в Париже представителей восстановленной Польши обязали подписать специальный договор, гарантировавший права ее меньшинств, польское правительство его, по сути, никогда не соблюдало[59].

Приграничные с Россией государства одни из первых установили с ней дипломатические отношения. Неоднократно наблюдались случаи, когда эмигранты со старыми российскими паспортами обращались в консульства балтийских государств и Польши за визами на въезд, а от них требовали предъявить советские документы. Газета «Руль» обратилась за разъяснениями в консуль-

---

[58] В специальных записках, представленных совету Лиги Наций, балтийские государства приводили следующие доводы: конституцией уже обеспечены права меньшинств, специальная охрана этих прав в громадном большинстве государств не существует, договоры о меньшинствах нетипичны для современного международного порядка, статус меньшинств установлен в некоторых государствах не на началах взаимности, а международная охрана прав меньшинств создает несовместимое с суверенитетом государства вмешательство во внутренние дела страны, вступление в Лигу Наций и согласие принять постановление общего собрания неравносильно отчуждению государственного суверенитета, такое отчуждение должно быть отсрочено до заключения общего соглашения о взаимной охране прав меньшинств во всех странах и т. д.

[59] См.: *Сыч А.И.* Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 126–128.

ства этих государств, а затем в министерства иностранных дел и выяснила, что в Литве требуемая виза выдавалась лишь после совместного решения министерств иностранных и внутренних дел. В Эстонии она выдавалась в том случае, если у просителя, бывшего российского подданного, имелась обратная виза на въезд в какое-либо государство, чтобы иметь возможность выслать его. Паспорта от советской делегации не требовались, но во избежание недоразумений с советским правительством о выдаче виз на паспорта, не признаваемых Советами правительств, визы выдавались на отдельных листах. В финском консульстве разъяснили, что предъявление советского паспорта могло только ухудшить шансы просителя на получение разрешения на въезд[60].

Русское население в *Эстонии* делилось на две категории, юридический статус которых разнился. «Коренные» русские, проживавшие здесь до революции, как правило, были гражданами Эстонской республики. Давно поселившиеся в Эстонии чиновники и купцы не считались эстонцами. В отношении их удалось добиться права выдачи удостоверений личности при условии подписки о нежелании обращаться в советское представительство[61]. Эмигранты считались апатридами, большинство которых имело нансеновский паспорт, который выдавался на длительное время[62]. С них как иностранцев взимался особый налог. Постепенно значительная часть эмиграции получила эстонское гражданство. С 1921 по 1928 г. из 17 353 русских беженцев 13 372 запросили эстонское гражданство, причем наибольшее количество – в 1921 г. (4 882). Удовлетворено было 11 721 ходатайство[63]. В 1930-е гг. число нансенистов сократилось: в 1934 г. их насчитывалось 8 тыс.[64] Русское меньшинство имело все права, коими пользовались и другие меньшинства.

В Эстонии русские эмигранты находились в ведении министерства внутренних дел, которое считалось с Комитетом русских эмигрантов. Так, из 150 случаев назначенных высылок в 135 уда-

---

[60] Руль. 1922. 23 марта.
[61] Руль. 1922. 5 октября.
[62] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция. С. 64.
[63] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.
[64] *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии. 1918–1940. С. 53.

лось добиться полной отмены наложенного взыскания либо смягчения участи. Комитет частично выполнял правовые функции. Он не вправе был выдавать настоящие заграничные паспорта, а лишь удостоверения.

Врачи и юристы могли практиковать только при условии принятия гражданства. Эмигранты были ущемлены в правах по сравнению с местным населением даже в вопросах оплаты труда. Так, школьный преподаватель в русской школе получал в 2–5 раз меньшую зарплату, чем учитель местной[65].

В *Латвии* часть русских находилась на положении национального меньшинства, другую составили беженцы из России. Как только они переходили границу, им приходилось легализовываться, доказывать местным властям, что они не являются опасными для существующего государственного строя. До лета 1920 г., т. е. до заключения Латвией мира с Советской Россией, официальным защитником русского населения был назначенный правительством Северо-Западной области консулом в Латвии В.А. Пресняков. После заключения мира с РСФСР консульство было закрыто. Защиту русской колонии взяло в свои руки образованное тем же Пресняковым Русское общество в Латвии, имевшее представителей в разных городах. В Уставе Общества имелись статьи о культурной, правовой и благотворительной помощи своим членам. Отдел юридической помощи давал бесплатные юридические консультации, помогал составлять различные бумаги, ходатайства, удостоверения по вопросам административного, гражданского и уголовного права. Только в 1921 г. число обращений в отдел составило более 8 тыс.[66]

В отличие от «классических» эмигрантских центров, в странах-лимитрофах, в частности в Латвии, Польше, источники российского законодательства были признаны как наиболее подходящие в условиях нового правопорядка. В результате применялись Судебные уставы 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г.[67]. Они имели

[65] При прожиточном минимуме 6 тыс. марок учитель русской школы получал 3 тыс. в месяц, местной – 6–15 тыс. // *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 53.

[66] Бюллетень № 9–10 РЗГК 15 декабря 1922 г. С. 118.

[67] *Левицкий Д.* О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. 1980. № 141. С. 214.

влияние и на развитие права в Латвии. Поэтому действовавший в стране территориальный принцип (как и в англо-американском праве) в отношении личных, семейных прав, подчинявший всех жителей страны местным законам, для российских беженцев означал обращение к дореволюционному российскому законодательству. Латвия не заключала никаких конвенций с другими государствами относительно взаимного признания и исполнения судебных решений. В свою очередь, государства, придерживавшиеся национальной системы, обычно не признавали решений иностранных судов, не соответствовавших национальному закону тяжущихся. Если эмигрант из Латвии переезжал в такое государство, то в случае обращения в суд мог попасть в трудное положение[68].

17 мая 1929 г. Сейм принял Закон о пенсиях бывшим российским пенсионерам. Несмотря на его недостатки и незначительный размер пенсий, российское население встретило его благожелательно. Были восстановлены права на пенсию: 1) лицам, которым до 24 октября 1917 г. была назначена российская государственная пенсия согласно российским законам, 2) лицам, которым до 24 октября 1917 г., хотя и не была назначена пенсия, но которые до этого срока прослужили уже не менее 25 лет на таких должностях, которые по российским законам давали право на пенсию, 3) лицам, которые, хотя и не прослужили 25 лет, но дослужили недостающий срок на латвийской службе до вступления в силу указанного Закона. Следует оговориться, что правом на пенсию пользовались только лица, которые до 10 ноября 1927 г. уже были латвийскими гражданами и которые достигли 60-летнего возраста или же потеряли трудоспособность не менее чем на 50 %. Однако Постановление 18 апреля 1932 г. и Закон 14 июня 1932 г. урезали права на пенсию русским пенсионерам, а сами пенсии были снижены вдвое. Преимущественное значение получила служба в течение не менее 10 лет на территории самостоятельной Латвии. Право на пенсию сохраняли только лица, состоявшие латвийскими гражданами до 1 января 1923 г.[69].

---

[68] Закон и суд. 1934. № 4 (44). С. 883.

[69] *Снегирев В.* К вопросу о пенсии бывшим русским пенсионерам // Закон и суд. 1932. № 9 (29). Ст. 953–958.

Натурализация властями поощрялась. С 1921 по 1928 г., когда в стране проживало примерно 30 тыс. русских беженцев, прошение о принятии в гражданство Латвии подали 67404. Удовлетворено было 40585[70]. В 1935 г. только 4 тыс. человек оставались бесподданными (нансенистами). Это давало основание представителям Латвии в Лиге Наций говорить, что беженская проблема в государстве решена.

На положении русских в *Польше* сказалась их огромная численность. Это повлияло на формы социальной адаптации, формирование особенностей политики властей по отношению к российским беженцам. Защиту их интересов в стране взяли на себя общественные организации. В марте 1921 г. после ратификации Рижского договора в Варшаву прибыла советская дипломатическая миссия, что вызвало закрытие аккредитованных при польском правительстве прежних российских дипломатических и военных миссий. По ст. 5 Рижского договора польское правительство обязалось не разрешать пребывание на своей территории организаций, «приписывающих себе роль правительства» небольшевистской России или части ее территории, не допускать пребывания в Польше официальных представительств таких организаций и их органов[71]. Положение российских беженцев сделалось чрезвычайно тяжелым. Все паспорта, выданные дипломатической миссией, были объявлены недействительными. Законных правовых норм, определявших пребывание беженцев на польской территории, правительством еще не было установлено. Разрешение на дальнейшее проживание в Польше зависело от усмотрения низших административных властей. Росла угроза массового выселения беженцев, особенно ввиду враждебных настроений к русским в правительстве и в Сейме.

Российский комитет в Польше (прежде Русский комитет в Варшаве) (РК) вынужден был принять на себя обязанности и дипломатического, и консульского представителя всей русской эмиграции в Польше. Даже глава дипломатической миссии В.М. Горлов и начальник военной миссии генерал Махров обращались

---

[70] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.
[71] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 34.

к председателю Комитета с просьбой исхлопотать в МВД им и личному составу миссий право на жительство, ибо их дипломатические паспорта утратили силу[72]. Иностранный дипломатический корпус в Варшаве также признал Комитет представительством русской эмиграции. Но с 1 июля 1924 г. ассигнование на содержание Комитета финансовым советом при Совещании послов было прекращено. Предпочтение было отдано Русскому попечительному об эмигрантах комитету в Польше. Именно эту организацию финансировал Земгор (на деятельность по правовой защите[73]) и признало МВД Польши.

Иностранцам в Польше, в частности русским беженцам, выдавались «карты убежища» (карты азиля) или карты побыта, установленные распоряжением МВД от 18 сентября 1919 г. о регистрации иностранцев в воеводствах. Карты азиля имелись только у эмигрантов, бежавших из России после заключения Польшей перемирия с большевиками 12 октября 1920 г. и доказавших, что они вынуждены были покинуть родину по политическим причинам. Все прочие эмигранты проживали по картам побыта[74].

Согласно распоряжению МВД от 5 декабря 1922 г., беженцы из России и Украины, прибывшие нелегально в Польшу после 12 октября 1920 г.[75], коим не было предоставлено право политического убежища (т. е. не имевшие карты азиля), должны были к 1 марта 1923 г. покинуть ее пределы. 8 февраля 1923 г. новое распоряжение МВД перенесло срок на 16 апреля 1923 г.[76]. Лица, жившие по картам побыта, если им не предоставлялось до 15 апреля право на польское гражданство, могли быть выселены из Польши по решению местных властей[77]. Правом политического убежища пользовались бывшие интернированные и служившие в армиях Пермикина и Булак-Балаховича, других белых армиях,

[72] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 35.

[73] Там же. Л. 39.

[74] Там же. Л. 19.

[75] 12.10.1920 в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой // Дипломатический словарь. Т. 3. – М., 1986. С. 273.

[76] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

[77] См. циркуляр Русского попечительного комитета об эмигрантах в Польше по правовой помощи № 705 // Русские беженцы. С. 342- 344.

члены враждебных большевикам партий при наличии доказательств. Если возникали трудности с получением карты азиля, на помощь приходил Русский попечительный об эмигрантах комитет в Польше, возбуждавший ходатайства перед МВД. Причем отношение к подобным ходатайствам в Министерстве было значительно мягче, чем на местах. Прошения о предоставлении права убежища принимались до 1 апреля 1923 г. Это была первая попытка уменьшить скопление российских беженцев. Прежде выселения проходили мелкими группами и по политическим основаниям: по обвинению в русском монархизме, германофильстве, шпионаже, пропаганде большевизма и пр.). Польша безуспешно пыталась разделить бремя приема беженцев с другими странами. Т. Филиппович, польский посланник в Гельсингфорсе, представитель Польши в Лиге Наций, предполагал, что в стране находится примерно 350 тыс. нелегалов из России и 90 тыс. зарегистрированных[78].

Российские эмигрантские общественные организации добивались зачисления как можно большего числа беженцев в категорию политических эмигрантов, не подлежавших высылке. Они старались получить разрешение, чтобы выдаваемые ими удостоверения были признаны дающими основания предоставлять беженцам право убежища[79].

По поводу предполагавшихся высылок Горлов писал Гирсу: «Некоторые члены польской администрации в доверительных беседах давали понять, что польское правительство стремится главным образом избавиться от нахлынувших в Польшу русских евреев и что, в сущности, только они предназначены к высылке из Польши. Не отрицая особо сильного желания поляков вытеснить из Польши русских евреев, трудно, однако, поверить тому, чтобы лиц чисто русской народности намеченная мера почти не коснулась. В среде польской администрации, от которой будет зависеть фактическое осуществление высылки, немало ненавистников русских вообще и невероятно, чтобы, имея возможность выселить русского беженца, они не воспользовались этим правом»[80]. Цир-

[78] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 41. Л. 87.
[79] Там же. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 467. Л. 3.
[80] Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 41. Л. 89–90. Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 21 января 1923 г.

куляр встретил сопротивление со стороны еврейских депутатов Сейма и советского правительства. Предположения МВД, что на основании циркуляра будет возможно выселить из Польши почти всех российских подданных еврейской национальности, т. к. за ними не будет признано право на политическое убежище, а затем отменены ограничения по отношению к оставшимся российским эмигрантам, не оправдались, «еврейская организация оказалась сильнее административного аппарата Польской Республики»[81]. Польские власти заявляли, что «надо найти способ облегчить положение только русской национальности, без распространения этих облегчений на евреев»[82]. Политический комитет[83], обсуждая русский вопрос, принял пожелание создать такие условия, чтобы, вернувшись домой «через 1–2 года», русские сохранили благодарные воспоминания[84].

В начале 1924 г. ликвидировались все лагеря интернированных. Каждый интернированный, уволенный из лагеря, получал свидетельство о политическом убежище (карту азиля) в управлении староств территории, на которой он находился. Пребывавшие вне лагеря интернированные должны были получать такую карту у того старосты, в районе которого в настоящий момент проживали. Бывшим интернированным предоставлялось право свободы передвижения за исключением семи воеводств (Виленского, Новогрудского, Полесского, Волынского, Тернопольского, Львовского и Станиславовского)[85].

В марте 1924 г. МВД Польши поставило вопрос о создании Объединенного комитета, т. к. допустимо принимать и выслушивать одного представителя российской эмиграции, но принимать порознь председателей нескольких русских комитетов, общественных и других организаций физически невозможно и даже не

---

[81] ГА РФ. Д. 44. Л. 18.

[82] Там же. Л. 19.

[83] Политический комитет состоял из представителей различных ведомств под председательством министра внутренних дел.

[84] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 41. Л. 19об.

[85] Там же. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 96. Циркуляр МВД Польши от 13 февраля 1924 г. Ограничение проживания (и даже временных поездок) русских эмигрантов на территории 7 восточных воеводств, где преобладающее население являлось для них родным по языку и вере и где поэтому они легче, чем где-либо в другом месте, могли найти для себя заработок, чрезвычайно отягощало положение.

приносит пользы[86]. В него должен был войти также представитель польского правительства, который одновременно представлял бы верховный комиссариат. Такому Комитету можно было бы предоставить право выдачи эмигрантам «документов, контрассигнированных делегатом правительства и освобождающих этих эмигрантов от всех существовавших ограничений»[87].

Тех, кто смог доказать, что они подвергались в России политическим преследованиям, и возврат в страну им грозит смертью или тюремным заключением, пользуясь правом убежища, могли оставаться в Польше бессрочно[88]. В Польше находилось много и неполитических эмигрантов, которых можно было назвать беженцами в полном смысле слова. Согласно Закону об иностранцах от 13 августа 1926 г. они получали право лишь временно пребывать на территории Польши. Ст. 10 Закона разрешала высылку иностранца из Польши, если его пребывание становилось обременительным с точки зрения государственного блага. Ст. 12 оставляла на усмотрение властей оценку поводов высылки, условий и форм ее осуществления. Поскольку получить визу для высылаемых в другие государства было почти невозможно, тех, кто не выполнял предписание о выезде, ссылали в маленькие города, а затем им стали угрожать высылкой в СССР[89].

Поскольку все права предоставлялись иностранцам только на условиях взаимности (на основании ст. 95 Конституции), то буквальное применение этого правила лишало бы русских беженцев-апатридов всех прав. В июле 1927 г. был прецедент, когда Верховный кассационный суд признал, что принцип международной взаимности не может иметь применения к русским эмигрантам, т. к. невозможно установить государство, к которому последние принадлежат. Административные органы полагали, что в законах должна быть специальная оговорка о распространении льгот для иностранцев на русских эмигрантов.

Председатель Российского комитета в Польше извещал Гирса в письме от 10 марта 1924 г. о трудностях правового положения

[86] ГА РФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 22–27.
[87] Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 21–21об.
[88] АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 216. Д. 52657. Л. 3.
[89] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–10.

русских эмигрантов в Польше: временные виды на жительство, подлежащие возобновлению каждые три месяца, нужны специальные разрешения при передвижении и в пределах даже одного и того же Воеводства, трудности при получении разрешении на право пребывания в новом месте жительства, запрещение въезда во все восточные (пограничные с Россией) Воеводства, затруднения при получении разрешений на возвращение в Польшу при выезде за границу и другие весьма тяжелые административные стеснения, результатом которых является нахождение всей русской эмиграции в Польше как бы под постоянным полицейским надзором и вследствие этого зависимости эмигрантов от произвола даже низших полицейских чинов[90]. Лица, пользовавшиеся правом убежища и выехавшие за границу, т. е. как бы нашедшие себе убежище в другой стране, не имели права на возвращение в Польшу[91].

С 1924 г. удалось добиться серьезного улучшения правового положения русских эмигрантов: взамен прежних временных видов на жительство, которые должны были возобновляться каждые 3 месяца, стали выдавать постоянные; предоставлялось право свободного передвижения и проживания на всей территории государства, кроме восточных пограничных воеводств и др.[92]. Лишь Постановление Совета министров от 18 ноября 1927 г. допустило въезд и временное пребывание русских в 7 восточных воеводствах и 4 уездах Белостокского воеводства, но только по получении каждый раз специального разрешения местных административных властей. Практика показала, что такие разрешения давались с большими затруднениями и очень часто во въезде отказывали.

Польша пошла на реализацию инициатив Лиги Наций. Было учреждено нансеновское представительство, финансирующее переезд эмигрантов в другие государства и правовую помощь[93]. Со-

---

[90] Подробнее см. меморандум по вопросу о правовой помощи русской эмиграции в Польской республике, представленный правлением Русского попечительного комитета об эмигрантах в Польше министру внутренних дел от 25 октября 1923 г. // Русские беженцы. С. 344–349.

[91] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 20.

[92] Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 36.

[93] Представителями нансеновской организации в Польше, Эстонии, Латвии были Шарпантье, затем Арну, с начала 1927 г. Галлати. 16 февраля 1934 г. в Русском Доме

глашение о нансеновских паспортах 1922 г. Польша подписала с оговорками. § 1 соглашения 30 июня 1928 г. не признала возможным ввести в действие. Конвенцию 1933 г. не намерена была подписывать из-за вопроса о высылках, о праве эмигрантов на труд.

Нансеновские паспорта до ноября 1929 г. выдавались российским беженцам только в случае выезда за границу. После выхода циркуляра № 254 МВД Польши от 16 ноября 1929 г. «лица, не имеющие определенного государственного подданства» могли вместо карт азиля, карт побыта и др. документов получать нансеновские паспорта сроком не менее чем на 2 года, которые стали служить документом и для проживания в Польше. За них взимался гербовый сбор[94]. Новым эмигрантам после выхода циркуляра № 254 карты азиля перестали выдавать, не считали возможным выдавать и нансеновские паспорта. Они получали только разрешение на кратковременное пребывание в Польше (1–2 месяца) с угрозой высылки обратно в СССР, если не покинут страну в течение указанного времени[95]. Если срок действия нансеновского паспорта истекал во время пребывания его обладателя за пределами Польши, то польские консулы не имели права продлить такой паспорт. Оставался только один выход – ходатайствовать перед властями государства, где находился эмигрант, о выдаче ему нового нансеновского паспорта. Но в таком случае подстерегала новая трудность – получение въездной визы в Польшу[96]. Нансеновские паспорта, выдаваемые в Польше после 1928 г., продолжали сохранять оговорку, что они не дают права на возвращение

в Варшаве состоялось прощальное чествование Галлати, в связи с его уходом с поста представителя Офиса // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 97. Сотни человек были спасены им от высылки из Польши, Эстонии, Латвии, получили рабочие контракты и визы во Францию. Он многое сделал благодаря ходатайствам перед польским правительством для улучшения правового положения российских беженцев. После ликвидации делегации международного офиса им. Нансена оказанием помощи российским эмигрантам ведал Польский Красный Крест // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 145об.

[94] Бюллетень № 56 РЗГК. С. 19.

[95] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

[96] Въездную визу польские консулы выдавали только, получив согласие местных административных властей. Воеводы же такое согласие давали в исключительных случаях // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

в Польшу без особого разрешения. Нансеновские марки Польша не вводила[97]. Согласно циркуляру МВД Польши № 30 от 29 сентября 1935 г., нансеновский паспорт мог быть получен по желанию от польских властей только теми русскими беженцами, кто уехал из России до 5 июля 1922 г., не получили другого гражданства до мировой войны или лишились российского до 5 июля 1922 г. Все остальные беженцы могли получить паспорт для иностранцев, введенный 14 июня 1932 г.[98]

Натурализация не поощрялась, польские власти старались вытеснить русских беженцев из страны, если тем не удавалось доказать необходимость предоставления политического убежища.

Более или менее сбалансированная модель правовой адаптации российской эмиграции сложилась в *Германии*. На организацию институтов, участвовавших в регулировании правового положения беженцев влияло признание Советской России в апреле 1922 г.[99], а также многочисленность российской диаспоры. Огромный наплыв беженцев побудил правительство Германии ограничиться допуском в страну лишь тех, у кого была обратная виза. Еще один фактор – это участие Германии в решении беженского вопроса на международном уровне, хотя до 1926 г. Германия не являлась членом Лиги Наций. Германия относилась к той группе стран, где к иностранцам применялось национальное право. Поэтому при необходимости обращались к законам советского правительства даже для эмигрантов, лишенных Советской властью российского гражданства. Особенно усердствовали низшие чиновники, заставляя предъявлять документы, выдаваемые советской делегацией. Правда, как отмечал «Руль», эти распоряжения не исходили от центральной власти[100]. Лишь 12 октября 1925 г.

[97] Там же. Л. 15.

[98] Русские беженцы. С. 350.

[99] Дата подписания Рапалльского договора – 16 апреля 1922 г. – стала рубежной для российских эмигрантов. Это событие взволновало русскую колонию. Всех беспокоили вопросы: каково будет положение русских граждан; где они будут брать виды на жительство; не будут ли им чиниться стеснения и препятствия в проживании на территории Германии, т. к. существовали и без того строгие паспортные правила, требование разрешения на наем не только квартиры, но и комнаты, визы на проезд в некоторые государства империи // *Неманов Л.* Эмигрантские будни // Последние новости. – Париж, 1922. 30 мая.

[100] Руль. – Берлин, 1922. 5 марта.

консульская конвенция между СССР и Германией предусмотрела подчинение эмигрантов немецким законам.

Уполномоченным германского правительства по делам русских беженцев стал директор департамента имперского министерства внутренних дел тайный советник Бурвиг. Именно с ним сносились русские общественные эмигрантские организации. В соответствии с предложением Нансена, работало представительство верховного комиссара по делам русских беженцев (Vertretung des Völkerbundes für Russische Flüchtlings-Angelegenheiten). Его возглавляли М. Шлезингер (1922–1931), затем Стоббе, заместителями являлись эмигранты – дипломат А.И. Щербатский, с апреля 1931 г. – юрист Е.А. Фальковский. После учреждения Лигой Наций в конце 1930 г. Международного офиса по делам беженцев им. Ф. Нансена, представительство, прежде возглавляемое Шлезингером, стало называться «представительство Международного офиса по делам беженцев им. Нансена при Лиге Наций» (Vertretung des Internationalen Nansenamtes für Flüchtlinge unter dem Protektorat des Völkerbundes), или просто «нансенамт». С выходом Германии из Лиги Наций в 1934 г. русские эмигранты лишились защиты со стороны нансенамта. В декабре 1933 г. Стоббе получил отставку. Фальковский неофициально осуществлял функции секретаря представительства до 1938 г.[101].

Организация защиты интересов русских беженцев, преемница российской дипломатической миссии, затем Русской делегации, претендовала на представительство российской диаспоры. Во главе ее стоял С.Д. Боткин. Канцелярия Организации защиты интересов русских беженцев (Vertrauensstelle) «имела право продолжать сроки старых русских паспортов, или, вернее, делаемые ею продления фактически признавались органами местного правительства»[102]. Осенью 1922 г., ссылаясь на протесты Шлезингера

[101] В условиях свертывания работы нансенамта и угрозы его закрытия Фальковский жаловался в письме Гулькевичу от 14 ноября 1933 г.: «Куда денется весь драгоценный документальный материал многолетней работы? В папках представительства [Лиги Наций] зафиксированы сведения о большей части беженцев в Германии, это многие тысячи семейств. При том явлении, что у беженца русские бумаги отсутствуют или исчезли, а заграничные также с неизбежностью исчезают» // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

[102] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 61; см. также: *Schlögel K.* Berlin: «Stiefmutter unter den russischen Städten» // Der grosse Exodus. Die russische emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. – München, 1994. S. 238.

против «беззаконных» действий Организации, комиссар по беженским вопросам Бурвиг просил Боткина более не продлевать паспортов, срок которых уже истек.

За военнопленных, интернированных и беженцев, находившихся в лагерях, несла ответственность лагерная дирекция. Она же заключала договор при уходе на работу из лагеря, ибо эта группа лиц была лишена свободы передвижения и труда, прикреплялась либо к лагерям, либо к хозяину, если находилась на работе, и не могла менять своего хозяина. Кроме законно пребывающих в Германии русских военнопленных имелись лица, которые по лагерным спискам числились в бегах. Представитель Союза военнопленных в Германии в Совете объединенных организаций на состоявшемся 13 июня 1922 г. совещании указал, что их правовое положение значительно хуже, чем других беженцев[103]. С осени 1922 г. лагеря ликвидировали, и военнопленные и интернированные должны были получить соответствующие документы. Лица, пропустившие сроки, обслуживались на общих основаниях по действующим для иностранцев правилам.

Русские беженцы в Германии были выделены в отдельную категорию. К ним германские власти относили лиц, которые на 1 августа 1914 г. были русскими подданными, являлись выходцами с территории СССР и не могли или не хотели вернуться в Россию. В подавляющем большинстве с 1 июня 1922 г. они становились бесподданными (Staatenlos), соответственно декрету ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г.[104]. Местные власти выдавали им удостоверения личности (так называемые, «желтые» паспорта) в тех случаях, когда проситель доказывал, что не может получить советский паспорт или по особым причинам обратиться к советским властям. 19 октября 1922 г. министр внутренних дел Германии разослал в земли распоряжение: «По поручению министерства иностранных дел имею честь сообщить, что впредь царские паспорта, а также паспорта, выданные представительствами бывших русских правительств, так называемыми русскими делегациями, Организациями защиты интересов русских беженцев и т. п.,

---

[103] Руль. – Берлин, 1922. 16 июня.

[104] РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 102. Л. 44, 45, 23 об.; *Volkmann H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929. S. 30, 29.

независимо от страны их местопребывания, более не должны признаваться и визироваться»[105].

Однако визы на выдаваемые немецкими властями удостоверения личности («желтые» паспорта) при выезде беженцев из страны не ставились. Для этого Организацией защиты интересов русских беженцев выдавались «белые» паспорта. С октября их заменили нансеновские сертификаты, выдача которых оговаривалась рядом условий.

Виза на выезд и обратный въезд в Германию, как правило, давалась тем, кому было разрешено длительное пребывание в Германии (Aufenthalt bis auf weiteres)[106]. Неимущим визы выдавались бесплатно. Визы для въезда в Германию ставились после расследования вопроса о необходимости поездки в страну данного лица. В июне 1922 г. это условие было отменено, но германские консулы оставляли за собой право отказывать, если цель поездки или личность иностранца представляла опасность для общественного спокойствия или для германского народного хозяйства[107]. Германские консульства за рубежом не признавали компетенции старых (не советских) российских дипломатических представителей и не визировали выданные или продленные ими паспорта беженцев. В таких случаях для въезда в Германию как страну, признавшую советскую власть, вызировались нансеновские паспорта[108].

С лета 1932 г. вместо персональусвайсов вводился паспорт для иностранцев, фремденпасс «в виде паспортной книжки в пестрой обложке»[109]. Полицейские органы при продлении нансеновских паспортов стали выдавать именно их, хотя в силе оставались все постановления о «зеленых» нансеновских паспортах. И тот, и другой паспорт выдавались на год, затем ежегодно продлевались, в общем до 5 лет. Боткин в частной переписке подчер-

---

[105] РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 86.

[106] ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 537. Л. 25. Информационный листок РЗГК № 40–41. – Париж, 1924. 10 июля.

[107] Руль. 1922. 14 июня.

[108] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 227. Письмо Н.Е. Ефремова М.Н. Гирсу из Берна от 20 июля 1922 г.

[109] Наш век. – Берлин, 1932. 6 ноября.

кивал преимущества фремденпасса, т. к. его обладатель пользовался льготами наравне с немцами[110].

Натурализация была фактически невозможна из-за 20-летнего ценза оседлости. На публичном заседании Комитета русских юристов за границей 19 февраля 1926 г. И.М. Рабинович в докладе «О правовом положении русских эмигрантов» отмечал: «…наше полуправное существование должно быть превращено в правовое без изменения подданства»[111]. Один из бывших российских подданных, обратившись за помощью к А.А. Гольденвейзеру, заведующему отделением юридической помощи в Союзе русских евреев в Германии, эксперту технической комиссии при совещательном комитете Лиги Наций, писал: «Я живу в Германии с 1912 г., но мне дважды отказывали в гражданстве, видимо, потому, что я еврей»[112]. Гольденвейзер рекомендовал ему обратиться к немецкому адвокату Клее, специалисту по делам о натурализации, и пояснял, что формально должны быть запрошены все немецкие земли. Но по существующей практике ждать отказа с чьей-либо стороны не было оснований. Х.-Э. Фолькман, ссылаясь на Рабиновича, пишет, что дети, родившиеся у бесподданных в Германии, также становились бесподданными; немка, вышедшая замуж за бесподданного теряла свое гражданство[113].

Таким образом, Германия активно использовала бывшее российское дипломатическое ведомство, наделив его консульскими функциями, учредило представительство Лиги Наций по делам беженцев, умело лавировала между ними и советскими дипломатическими представительствами. Правовое поле, в котором приходилось жить беженству, формировалось постепенно. Не только государственные власти, в лице министерств иностранных и внутренних дел Германии, правительства земель страны, но и юристы-эмигранты смогли влиять на законодательное оформление повседневной жизни наших соотечественников. Главное, на что ориентировалось германское правительство, это достижение стабильности в обществе, угроза которой усугублялась наплывом

[110] См.: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 15.
[111] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
[112] Там же. Ф. 5981. Оп. 1. Д. 111. Л. 33.
[113] *Volkmann H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1929. S. 31.

бесподданных, защита интересов немецких граждан, налаживание международных отношений, т. е. – на обеспечение национальной безопасности страны.

Иная модель правовой адаптации сложилась во ***Франции,*** активно участвовавшей в решении участи беженцев в Лиге Наций, первой подписавшей межправительственное Соглашение 1928 г., затем конвенцию 1933 г.

Российское дипломатическое представительство играло важную посредническую роль между эмиграцией и французским правительством. В июле 1924 г. был создан из представителей русских общественных организаций Эмигрантский комитет. После признания Францией Советского Союза в октябре 1924 г. вместо российского посольства и консульств были учреждены офисы по делам русских беженцев. И Эмигрантский комитет, и Центральный офис возглавлял В.А. Маклаков. При нем была учреждена должность представителя Нансена, на которую был назначен М. Пан[114]. Деятельность как центрального, так и местных офисов (в Париже, Марселе, Ницце и Лионе), исполнявших обязанности консульств по делам русских беженцев, регламентировалась французским правительством[115]. Представитель верховного комиссариата свидетельствовал и легализовал документы этих офисов по желанию беженца для придания им силы официальных. С подписанием Соглашения 1928 г., затем Конвенции 1933 г. в тех случаях, когда закон предъявлял к документам особо повышенные требования, на выданных офисами документах ставилась подпись и печать представителя верховного комиссариата в обязательном порядке. Это заменяло прежнее сложное и утомительное прохождение бумаг через целый ряд инстанций, иногда включительно до высших чинов министерств[116].

В правовом отношении Франция не делала никаких различий между русскими, потерявшими подданство, и иностранцами. На

[114] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 18.

[115] Русский альманах / Под ред. В.А. Оболенского и Б.М. Сарача. – Париж, 1931. С. 197.

[116] *Маклаков В.А.* Новые элементы в улучшении положения русских беженцев во Франции // Закон и суд. 1930. № 10. Ст. 336–340; Бюллетень № 56 РЗГК. 15 января 1930 г. С. 18–19.

практике специфически русских дел практически не возникало[117]. Легально въехавший в страну россиянин пользовался равными с другими иностранцами правами, беспрепятственно получал свидетельство о личности (карт д'идантите), если желал остановиться во Франции более двух месяцев. Карта обязательна была для всех лиц старше 15 лет. Такое свидетельство давало право на повсеместное жительство, поступление на работу, пользование французскими лечебными учреждениями[118]. Обеспечивалась свобода передвижения в пределах Франции и ее колоний. При выезде за границу гарантировалось право обратного возвращения[119].

С 1 января 1923 г. во Франции были введены нансеновские паспорта (сертификат д'идантите)[120]. Они выдавались только беженцам, покинувшим Россию до признания Францией советского правительства в октябре 1924 г.[121], лицам старше 15 лет в префектуре того департамента, где эмигрант проживал, на основании паспорта и карт д'идантите, действовали параллельно с прежними паспортами. Главным образом они обеспечивали беженцам доступ в те государства, в которых существовали советские дипломатические представительства и где, соответственно, старые паспорта бывшей Российской империи, Временного или «белых» правительств, выданные старыми российскими миссиями, не признавались. Для пребывания в стране нансеновский паспорт был необязателен. Если визировались прежние паспорта, требовалась предварительная виза старых российских консульских учреждений. Они же покровительствовали и нансенистам. К ним же МВД Франции циркулярно предлагало обращаться местным префектурам при выдаче нансеновских удостоверений в случае каких-либо недоразумений. Лица, въехавшие в страну с советским паспортом, но не возобновлявшие его в течение пяти лет, могли также ходатайствовать о выдаче нансеновского паспорта в МВД Франции. Но после ратификации Соглашения 1928 г. о статусе рус-

[117] Руль. 1922. 10 октября.

[118] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37. Л. 15. Сведения о положении русской эмиграции. № 4. Берлин. Июль-август 1924.

[119] Руль. – Берлин, 1922. 10 октября.

[120] После ратификации конвенции 1933 г. Францией в 1934 г. за сертификат д'идантите надо было уплатить 15 золотых фр.

[121] Последние новости. – Париж, 1931. 14 марта.

ских беженцев (декретом от 11 января 1930 г.) власти, не отказываясь считать носителей советских паспортов политическими эмигрантами (рефюжье), давать им право убежища, не выдавать их по требованию советских властей и т. д., посчитали невозможным признавать их апатридами, потерявшими всякое подданство. Если такие лица желали свое подданство переменить, у них оставался обычный путь – натурализация.

Натурализация во Франции была многоступенчатой и длительной. После принятия нового Закона в 1927 г. иностранцы, в том числе нансенисты, могли подать прошение, прожив беспрерывно на территории Франции уже не 10, а всего 3 года[122]. Женатые на француженках могли натурализоваться по истечении 1 года со дня прибытия во Францию. Такое право получали также лица, окончившие высшие учебные заведения во Франции, и оказавшие стране особые услуги. Процесс натурализации занимал примерно 1 год. У безработных не было шансов на удовлетворительное решение[123]. Ребенок, рожденный от брака иностранца и француженки, считался французом. 12 ноября 1938 г. вышли новые правила натурализации. Прежде иностранка, выходившая замуж во Франции за француза, автоматически приобретала права французской гражданки. Теперь же она имела право об этом ходатайствовать. Француженка, выйдя замуж за иностранца на французской территории, гражданство сохраняла[124].

В декабре 1938 г. префект Сены Виллэ говорил, что 99 % сыновей иностранцев, родившихся во Франции и имевших право выбора гражданства при достижении ими совершеннолетия, желали остаться французами. С 1926 по 1936 г. число натурализовавшихся русских возросло более чем в два раза, т. е. с 8 % до почти 18 % от общего числа российских эмигрантов в стране[125]. Законы о защите национального рынка труда стимулировали натурализацию.

---

[122] *Бойко Ю.В.* О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. С. 112.

[123] Последние новости. – Париж, 1935. 17 ноября.

[124] Последние новости. – Париж, 1938. 14 декабря.

[125] *Бойко Ю.В.* Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российских эмигрантов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. С. 141.

С прибытием российских беженцев в ***КСХС*** правительство дало им официальное название «русских избеглиц», не признающих советской власти[126]. Бывшие подданные Российской империи, хотя и рассматривались как иностранцы, но для них предусматривался целый ряд исключений, льгот, тем самым устанавливался особый статус.

Для проживания на территории КСХС следовало получить вид на жительство. Документы на право проживания в Королевстве власти выдавали на основании удостоверений и рекомендаций эмигрантских организаций. Российская дипломатическая миссия с согласия правительства КСХС на основании свидетельских показаний устанавливала личность беженца в случае утери им своих документов. Правительство признавало паспорта только антибольшевистских учреждений. Лиц с советскими паспортами в КСХС не допускали.

После введения нансеновских паспортов для российских беженцев они стали служить в качестве заграничных и требовались для въезда в страну, которая не признавала СССР. Их выдача предусматривалась с предварительного разрешения МВД и предоставлено было всего 5 префектурам и полицейским управлениям[127]. К ходатайству прилагались нижеследующие документы: 1) паспорт или иной документ, удостоверяющий личность просителя, 2) удостоверение местной полиции о неимении препятствий к выезду просителя за границу, 3) удостоверение Русской Делегации о политической и моральной благонадежности просителя, 4) две фотографических карточки, 5) описание примет и обозначение цели путешествия и государства, куда проситель направлялся и 6) 40–60 динар в зависимости от того, испрашивается ли

---

[126] *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 22.

[127] Нансеновские паспорта выдавались префектурой Белграда беженцам, проживавшим в Сербии и Воеводине, полицейским управлением в Люблянах – в Словении, префектурой Загреба – в Хорватии, полицейским управлениям в Сараеве и Сплите – в Боснии и Герцеговине и Далмации. Префектуры и полицейские управления направляли прошения на рассмотрение МВД, и оно давало разрешение соответствующему полицейскому управлению выдать просителю паспорт. Предваряла выдачу паспортов проверка беженцев, дабы их не могли получить «русские коммунисты и большевистские агенты и провокаторы» // Русские беженцы. С. 326–332.

паспорт на безвозвратный выезд за границу или с правом обратного приезда в КСХС. К концу 1920-х гг. из общего числа 38–40 тыс. беженцев обладали паспортами Нансена 37,5 тыс.[128].

Высылки правительство использовало редко. Для тех, кто ожидал выдворения был организован особый концлагерь в Мостаре. Русской делегации неоднократно приходилось вмешиваться и добиваться решения вопросов в пользу высылаемых по ошибке или недоразумению. 16 декабря 1930 г. вышло Положение, согласно которому происходила высылка на основании несанкционированного въезда в страну или угрозы общественной безопасности. Приказ должен был исходить из МВД на основании информации от местных полицейских властей[129].

В Югославии произошел, пожалуй, единственный в истории российской эмиграции случай, когда местные власти призвали русских избеглиц принять участие в выборах депутатов в Народную Скупщину. Этот вопрос обсуждался в русских колониях[130]. 29 декабря 1924 г. Штрандтман разъяснял в письме, адресованном правлению колонии в Митровице Сремской, что «по точному смыслу ст. 70 Конституции русские люди, пребывающие в КСХС и не принявшие местного подданства, права участия в выборах иметь не могут»[131]. Если колонии специально не запрашивали Делегацию, то им и отдельным русским беженцам предлагалось «действовать в согласии с их непосредственными интересами». Такую позицию эмигрантского руководства правительство КСХС одобряло.

Одним из преимуществ, которые имели русские беженцы в Югославии, было сохранение определенных социальных гаран-

---

[128] *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). – Харьков, 1996.

[129] *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция… С. 76–77.

[130] 21 октября 1924 г. объединенное заседание представителей русских общественных организаций в Загребе приняло решение о невозможности участия в голосовании, т. к. беженцы не являлись гражданами этого государства. Были высказаны сомнения в рациональности данной позиции. Так, полковник Калинин писал в Державную комиссию, что поскольку югославское правительство предоставило право участия в выборах и рассчитывает на поддержку эмигрантов, то отказ от голосования может привести к изменению отношения к русским в худшую сторону, и это обстоятельство следовало бы учитывать // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 5, 8–9.

[131] Там же. Л. 10.

тий. Так, при назначении пенсии учитывалась служба в России. В 1930-х гг. была внесена поправка, по которой чиновники из среды русских беженцев, имевшие 10-летний стаж государственной службы и бывшие участниками Первой мировой войны, в случае прекращения службы имели право на пенсию в размере 900 динаров[132]. Русские инвалиды были уравнены с сербскими и получали постоянную пенсию[133]. В 1926 г. вступил в силу Закон о помощи русским инвалидам. Ни в одной стране не было так много русских инвалидов, нигде они не пользовались такой поддержкой, как в Югославии[134]. По Закону в значительной степени облегчалось их положение. С 1 апреля 1926 г. пенсию получали те из русских инвалидов, участников Первой мировой войны, которые были признаны инвалидами Высшей медицинской комиссией при Державной комиссии до 24 декабря 1925 г.[135].

В 1929 г. вышел новый закон о пенсии. Он сильно задевал интересы русских служащих. По новому закону о пенсии контрактуальная служба засчитывалась по истечении 10 лет действительной государственной службы и только тем чиновникам и дневничарам, которые до вступления нового закона о пенсии уже приняты на госслужбу. Некоторые русские, находившиеся на госслужбе, теряли по новому закону 6–8 лет стажа[136]. По закону 1930 г. о чиновниках лица, служившие в Русской армии, имели право на зачет им в пенсию всех лет службы в Российской империи. Для

---

[132] *Косик В.И.* Указ. соч. С. 22–23.

[133] Бюллетень № 59–60 РЗГК. 15 мая 1930 г. С. 20.

[134] По сведениям Державной комиссии к 1 января 1926 г. число нетрудоспособных русских беженцев достигало 2032 человек // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 1об.

[135] Инвалиды 1-й группы (категории), потерявшие 100 % трудоспособности, ежемесячно получали 800–400 динаров, 2-й (потерявшие 75–100 % трудоспособности) – 400–200 динаров, 3-й (утратившие 50–75 % трудоспособности) – 200–100 динаров. Всего к 1926 г. в КСХС для выплат 1954 русским военным инвалидам государство тратило 6 млн. динаров в год. Практически безотказно правительство удовлетворяло просьбы о бесплатном лечении на курортах, в санаториях и больницах, выдаче троекратного половинного годового проезда по железной дороге, бесплатного направления на лечение, о протезах, направляло «для дожития» в сербские инвалидные дома, на инвалидные заводы для изучения ремесел (как и сербов-инвалидов) // АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.

[136] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 92–92 об.

получения пенсии нужно было выслужить 15 лет[137]. Русские учителя просили засчитать в стаж годы службы в народных школах Югославии до принятия югославского подданства[138]. Русские военные инвалиды согласно «Инструкции по применению постановления о приеме на работу иностранных граждан» (октябрь 1935 г.) имели право на свободное занятие трудом на основании имевшихся у них на руках решений министерства социальной политики и назначении пособия по инвалидности.

Служба в сербской армии была возможна лишь после натурализации.

Правила натурализации складывались в течение 1920-х гг. и регулировались сначала королевским указом, затем п. 44 Гражданского закона, с 1928 г. Законом о подданстве КСХС. Предусматривался 5-летний ценз оседлости, знание сербохорватского языка, уважение к местным законам и культуре. Перепись населения 1931 г. зарегистрировала свыше 32 тыс. выходцев из России, среди которых 5,5 тыс. человек приняли югославское подданство[139].

При лояльном государственном подходе к разрешению беженского вопроса реализация политики на местном административном уровне не всегда способствовала безболезненной адаптации россиян.

Русские беженцы в ***Болгарии*** формально подчинялись наравне с прочими иностранцами общим законам об иностранцах. Особого закона, регулировавшего специально права русских беженцев, не существовало, и в отношении их, как и всех иностранцев, действовали статьи 40 и 41 болгарской Конституции[140], дававшей возможность иностранным меньшинствам организовываться, благодаря чему как церковное управление, так и школьное дело находились в руках русских организаций. Но в силу ряда законодательных и административных оговорок российские беженцы находились в ином по сравнению со всеми иностранцами положении.

---

[137] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 116 об.

[138] Там же. Л. 133.

[139] *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 137–139.

[140] Конституция Болгарии была принята в 1879 г. и действовала до 1946 г., считалась самой демократической.

Положение их осложнилось с ликвидацией дипломатических и консульских представителей в 1923 г. Правительство жестко придерживалось курса на подчинение иностранцев местным законам и не позволило создать национального органа на основе российской дипломатической миссии, который претендовал бы на автономию. В результате был создан Комитет по делам русских беженцев в Болгарии. На государственном уровне дело организации русских беженцев находилось в ведении политического отдела МИД во главе с Петковым. Содействие русским оказывало представительство верховного комиссара и МБТ. Болгария присоединялась ко всем межправительственным соглашениям, надеясь, что активное отношение к мероприятиям Лиги Наций поможет ей выйти из международной изоляции[141]. Соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев было принято постановлением правительства от 18 сентября 1928 г. Конвенция о статусе беженцев 1933 г. ратифицирована 19 декабря 1934 г.[142], юридически закрепив сложившееся фактическое положение[143].

После упразднения российской дипломатической миссии старые паспорта, бывшие у беженцев, заменили новыми, выдававшимися болгарским МВД. Эта замена была сопряжена с осложнениями, лишними расходами. Паспорт стоил 220 левов, для многих – непосильная сумма. Проблема состояла в том, что многие иностранные миссии не признавали этих паспортов, опасаясь, что болгары за вознаграждение будут выдавать паспорта без разбора[144].

Нансеновские паспорта для беженцев вводились решением совета министров от 15 августа 1926 г. с 5 октября и выдавались сроком на один год. Опережая межправительственное соглашение 1928 г., циркуляр МИД от 18 апреля 1927 г. указывал, что эти паспорта имеют силу и для возвращения, и консульства должны визировать их без предварительного разрешения МИД, если срок действия паспорта не пропущен[145]. Однако дороговизна этих до-

---

[141] *Кьосева Ц.* Руската емиграция в България. С. 538.
[142] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 6. П. 50. Д. 76. Л. 1–2.
[143] Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. С. 17.
[144] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 64.
[145] Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930 г. С. 10–13.

кументов (175 левов за паспорт, 140 – за нансеновскую марку, 10 – паспортные расходы; для бедных – 20 левов[146]) вызывала неудовольствие в среде беженцев, тем более что их возобновление требовало ежегодной уплаты всех сборов[147].

18 апреля 1924 г. Народное собрание голосовало за пожизненную пенсию 52 русским эмигрантам – ветеранам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Т. к. иностранцы не имели права на пенсию, депутаты изменили формулировку. Было решено выплачивать «пожизненное месячное пособие» (1 тыс., с 1927 г. – 2 и 2,5 тыс. левов с 1929 г.)[148].

Несколько расширяла возможности адаптации русских беженцев натурализация. Согласно ст. 9 Закона о болгарском подданстве на натурализацию могли претендовать иностранцы, которым после 3-летнего пребывания в стране разрешено постоянное жительство; прожившие непрерывно в Болгарии более 10 лет; оказавшие особые услуги болгарскому государству, но при условии, если прожили в стране не менее года; а также вступившие в брак с местными подданными и прожившие в этом браке не менее года[149]. 22 марта 1929 г. Народное собрание приняло дополнения к Закону о гражданстве. Речь шла о принятии русскими беженцами болгарского подданства на льготных основаниях. Для них была снижена плата за прошение о натурализации с 5 тыс. до 500 левов, на канцелярские расходы, и без установления всяких сроков, определявших бы стаж на государственной службе в Болгарии, как условия принятия в гражданство. Единственное требование –

---

[146] *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 198.

[147] В 1930 г. выборка паспорта для состоятельного беженца стоила (считая и фотокарточки) 540 левов, а для несостоятельных, коими считались лица, получавшие менее 2000 левов в месяц, – 83 (их называли льготными, «бесплатными»). В соответствии с циркулярным сообщением Комитета по делам русских беженцев от 20 ноября 1928 г. желавший получить такой паспорт должен был взять в канцелярии Комитета особую анкету о бедности и заверить ее в полицейском участке по месту жительства. Потеря времени и волокита (полиция проверяла данные, наводя справки на местах) для многих вели к утрате заработка. Помимо того, что выдавали русским такие свидетельства неохотно, практика полицейских начальников была неодинакова, зависела от личного усмотрения. Удостоверения о размере заработка, выдававшиеся с мест службы или работы, Комитет по делам русских беженцев, за редкими исключениями, не принимал // Бюллетень № 57–58 РЗГК.15 марта 1930. С. 18–19.

[148] *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 59.

[149] *Кьосева Ц.* Указ. соч. С 202–203.

российский беженец должен был прибыть в страну до 1 января 1929 г. Министр юстиции Т. Кулев при этом заявил: «Это с нашей стороны выражение признательности нашим освободителям»[150]. С 1921 по 1928 гг. в министерство юстиции поступило 679 прошений о гражданстве от русских беженцев (из их общего числа – 25 942). Наиболее число натурализовавшихся пришлось на 1923, 1927 и 1928 гг. – 141, 157, 145 соответственно[151]. Экономический кризис ускорил натурализацию.

По сравнению с другими странами интеграция облегчалась конфессиональной и языковой близостью двух народов, способствовавшей, в частности, заключению смешанных браков. В итоге росло количество эмигрантов, чувствовавших себя болгарами и перешедших в болгарское подданство.

Представляет интерес иммиграционная политика ***США***. Массовый исход беженцев из пределов бывшей Российской империи совпал с сокращением числа пересекавших океан. Политика США практически не различала «иммигрантов» и «беженцев». Важным являлось, в какой стране родился въезжающий, без различия этно-национальной принадлежности. Иммиграционный закон 1917 г. положил начало ограничительной политике. Предпочтение отдавалось гражданам, которые считались наиболее ассимилируемыми. Для покидавших Советскую Россию и пытавшихся сохранить «внетерриториальную государственность» эмигрантов это условие было дополнительным препятствием для переезда на другой континент. Особое значение получил пункт о недопущении в страну «лиц, относительно которых есть вероятность, что они станут общественным бременем»[152], который с конца 1920-х гг. стал играть большую роль: от каждого потенциального иммигранта стали требовать данного под присягой поручительства американского гражданина в том, что он готов поддерживать въезжавшего и не допустить, чтобы тот стал общественным бременем. Уровень состоятельности и другие вопросы оставались на усмотрение американских консулов. В 1929 г. в связи с экономи-

---

[150] Там же; Возрождение. 1929. 17 апреля.

[151] *Кьосева Ц.* Указ. соч. С. 201–201; ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

[152] Цит. по: *Гольденвейзер А.А.* Иммиграционные законы в Соединенных Штатах // Закон и суд. 1938. № 8–10. Ст. 4109.

ческим кризисом активно стало применяться еще одно требование (просуществовавшее до 1936 г.) – не допускать лиц, нуждавшихся в социальной помощи.

С 1921 г. Конгресс США принял законодательную поправку, предусматривавшую систему квот. Отныне в страну допускалось не более 3 % иммигрантов от количества проживавших в США уроженцев из той или иной страны по состоянию на 1910 г. С 1 июля 1924 г. ежегодная квота устанавливалась в 2 % от числа зарегистрированных по переписи населения США 1890 г.[153]. По отношению к выходцам из Азии по-прежнему действовал принцип «закрытой страны». При этом не устанавливались квоты на переселение из стран западного полушария. По закону 1927 г. ежегодная квота каждой страны определялась в зависимости от процентной доли выходцев из этой страны, среди всего населения США в 1920 г.

Получать визу русские должны были в американском консульстве в Риге (Латвия), куда сложно было добраться из отдаленных уголков Зарубежной России, что равносильно запрету въезда в страну. Поэтому Д.И. Абрикосов просил финансового агента в США С.А. Угета, имевшего связи с Американским Красным Крестом и в вашингтонских кругах, навести справки, нельзя ли добиться облегчения порядка получения виз для русских, едущих в США с Дальнего Востока[154].

Защита российских интересов в США первоначально обеспечивалась дипломатическими учреждениями. Декларация прави-

---

[153] Обращение к переписи 1890 г. объяснялось тем, что таким путем достигался желательный национальный состав иммигрантов. В 1890 г. в стране было еще сравнительно мало выходцев из Италии и России и пропорционально больше англичан и немцев. Национальность определялась исключительно местом рождения. Подданство никакой роли не играло. Исчисление количества выходцев из разных стран, находившихся в Соединенных Штатах в 1890 г., потребовало сложных статистических исследований, в особенности потому, что приходилось считаться с происшедшим с тех пор распадом прежних государств и образованием новых. Поэтому квоты были установлены окончательно только в прокламации президента от 22 марта 1929 г. Общее допустимое число иммигрантов составило 150 тыс. в год. Русская квота (для лиц, родившихся на территории в границах тогдашней СССР) была установлена в размере 2712 человек // Закон и суд. 1938. № 8–10. Ст. 4109–4110.

[154] *Подалко П.Э.* Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918–1924 гг. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. – Владивосток, 2000. № 1. С. 74.

тельства США от 5 июня 1922 г. признавала, что «русские консулы будут продолжать существовать и действовать по-прежнему и исполнять обычные акты и обязанности неполитического характера в делах, касающихся России и русских», считая, что интересы и права нации продолжают существовать независимо от того, есть или нет у нее правительства. Временные же неурядицы в государстве не умаляют интересов и прав всего народа[155]. Однако 4 мая 1922 г. госсекретарь США Бора на заседании Сената обвинил посла Временного правительства Б.А. Бахметева в США в ряде преступлений[156]. Правительство США не было заинтересовано в расследовании и, боясь раскрытия истинных масштабов своего участия в антибольшевистской интервенции, заявило, что российский посол не только израсходовал американские кредиты по назначению, но и выплатил более 5 млн. долларов в виде процентов[157]. Бахметев все же сложил с себя полномочия. В конце июня 1922 г. он, приехав в Париж, известил Совещание послов о создавшейся в США обстановке и причинах, побудивших отказаться от официального звания. Совещание послов признало, что «работа по защите национальных интересов России не должна быть приостановлена из-за изменения в официальном положении посла»[158]. На этом заседании послы обратились с просьбой к Бахметеву вернуться в Америку «для продолжения политической

---

[155] Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930 гг. Вып. 1. – Белград, 1931. С. 32.

[156] Он заявил, что Бахметев с самого начала своей деятельности в стране был самозванцем, т. к. якобы никогда не представлял настоящих полномочий, присвоил и растратил 187 млн. долларов, в которых так и не отчитался перед американским правительством, взял под свое покровительство «монгольское чудовище» – Семенова, и вместе с ним строил политические козни. Бахметев в письме сенату парировал, что общая сумма займов, предоставленных казначейством США Временному правительству составила 187 129 750 долларов, бóльшая часть из которых была истрачена до его прибытия в США, что Семенов действительно посетил посольство, но официальных отношений с ним никаких не было, что все приезжающие русские за исключением сторонников восстановления старого режима или большевиков обычно заходят в посольство. Однако 27 мая Бора официально заявил, что Бахметев по-прежнему признается американским правительством в качестве российского посла и потому не подлежит юрисдикции сенатской комиссии // Последние новости. 1922. 28 мая.

[157] Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000. С. 52.

[158] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 20. Циркулярное письмо М.Н. Гирса российским представительствам от 15 июля 1922 г.

деятельности применительно к местной обстановке». Вместе с тем было определено, что «формальная связь между Национальной Россией и Соединенными Штатами» продолжает поддерживаться «фактом сохранения за финансовым агентом С.А. Угетом дипломатического статуса, как равно и оставления в неизменном положении существовавших в Соединенных Штатах наших консульских установлений»[159].

Нежелание терять российское подданство к концу 1920-х гг. уступило стремлению повысить свой социальный статус, приняв американское гражданство. К тому же русские, перебираясь за океан, психологически порывали с надеждой на возвращение на родину. Поэтому вопрос о натурализации ставили сразу. Среди прибывших в 1927 г. русских 20,6 % решили в первый же год пребывания оформлять свои «первые бумаги», чтобы быстрее завершился 5-летний срок, необходимый для получения гражданства США. Уже в 1939 г. говорили, что в США «проблемы русских беженцев не существует», т. е. они быстро абсорбируются и, по большей части, уже американизировались[160].

* * *

Подводя итоги, следует отметить многовариантность решения беженской проблемы в различных государствах: от вытеснения из страны путем расселения, высылки до натурализации. Юридически российские беженцы являлись иностранцами. Но положение их имело ряд особенностей. Большая часть из них составила категорию лиц без гражданства. Формальным признаком безгражданства стала выдача нансеновского паспорта, в котором фик-

---

[159] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 20. Остававшиеся средства посольства «на хранении» оказались у Угета, который обосновался в Вашингтоне в качестве эксперта по российским делам. До признания СССР он пользовался официальным статусом «атташе по финансам и хранителя собственности российского посольства в США» и проживал в здании посольства, которое было закрыто весной 1924 г. // *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. – Буэнос-Айрес, 1967. С. 381–382; *Браун Д.* Исчезнувшие архивы российского посольства в США, 1922–1949 // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2001. № 6. С. 54; *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель // Россика в США. – М., 2001. С. 42; *Нитобург Э.Л.* Русские в США. С. 149.

[160] Там же. С. 132–134.

сировалось, что он выдан лицу «русского происхождения, не принявшему никакого другого подданства». Правовую ситуацию, в которой первоначально оказались российские беженцы в разных странах, можно характеризовать как правовой хаос, т. к. использовались нормы иностранного, дореволюционного, советского законодательства. К 1930-м гг. утвердилась тенденция отрицания национального права и признание права местожительства.

Отсутствие унифицированного подхода к статусу российских беженцев, наличие разнообразных документов, которыми они могли обладать, означало наделение их разным объемом прав, который варьировался в зависимости от страны расселения, и определялся преимущественно национальными законами об иностранцах. Вместе с тем, эмигрантскому сообществу в лице соответствующих учреждений местными властями неофициально были предоставлены представительские полномочия. Ниши, остававшиеся в международном и национальном праве, заполнила деятельность российских общественных организаций. Они ближе всех стояли к реальным потребностям каждого конкретного человека. Через них реализовывалась защита профессиональных прав. Они могли подтвердить тот или иной статус своих членов, что было необходимо для заполнения правового вакуума.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие этапы в деятельности Лиги Наций по урегулированию статуса русских беженцев можно выделить?
2. Охарактеризуйте работу русских общественных организаций на международном уровне.
3. Оцените роль, достоинства и недостатки нансеновских паспортов.
4. Почему СССР настаивал в Лиге Наций на упразднении защиты русских беженцев?
5. Проследите особенности правового положения русских беженцев в странах-реципиентах. Назовите наиболее адекватную модель взаимоотношений власти и эмиграции.
6. Назовите государственные, общественные и международные институты, влиявшие на правовое положение русских беженцев.

Лекции 9–10

РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЭМИГРАЦИЯ

1. ***Канонические разногласия и раскол Русской Православной Церкви за границей.***
2. ***Деятельность РПЦ в Зарубежье.***

КАНОНИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ И РАСКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Философ, богослов Н. Зернов писал, что для большинства из эмигрантов подлинная связь с родиной воплощалась в *церкви*. Недаром говорили, что, если двое русских появляются в Париже, то тут же основывают две политические партии и пять церквей. Утрата психологической устойчивости и духовных ориентиров, крушение идеалов и надежд, за которые пришлось страдать, потеря стабильной основы и смысла жизни подтолкнули многих эмигрантов к церкви. Заметим, что на рубеже веков наблюдался явный отход от Русской Православной Церкви (РПЦ). Об этом писали богословы, общественные деятели, об этом говорилось на Всероссийском Поместном Церковном Соборе 1917–1918 гг. В № 12 «Русского Богатства» за 1912 г. сельский священник писал, что «никогда не было такого ужасающе спокойного, молчаливого отпадения от церкви как ныне. Точно дух жизни угас в церкви… Не одна интеллигенция ушла, – народ ушел». Религиозная жизнь проходила около церковных стен.

Лишь катаклизм 1917 г., крушение прежних основ заставило россиян искать именно в православной вере то, что могло бы дать им опору, объединять, а не разъединять. Характерной чертой

русской диаспоры стала уцерковленность веры, снижение влияния прежнего, интеллигентского вольнодумства[1]. Возрождение Церкви на эмигрантской почве явилось источником утешения и внутренней силы. Г. Трубецкой писал: «Мы, беженцы, как скинию Завета вынесли в своих странствованиях святыню нашей родной Матери православной Церкви. Она заменяет нам на чужбине родину, в ней находим мы поддержку, бодрость и утешение и неумирающую надежду»[2]. Православная церковь стала стержнем, притягивающим соотечественников, тем институтом, который позволял эмиграции сплотиться, проявить милосердие друг к другу, найти душевное спокойствие, осознать общность корней. Как вспоминал митрополит Евлогий, «в церковь шли не только помолиться, но и встретиться в церковной ограде со знакомыми, обменяться новостями, поговорить о политике, завязать какие-нибудь деловые связи… Несмотря на горечь и ужас жизни, веяло религиозной весной…»[3].

Пришедшая в упадок за годы мировой войны и революций русская церковь за границей стала восстанавливаться. Посольские храмы на рю Дарю в Париже, на Унтер ден Линден в Берлине, святителя Николая в Праге, приходские церкви в столичных и курортных европейских городах становились средоточием эмигрантской жизни. В Западной Европе первые русские церкви появились в XVII в., с установлением и расширением дипломатических связей. В XVIII в. их число увеличилось и не только в Лондоне, Берлине, Париже, но и в Северной Америке, Китае. XIX в. стал периодом расцвета русского церковного строительства в Западной Европе, а затем и в Южной Америке. Почти все зарубежные церкви императорской России (всего около 50) подчинялись Петербургскому (Петроградскому) епархиальному начальству, но материально зависели от министерства иностранных дел.

Исход из России усилил потребность в новых храмах и приходах. В эмиграции возродилась традиция малых церквей. Инициа-

---

[1] *Пономарева Л.В.* Вселенская миссия русской православной эмиграции в XX веке // Русская эмиграция в Европе, 20–30-е годы XX в. – М., 1996. С. 43.

[2] Т*рубецкой Гр., кн.* О единстве Церкви // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание под ред. П. Струве. Кн. VI–VIII. – Прага–Берлин, 1923. С. 284.

[3] *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. – М., 1994. С. 458.

тива их создания, как правило, исходила снизу. На аренду старых и строительство новых церквей денег, как правило, не хватало, и они устраивались в подвальных помещениях, в заброшенных или разваленных домах, уютно обстраиваясь изнутри. Подчас богослужения состоялись в инославных церковных зданиях. Приспосабливались под православные службы и католические костелы, и протестантские кирхи. Большой радостью становилось строительство новых православных храмов.

Часто прихожане не в состоянии были содержать своего священника, тогда их обслуживал разъездной. Большая же часть членов Синода оказалась в эмиграции. В 1923 г. за границей находилось 32 русских епископа. Общее число лиц духовного звания среди эмигрантов, по некоторым данным, составляло полпроцента, т. е. 7–10 тыс.[4].

Среди священнослужителей были как рукоположенные в России (назначенные за границу до октября 1917 г., а также эмигрировавшие из страны, среди них значительное количество военных и флотских священников), так и рукоположенные в эмиграции (начавшие духовное образование в России, но по разным причинам не закончившие его и рукоположенные уже в эмиграции или родившиеся в России и получившие духовное образование в эмиграции, ибо многие пришли к вере именно за рубежом). Интересен также тот факт, что бóльшая часть русского православного священства в эмиграции происходит из семей, относившихся до революции к духовному сословию. На священнослужителях лежала задача сплотить паству.

Положение церкви и приходов осложнялось разногласиями, обусловленными наличием нескольких русских православных юрисдикций за рубежом. Канонические споры, политические противоречия, не обошли церковь стороной. Камнем преткновения стал вопрос о подчиненности русских православных церквей, находящихся за границей. До революции вне пределов России

---

[4] См.: *Кандидов Б.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). – М., 1930. С. 120–121; *Гордиенко Н.С.* Современное православие. – Л., 1987. С. 33; *Терещук А.В.* Русская церковная эмиграция в 1917–1927 гг. // Из истории российской эмиграции. Сб. науч. ст. – СПб., 1992. С. 41; *Цыпин Вл., прот.* История Русской Православной Церкви. – М., 1997.

в крупнейших государствах существовало несколько русских приходов, по большей части при посольствах. Зарубежные русские церкви и приходы находились под юрисдикцией митрополита Санкт-Петербургского, который подчинялся Священному Синоду. Духовенство, находившееся за рубежом, не признало решений общерусского церковного Собора 1918 г., отменившего Священный Синод и избравшего патриарха после прихода к власти большевиков.

8 октября 1919 г. патриарх Тихон объявил о гражданской лояльности по отношению к советской власти и политической нейтральности и заявил, что церковь и духовенство не будут поддерживать тот или иной политический режим, одну политическую партию против другой. По этой причине он отказался благословить Белую армию. Отделение церкви от государства освободило церковь от обязанности требовать от своих чад и духовенства, как граждан, того или иного политического курса, участия или неучастия в политической деятельности. Но воинственно атеистическая, антицерковная и антиправославная политика советского правительства поставила под вопрос выживание России как христианской державы. 20 ноября 1920 г. Тихон издал указ № 362 о праве местных архиереев создавать временные автокефалии, если связь с Москвой будет невозможна. Этот указ касался канонической территории Московского патриархата и учитывал возможность исчезновения центрального управления. В дальнейшем он неправомерно использовался для углубления раскола церкви за рубежом при обосновании ее самостоятельности.

В мае 1919 г. в Новочеркасске и Ставрополе состоялся Южнорусский Церковный собор, признанный патриархом Тихоном, на котором, было основано Высшее Церковное Управление (ВЦУ) на Юге России, возглавляемое вначале архиепископом Вениамином (Федченковым), затем митрополитом Антонием (Храповицким). Ему подчинялись епархии, отрезанные гражданской войной от Московской патриархии. Создавался он только на время гражданской войны. 19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в Константинопольском порту состоялось первое за пределами России заседание ВЦУ на Юге России, в котором участвовали митрополиты Киевский Антоний (Храпо-

вицкий), Херсонский и Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). На заседании было вынесено решение о продолжении деятельности ВЦУ. Позднее в Константинополе местоблюститель Вселенского патриарха митрополит Дорофей разрешил епископам-эмигрантам основать временное Высшее русское церковное управление за границей, которое им было признано 29 декабря 1920 г. Константинопольский патриарх сохранял за собой все судебные прерогативы. Но ВЦУ создавалось без ведома и согласия патриархии Московской. Вскоре оно приняло приглашение патриарха Сербского Димитрия переехать в КСХС в город Сремские Карловцы, являвшийся резиденцией патриарха Сербии, и объявило себя временным местоблюстителем Священного Синода Российской империи. Благодаря присутствию в его составе митрополита Антония (Храповицкого), бывшего митрополита Киевского и Галицкого, человека выдающегося по своей образованности и пользующегося большим авторитетом, ректора Петербургской духовной семинарии, а затем Московской Духовной академии, ВЦУ было признано русской православной церковью за рубежом и к его мнению прислушивались.

КСХС в 1920-е гг. становится центром русской церковной жизни вне России. В ноябре 1921 г. в Сремских Карловцах по инициативе епископа Севастопольского Вениамина и с согласия патриарха Сербского Димитрия был созван первый Всезаграничный церковный собор. Среди 163 членов Собора (оказавшихся за рубежом и сумевших добраться до Сремских Карловец русских архиереев, членов поместного собора 1917–1918 гг., делегатов от приходов, от эвакуированной армии, от монашествующих, приглашенных) было 11 епископов (2 сербских), 22 представителя монашествующих и белого духовенства, 67 военных и политических деятелей. Участие в Соборе руководителей Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркова и А.Ф. Трепова, которым сочувствовал митрополит Антоний, придавало его решениям подчеркнуто политический характер. Последний председатель Государственной думы М. Родзянко, присутствовавший на Соборе как член Всероссийского поместного собора, был с негодованием

изгнан с его заседаний. Его обвиняли в развале Российской империи[5]. К сожалению, политические эмоции одержали верх над церковным сознанием. Отчасти это произошло потому, что собор был созван по инициативе Первого монархического съезда в Рейхенгалле (май–июнь 1921 г.). В послании Всезаграничного церковного собора чадам РПЦ в рассеянии и изгнании сущим говорилось: «Да вернет господь на Всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного Православного царя из Дома Романовых». Собор принял также обращение к Генуэзской конференции, призывающее спасти российский народ от большевизма. С этими решениями собора не был согласен ряд церковных деятелей, среди них и архиепископ (с 30 января 1922 г. – митрополит) Евлогий, который призвал к благоразумию, не отягчать положение патриарха. 34 члена Собора (в том числе архиепископ Евлогий) сделали письменное заявление, утверждавшее, что постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии носит политический характер. Но Собор не внял голосу оппозиции.

Результатом принятия Всезаграничным собором политических решений, имевших явную монархическую ориентацию, явился указ патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. об упразднении ВЦУ. Указ этот гласил:

«1. Признать “Послание Всезаграничного Церковного собора всем чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим” о восстановлении в России монархии с царем из рода Романовых, напечатанное в “Новом времени” от 3-го декабря 1921 г. № 184 и “Послание мировой конференции от имени Русского Всезаграничного собора”, напечатанное в том же “Новом времени” от 1 марта сего года за № 254 за подписью председателя Заграничного Синода и Высшего Русского Церковного Управления заграницей митрополита Киевского Антония, – актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви, и в виду их чисто политического характера, не имеющими церковно-канонического значения.

2. В виду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных политических от имени Церкви

---

[5] *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. – М., 1994. С. 207.

выступлений и принимая во внимание, что за назначением тем же Управлением преосвященного митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквами заграницей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за преосвященным митрополитом Евлогием, поручив ему представить соображения о порядке управления названными церквами.

3. Для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления озаботиться получением необходимых для сего материалов и самое суждение, ввиду принадлежности некоторых лиц к епископату, иметь по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода, при полном указанном в Соборных правилах числе его членов, о чем, для зависящих по предмету данного постановления распоряжений, уведомить ваше преосвященство»[6].

Митрополит Антоний решил подчиниться указу патриарха, но большая часть членов ВЦУ высказалась против. В сентябре 1922 г. собор епископов, собравшийся в Сремских Карловцах, формально исполнил волю патриарха, распустив ВЦУ, но на его месте был создан Синод епископов русской церкви за границей под председательством митрополита Антония. Разница была только в том, что ВЦУ включало в свой состав двух священников и двух мирян, а в Синоде были только архиереи. Синод претендовал на полноту власти дореволюционного Священного Синода, сохранив влияние не только над зарубежными епископами, но и в самой России.

Управляющим русскими православными приходами в Западной Европе 15 октября 1920 г. ВЦУ на Юге России назначило архиепископа Евлогия. Это назначение подтвердили митрополит Петербургский Вениамин и патриарх Тихон. 8 апреля 1921 г. патриарх Тихон вместе с Синодом издали Указ о подчинении русских церквей в Западной Европе до восстановления нормаль-

[6] Цит. по: *Грабе Гр., епископ.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла // http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=print_page&pid=408

ных отношений с Петроградским митрополитом, в юрисдикции которого они ранее находились, архиепископу Евлогию. Резиденция Евлогия находилась сначала в Берлине, а с 1923 г. в Париже, где он оставался до своей смерти (1946 г.)

Евлогий, уважая авторитет митрополита Антония, этому назначению не подчинился. Он предлагал сохранить органическую связь с Москвой при создании автономных митрополичьих округов[7]. Но это предложение не было поддержано на Соборе 1923 г.

Евлогий не считал себя подчиненным Синоду и нашел поддержку у церковно-общественных кругов: П.Б. Струве, А.В. Карташева, Н.А. Бердяева, о. С. Булгакова, Г.П. Федотова, митрополита Платона (Северо-Американская епархия). Митрополит Антоний, не желая быть камнем преткновения, решил в канун Рождества 1922 г. удалиться на Афон и принять схиму. Но Афонский Протат отказал ему. Летом 1923 г. Архиерейский Синод принял секретное определение о неисполнении указов патриарха Тихона, касающихся деятельности заграничных приходов, поскольку патриарх несвободен и его указы не соответствуют его подлинным намерениям. Евлогий, старавшийся последовательно уйти от политики, все больше расходился с карловчанами.

Арест патриарха Тихона, попытки православных церквей балканских стран распространить свою юрисдикцию на русские православные приходы обострили вопрос, кого же считать главой русской православной церкви за границей.

Напряженные отношения между митрополитом Евлогием и карловацким центром привели к формальному разрыву в июне 1926 г. в ходе очередного Архиерейского собора. Митрополит Евлогий потребовал в первую очередь рассмотреть вопрос об управлении Русской Православной Церковью за границей. Собор отказался менять повестку дня, и тот покинул Карловцы. За ним последовал митрополит Платон (Рождественский), которого Архиерейский Собор осудил за его попустительство автокефалистским тенденциям в Северно-Американской епархии. Противно мнению митрополита Евлогия стало решение Архиерейского Собора о выделении Германии в особую самостоятельную епархию

[7] *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. – М., 1994. С. 555.

во главе с епископом Тихоном (Лященко). Разрыв стал свершившимся фактом. Митрополита Евлогия поддержала большая часть парижской эмиграции: бывший председатель Совета министров В.Н. Коковцев, генералы и офицеры, профессора, литераторы, студенческая молодежь. С сочувственными статьями, одобрявшими аполитичную линию в управлении Церковью, выступили Струве в «Возрождении», И.П. Демидов в «Последних новостях»[8].

Писательница М. Каллаш с сожалением отмечала в письме митрополиту Евлогию в 1926 г.: «Беженство, чем дальше, тем больше, утрачивает духовную связь с православной Россией, и на этой почве, как плесень, растет грех автокефальных вожделений». Призывая наложить трехдневный строгий пост, в совместной молитве за святую церковь, она считала, что русские люди почерпнут в этом «силы для преодоления страшного карловацкого соблазна»[9]. Дух евлогианской церкви привлекал беженцев своей терпимостью, большей степенью мягкости и свободы, отдаления от государственности, был «ближе к вселенскому образу православия». По словам Б. Зайцева, «бездомные и рассеянные более привлекаются внутренней стороной церкви, духовным миром, чем уклонами политическими»[10]. Писатель считал, что митрополит Евлогий подкупал своей русскостью: «все в нем было “сверхрусское”, отличный русский язык, любовь к православному богослужению, природе, народу, к России»[11].

«Карловчане» приняли 26 января 1927 г. постановление о запрещении в священнослужении митрополита Евлогия и его викариев и прерывания молитвенного общения с ними. В ответ на это митрополит Евлогий обратился с посланием к духовенству и приходам, в котором отверг эти решения как неправомочные: «Собор и заграничный архиерейский Синод в нынешнем их составе не являются моею канонической властью и посему не могут вмешиваться в дела моей епархии и не могут ведать и решать ду-

---

[8] *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. – М., 1994. С. 558–562; *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. – М., 1997. С. 790–791.

[9] Исторический архив. 1996. № 1. С. 95–96.

[10] *Зайцев Б.* Дни. – Париж, 1995. С. 114.

[11] Там же. С. 111.

ховную совесть вверенной мне паствы. Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, не зависимого от заграничного архиерейского Синода существования, так же как независимо от него живут Американская Русская Православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие»[12].

Еще большему расколу способствовала декларация митрополита Сергия. Этот документ спровоцировал конфликт с Московской патриархией. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода («Декларация» Митрополита Сергия), датированное 16/29 июля 1927 г. было опубликовано 18 августа 1927 г. в «Известиях» и размножена в виде листовки тиражом 5000 экземпляров. Ее разослали по приходам. Декларация, в частности, гласила:

«Божиею милостию, смиренный Сергий, митрополит Нижегородский, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Патриарший Священный Синод.

Преосвященным архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви.

<…> Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, создавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги Ее интересы, кто желает вывести Ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.

Засвидетельствовать это и является первой целью настоящего нашего (моего и Синодального) послания. <…> Нам нужно не на

---

[12] Цит. по: *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. – М., 1997. С. 791.

словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи.

<…> Утверждение Советской власти многими представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять “знамений времени”, и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже монархией, не порывая с Православием. Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекшее подозрения Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. <…>

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая / 22 апреля 1922 года). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. **Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности** *(выделено мной – З. Б.)*. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожи-

данностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной <…>».

Таким образом, декларация митрополита Сергия осуждала эмигрантское духовенство за открытые выступления против советской власти и предлагала заграничным русским архипастырям и священнослужителям дать письменное обязательство (за собственноручной подписью) «лояльности» по отношению к советскому правительству.

Митрополит Евлогий исполнил требование митрополита Сергия, но не безусловно. Он высказался за поддержание прочной организационной и духовной связи с Московской патриархией, заявил, что термин «лояльность» означает для него и паствы аполитичность эмигрантской Церкви, исключает использование амвона как арену политики. Быть лояльными по отношению к советской власти невозможно: в Зарубежье нет граждан СССР, да и СССР эмигрантов, не заявивших о желании принять гражданство, таковыми их не считает. Митрополит Сергий объяснением удовлетворился, но потребовал немедленно препроводить ему подписи всех зарубежных епископов и приходского духовенства. Предписание было направлено и в Карловцы. В епархии митрополита Евлогия духовенство подписи дало, за исключением нескольких приходов, перешедших в юрисдикцию Архиерейского синода, который декларацию митрополита Сергия отверг, подтвердил свой разрыв с ним и осудил Евлогия за раскольническую деятельность в зарубежье. Кроме митрополита Евлогия подписки о «лояльности» были поданы архиепископом Литовским Елевферием, архиепископом Японским Сергием, епископом Камчатским Нестором.

Митрополит Антоний в ответ на требование митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода издал окружное послание, составленное в крайне раздражительном тоне: «Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников и любимых учеников – митрополитов Сергия и Евлогия, ныне отпавших от спасительного церков-

ного единства и связавшихся с врагами Христа и Святой Церкви – гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, которое известно под именем коммунизма или материализма… И пусть те новые обольстители не оправдываются, заявляя, что они не друзья большевиков и евреев, стоящих во главе большевистского царства: в душе они, может быть, и не друзья им, по они этим врагам Христовым, хотя бы и неохотно, подчинились и стараются расширить власть последних не только над злосчастными жителями Святой Руси, но и над всеми русскими людьми, хотя бы и далеко от Русской земли ушедшими»[13].

Разделилось и общественное мнение. Н.А. Бердяев написал специальную статью в «Последних новостях» от 13 сентября 1927 г. в защиту митрополита Сергия[14]. В то же время Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус в своем письме к эмигрантской общественности высказали настоятельную просьбу не подписывать никаких обязательств[15].

Русская церковь оказалась расколотой на приходы и епархии, одни из которых признавали заграничный Синод (Балканы, Маньчжурия, Китай, несколько приходов в Северной Америке, Германии), другие считали своим главой митрополита Евлогия (страны Западной Европы, Балтии, Северной Америки, Австралия). Возникали и нелепые в церковном смысле ситуации. Так, в Англии в одном храме служили по неделям (а в праздник по очереди) евлогианцы и карловчане.

К началу 1930-х гг. отношения владыки Евлогия и Московской Патриархии стали более напряженными. Присяга о лояльности, принятая Евлогием, истолковывалась им как политическая нейтральность, что не запрещала выступать с критикой гонений на Церковь в СССР, или, например, участвовать в совместных молитвах англикан и православных (организованных в Лондоне архиепископом Кентерберийским) за страждущих христиан в России, исполняя тем самым свой пастырский долг. В ответ на

[13] Цит. по: *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви. 1917–1997. – М., 1997. С. 485.

[14] См. также: Наука и религия. 1991. № 4. С. 6–7.

[15] См.: Отечественная история. 1992. № 6. С. 136–137.

это 10 июня 1930 г. митрополит Сергий потребовал от Евлогия передать все обязанности архиепископу Владимиру и уйти на покой, а после отказа Владимира принять управление и прошения Евлогия о предоставлении временной независимой автокефалии, владыка Сергий наложил прещение на Евлогия и все подчиненное ему духовенство. Тех же, кто остался верен Московской Патриархии, митрополит Сергий просил перейти в ведение митрополита Литовского Елевферия, который оставался в московской юрисдикции. Лишь вмешательство Константинополя на время исключило напряженность в этом вопросе, т. к. Вселенский патриарх признал прещение Евлогия необоснованным и принял его в феврале 1931 г. под свою юрисдикцию. В результате связь Московской патриархии с ее европейскими приходами прервалась, а Парижская и Западноевропейская епархии стали экзархатом Вселенского престола до 1965 г., когда под давлением Москвы патриарх Афинагор односторонне порвал с ней юрисдикционные отношения и потребовал, чтобы она присоединилась к Московской патриархии.

Схожая ситуация сложилась в Америке при митрополите Платоне. Американская митрополия провозгласила себя «автономной независимой Американской Православной Кафолической Церковью», стремящейся к автокефалии. В 1933 г. последовал запрет митрополита Платона, но он ему не подчинился.

9 мая 1928 г. указом московского Синода за № 104 заграничный Архиерейский Собор и Синод были объявленными упраздненными и все их действия отмененными. На практике это распоряжение, конечно, не могло иметь никакого реального значения. Этот указ, как считали за границей, уже не был свободным волеизъявлением московского Синода, а был написан под диктовку «органов». 22 июня 1934 г., после длительной бесплодной переписки с Сербским патриархом Варнавой, которого митрополит Сергий пытался привлечь на свою сторону, московский Синод решил: «Карловацкую группу, как ослушников законного священноначалия и учинителей раскола, предать Церковному суду с запрещением в священнослужении впредь до суда или раскаяния».

В 1935 г. было выработано «Положение о РПЦ за границей», ставшее основой для дальнейшего управления Зарубежной Цер-

ковью. РПЦ за границей всегда настаивала на каноничности своего существования как неотъемлемой части Московского Патриархата. На призыв патриарха Алексия I в 1945 г. вернуться «в ограду» Матери Церкви, глава РПЦ за рубежом митрополит Анастасий ответил, что ее члены «никогда не считали и не считают себя находящимися вне ограды Православной Русской Церкви, ибо никогда не разрывали канонического молитвенного и духовного единения со своею Матерью Церковью».

Епархиальное собрание Евлогия не утвердило «Положение» как лишающее епархию автономии.

17 мая 2007 г. Русская Православная Церковь и Русская Православная Церковь за рубежом подписали в Москве Акт о каноническом общении. Это событие стало логическим завершением длительного периода разделения двух частей русского православия.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РПЦ В ЗАРУБЕЖЬЕ

Несмотря на канонические расхождения и противостояние в церковных верхах, священнослужители за рубежом выполняли свои «традиционные» обязательства, и более того, к ним добавились новые. Обязанность окормлять[16] заграничную русскую паству в рассеянии была подтверждена ВЦУ в первых же своих решениях. Сохраняла свою актуальность задача заботиться о правильной метрической записи венчаний и крещений русских беженцев, имея в виду будущую необходимость в этих документах по возвращении в Россию. «Метрикация этих актов по Российским законам имеет юридически-правовое значение…» – отмечалось в протоколе ВЦУ от 3/16 августа 1921 г., – «между тем в будущем, по восстановлении в России порядка и возвращении беженцев в Россию, получение документов об этих актах… будет крайне за-

[16] РПЦ до конца XVII вв. была монопольным регулятором брака. До 1722 г. регистрация браков в России велась при церквах, а с 1722 г. регулировалась и церковными, и светскими нормами права. Учреждений, в которых могли быть зарегистрированы браки без участия церкви, не существовало.

труднительным…»[17]. Отмечалась важность ведения метрических записей именно русским церковным управлением, поскольку получение метрических записей от иностранных церквей могло в будущем, по возвращении в Россию, оказаться затруднительным.

Браки и разводы, регистрация родившихся, умерших – все эти вопросы находились в ведении управляющего русскими православными приходами в Западной Европе, либо Карловацкого Синода, а до их появления (после взятия власти большевиками) – архиепископа Алеутского и Северо-Американского в Нью-Йорке. Таким образом, деятельность РПЦ распространялась практически на все страны, где проживали соотечественники.

Были установлены церковные центры, куда следовало обращаться по вопросам о расторжении брака. Эмигрантские газеты эту информацию донесли до читателей. Проживавшим а) в Западной Европе – к Управляющему русскими православными заграничными церквами в Западной Европе митрополиту Евлогию (в Берлине); б) в Югославии – к Управляющему русскими православными общинами в КСХС митрополиту Антонию (Сербия, Сремски Карловцы); в) в Болгарии – к Управляющему русскими православными общинами Константинопольского округа архиепископу Анастасию; д) в Северной Америке – к архиепископу Североамериканскому Александру (Нью-Йорк) и епископу Алеутскому Антонию (Ситха); е) в Китае и Японии – к Начальникам российских духовных миссий, в Китае – к архиепископу Иннокентию (Пекин), в Японии – архиепископу Сергию (в Токио); ж) в полосе отчуждения КВЖД – к архиепископу Харбинскому к Цицикарскому Мефодию (Харбин); з) в прочих местах, не входящих в районы Управления означенных Преосвященных (Греция, о. Крит, Иерусалим, Египет, Южная Америка и пр.) – в Высшее Русское Церковное Управление за границей (Сербия, Сремски Карловцы)[18].

В связи с сомнениями некоторых правительств в юридической силе разводов наших соотечественников и во избежание возмож-

[17] Цит. по: *Васса (Ларина), инокиня.* «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920–1945 гг. в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2004 г. – М., 2004. С. 312.

[18] Последние новости. 1922. 1 июня.

ных недоразумений, по согласованию совета послов с митрополитом Евлогием была выработана памятная записка, излагавшая юридическую сущность установившейся практики. И такой циркуляр с приложением памятной записки был разослан главой совета послов М.Н. Гирсом российским (не советским) дипломатическим представительствам[19].

В КСХС местный собор вынес краткое постановление о предоставлении заграничной русской церковной власти юрисдикции над русским духовенством на территории Сербской Церкви от 18/31 августа 1921 г., а позднее сербский архиерейский собор поддержал перед гражданскими властями брачную юрисдикцию Русской Заграничной Церкви. В соответствии с решением Сербского собора, югославское правительство признавало метрические акты наших церквей и вслед за Сербской Патриархией заверяло эти документы, когда требовалось свидетельство министерства иностранных дел для пользования ими в других государствах.

Но с переходом европейских государств (причем разновременно) к гражданской форме брака и развода церковная юрисдикция становилась факультативной. Положение эмигрантов усугублялось отсутствием унификации в разных странах юридических норм в их отношении. В одних странах признавались за ними нормы национального права, в других – право местожительства, иногда формы брака регулировались правом места его заключения и пр.

Практика семейного права, в которой Церковь до революции занимала большое место, в Зарубежье стала чрезвычайно разнообразной. Например, деятельность русского православного духовенства *в Швейцарии* после 1917 г. претерпела мало изменений. На вопрос анкеты Лиги Наций И.Н. Ефремов, назначенный посланником и полпредом еще Временным правительством и сохранявший свои полномочия, в начале 1920-х гг. отвечал, что попрежнему обязанности РПЦ распространялись на ведение метрических книг о рождении, смерти и бракосочетании. При обеих церквах в Женеве и Веве ведение этих книг продолжалось по ста-

[19] АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 59. Л. 1, 2. Циркуляр № 392 М.Н. Гирса А.А. Смирнову от 8 мая 1923 г. В приложении – памятная записка Евлогия на фр. яз.; тот же циркуляр И.Н. Ефремову см.: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 398.

рой системе, равно как и церковно-приходская отчетность. Например, за 1920 г. было совершено в обоих храмах: крещений – 14, браков – 12, погребений – 23. Браки совершались в церкви после гражданского брака по местным законам. За расторжением браков обращались к Отцу настоятелю. Тот поступившие просьбы направлял на имя высокопреосвященного Александра, архиепископа Алеутского и Северо-Американского в Нью-Йорк. После назначения к управлению всеми заграничными церквами Высокопреосвященного Евлогия, архиепископа Волынского и Житомирского, прошения о разводе Отцом настоятелем направлялись уже к нему[20].

В Финляндии при заключении и расторжении браков широко допускалось применение национальных законов иностранцев, если к тому не имелось препятствий по финляндскому закону. Эти вопросы решались церковью, которая считалась с особенностями положения беженцев. По закону 1929 г. решения светского суда поступали на утверждение церковной власти. С передачей вопроса о разводах компетенции светского суда он существенно осложнился, в особенности в случаях, когда один из супругов находился в СССР. Его местопребывание могло быть неизвестно, либо по другим причинам не было возможности получить от советских властей документ (который должен быть засвидетельствован в финляндском консульстве) о том, что брак, находящегося в СССР супруга расторгнут. Местный суд становился, как правило, на формальную точку зрения. В то время как по финляндским законам раздельное проживание супругов в течение одного года и одного дня являлось поводом к разводу. Подобная ситуация заставляла эмигранта прибегать к антизаконным действиям: лжесвидетельствованию, предъявлению сомнительных документов и т. п. Среди смирившихся с неполучением развода эмигрантов процветало незаконное сожительство, внебрачные дети. Однако в целом внебрачных детей в эмиграции рождалось мало. По крайней мере, в Югославии, что отмечал проф. Д.Н. Иванцов, сделавший демографические наблюдения. В Белграде внебрачная рождаемость составляла всего 4,8–2,16 %[21].

---

[20] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 107.

[21] *Солонский А.А.* Демография русской эмиграции в Белграде // Записки РНИ в Белграде. Вып. 10. – Белград, 1935. С. 43.

Для вступления в брак эмигранту *во Франции*, как информировала 18 сентября 1925 г. (№ 804) газета «Дни», требовались следующие документы: 1. метрическое свидетельство (акт де нэссанс), 2. удостоверение о месте жительства, 3. удостоверение о семейном положении, выдававшееся Русским эмигрантским комитетом[22] и засвидетельствованное министерством иностранных дел. Церковный брак считался необязательным. Французская судебная практика основывалась на признании фактического отсутствия правосудия в России. К делам о разводах французские суды с 1922 г. стали применять положения, представляющие собой комбинацию русских дореволюционных законов с французскими. Вопрос о поводах для развода решался по старым русским законам. Сам развод совершался по французским законам.

В ЧСР в начале 1920-х гг. магистрат Праги отказывал в просьбе о регистрации брака, требуя предварительного заключения церковного брака. Вскоре гражданская форма брака стала законной, а церковный брак – факультативным. Однако при выезде в страну, где за русскими эмигрантами не отрицалось наличие их национального права, положение лиц, заключавших только гражданский брак, становилось неопределенным. Поэтому русским эмигрантам следовало заключать кроме гражданского брака также и церковный[23]. Случались и казусы. Так, Е.В. Тараблин в статье «О правовом положении иностранцев в ЧСР» приводил следующий пример. Финляндская подданная, заключившая церковный брак с русским эмигрантом в Чехословакии, по приезду в Финляндию была арестована за нелегальный въезд, т. к., по мнению местных властей, заключив церковный брак, та потеряла граж-

[22] Русский эмигрантский комитет начал свою работу 16.12.1924 г. Его создание было обусловлено признанием французским правительством СССР, что повлекло бы за собой потерю значения бывших российских консульских учреждений и посольства. Члены комитета избирались двумя группами российских организаций: 6 чел. от Комитета объединенных организаций, в котором были представлены 175 организаций, 3 – от Совета общественных организаций. Эмигрантский комитет выполнял посреднические функции между полуофициальным Офисом по защите интересов российских беженцев (эмигрантского учреждения, ставшего преемником русского генерального консульства в Париже), французским правительством и русской колонией. Ввиду его значимости комитет распространял свою деятельность далеко за пределами Франции, в том числе был представлен в международных организациях.

[23] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 18–19.

данство. После мытарств ей был выдан в Финляндии нансеновский паспорт[24].

Трудности заключения браков были связаны с невозможностью получить метрические и предбрачные свидетельства. Поэтому совершенно незаменимой становилась деятельность русских общественных организаций или представительства верховного комиссара по делам русских беженцев (позже нансенамта) при установлении беженского состояния, при выдаче эрзацдокументов (например, свидетельств о рождении для женитьбы), при выяснении состояния семьи беженцев и т. д. В подобных случаях русские эмигранты ходатайствовали перед Земской политической Справой о так называемых диспенсах, т. е. об освобождении от представления этих документов, ограничиваясь удостоверениями, выданными Земгором, на основе показаний двух свидетелей, имевших право жительства в Чехословакии (предъявивших пруказ[25], выданный сроком на один год). В удостоверении Земгора указывалось, что такой-то является холостым, вдовцом или разведенным, и что для вступления его в брак препятствий нет. Разведенным, кроме того, к прошению следовало присоединить бракоразводное свидетельство. В Земгоре должную юридическую поддержку обеспечивала юридическая комиссия[26].

Оформление разводов являлось актуальной проблемой, т. к. процент разведенных среди русских был весьма велик. Это объяснялось, с одной стороны, разрывом семейных связей в ходе миграций, с другой, как писали сами беженцы, эмансипацией женщин в эмиграции. Бракоразводные дела занимали большое место в практике Русского юридического комитета в Праге. До 1927 г. неизвестно было не только русским эмигрантам, но и государственным учреждениям Чехословакии, где, в гражданском или церковном

---

[24] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 20.

[25] 31 января 1922 г. «Последние новости» сообщили об опубликовании чешским правительством распоряжения, предписывавшего всем русским и украинским подданным, проживавшим на территории ЧСР получить из русского отдела МИД особые виды на жительство в стране. Беженцы, не имевшие никаких доходов, могли получить эти паспорта по рекомендации одной из официально зарегистрированных русских организаций или по рекомендации двух чехословацких граждан, известных МИД. Эти удостоверения назывались «пруказы».

[26] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 16–17.

суде, надлежит вести соответствующую процедуру. Поэтому разводились и в гражданских судах, и в епархиальном Управлении в Париже, и в советском Загсе, и в Живоцерковном Синоде, наконец, у местного епископа Савватия, у которого развестись было легче, дешевле и быстрее. С признанием главой православного прихода в Чехословакии епископа Горазда 23 февраля 1926 г., Савватий свое значение потерял[27]. Правда, некоторое время он еще осуществлял свою бракоразводную деятельность, но государственные учреждения Чехословакии перестали признавать действительность этих разводов, что стало первым шагом к устранению бракоразводной неразберихи. Ввиду того, что расторжение брака в советском Загсе для подавляющего большинства заинтересованных лиц было недоступно, да и возможно лишь в случае нахождения одного из супругов в СССР, выбор ограничивался возможностью обращения к гражданскому суду ЧСР и к Епархиальному управлению в Париже. Бракоразводные свидетельства, выданные Епархиальным управлением, чехословацкими учреждениями безоговорочно признавались имеющими юридическую силу. В частности, Земская политическая справа выдавала на основании этих свидетельств разрешения на вступление в новый брак. С июня 1927 г. Земская политическая справа перестала признавать юридическое значение за разводами, произведенными Епархиальным управлением в Париже, и стала требовать развода, произведенного в гражданских судах ЧСР[28]. Поскольку французская практика также не признавала юрисдикцию РПЦ, русские юристы ставили вопрос: Чешская Справа взяла за основание французскую практику или имеют место соображения более принципиального характера – отрицание за русскими эмигрантами, как лицами, утерявшими подданство, их национального

[27] М.В. Шкаровский в своей статье «Взаимодействие чешских и русских православных общин в Чехословакии в 1918–1945 гг.» пишет, что после заключения в 1924 г. правительствами ЧСР и Югославии договора, решившего вопрос в пользу юрисдикции Сербского Патриархата, почти вся православная паства перешла под оморф епископа Горазда, а у архиепископа Савватия остались лишь один небольшой приход в Праге и несколько общин в Закарпатской Руси. Завершил организацию своей епархии епископ Горазд в 1929 г. См.: Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 173–174.

[28] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 6. Д. 3. Л. 21.

права? Дело в том, что по русскому дореволюционному праву, а также согласно распоряжениям высших духовных властей, бракоразводные свидетельства Епархиального управления в Париже должны были считаться имеющими полную силу для находившихся в Чехословакии русских эмигрантов. Иное решение возможно только при условии квалификации русских эмигрантов как «бесподданных». Важнейшим выводом из последнего положения явилось бы отрицание существования у бывших подданных Российской империи какого бы то ни было национального права: как добольшевистского, так и советского. Одним из условий выдачи разрешения на вступление в новый брак должно было стать представление доказательств, подтверждающих право Епархиального управления в Париже расторгать браки[29].

В Германии в области семейного права браки русских граждан, заключенные после 1917 г. только по церковным обрядам и не зарегистрированные в гражданских учреждениях, не признавались, так же как не признавались церковные разводы[30]. Подсудность бракоразводных дел русских граждан германским судам оспаривалась в имперском суде[31]. Возникало много путаницы с советскими браками и разводами. Германский суд безоговорочно признавал правовые последствия уже возникших в СССР семейно-правовых отношений, основываясь на их экстерриториальной силе. Но в вопросах применения советского семейного права часто прибегал к комбинированию начал советского и немецкого права.

Приведем случай, имевший место в берлинском 3-м ландсгерихте 15 ноября 1924 г. и описанный в книге Е.И. Кельмана. Истица, русская гражданка С., урожденная Д., 21 февраля 1918 г. вступила в Вятке в церковный брак с ответчиком С., германским подданным. Данный брак был оформлен лишь духовным лицом. После того, как супруги выехали в Германию и поселились там, 2 сентября 1923 г. ответчик, не расторгая данного брака, вступил в новый брак, оформив таковой в Отделе гражданских актов в Берлине. Истица предъявила к ответчику и к его новой жене иск

[29] Там же. Л. 1–4.
[30] Там же. Д. 1. Л. 33.
[31] Руль. – Берлин, 1922. 4 октября.

о признании их брака недействительным, как заключенного при не расторгнутом браке ответчика с истицей. Ответчик защищался встречным иском, в котором просил признать недействительным брак, заключенный между истицей и ответчиком 21 февраля 1918 г. в Вятке, указывая, что путем заключенного ими церковного брака не возникло брачных отношений, ибо с декабря 1917 г.[32] в России действовали законодательные нормы о том, что брак должен быть заключен перед ведомственным должностным лицом, а церковное бракосочетание лишено всякой силы. Через советское полпредство в Берлине была запрошена официальная информация. Согласно представленной справке Наркомюста РСФСР церковный брак истицы и ответчика, заключенный в феврале 1918 г., являлся действительным, т. к. в Вятке записи гражданского состояния начались лишь с лета 1919 г. В результате суд признал брак истицы с ответчиком имеющим силу и расторг второй брак ответчика, заключенный в Германии[33].

В Югославии русские религиозные суды наделялись компетенцией развода русских беженцев. Сербская церковь, ведению которой по закону подлежали все вопросы о церковных браках и их расторжении, признавала компетенцию Архиерейского Синода, находившегося в Сремских Карловцах, в отношении чад РПЦ, независимо от того, подданными какого государства они являлись. После принятия международного соглашения от 30 июня 1928 г. относительно юридического статуса русских и армянских беженцев и последующего акта МИД Югославии от 5 мая 1930 г. под № 5831/1305 Делегация Лиги Наций по делам беженцев в Югославии стала удостоверять подпись митрополита Антония, возглавлявшего Синод. Более того, в отношении браков, венчанных в России, неоднократно бывали случаи, что на решение русского духовного суда Синодом Сербской церкви направлялись дела даже югославянских подданных. Архиерейский Синод придерживался принципа, когда в отношении церковных браков иностранно-подданных, принадлежавших к Русской церкви он выносил свой суд, не входя в обсуждение гражданских последствий этого акта с точки зрения законов государства, подданным кото-

[32] 20 декабря 1917 г. в Советской России был введен гражданский брак.
[33] *Кельман Е.И.* Советское право за рубежом. – М., 1927. С. 65.

рого состояло данное лицо. В Югославии производили обычно и гражданский, и церковный развод. В тех государствах, где церковные акты не признавались, заинтересованным лицам приходилось расторгать свой брак в гражданских учреждениях, но ни один священник не повенчал бы их на основании одного лишь гражданского акта о разводе[34].

Целиком компетенции церкви был предоставлен развод *в Иране*. По поводу положения православного религиозного меньшинства в апреле 1936 г. местный представитель писал В.А. Маклакову, что дела личного статуса решаются на основании религиозных обычаев. Правительство, организовав для мусульман государственные нотариаты и по духовным делам, предоставило им дела о браках и разводах. В числе прочих был назначен и русский православный священник для дел православных лиц. Однако, жаловался адвокат Агабеков из Тегерана, «наш здешний священник настолько малограмотен, жалок и труслив, что отказывается даже препровождать прошения о разводе в Синод», направляя людей прямо и непосредственно писать в Синод в Сремские Карловцы (Югославия), который не реагировал на такие запросы. По наследственным, семейным делам, по опекам, духовным завещаниям русское население оказывалось совершенно в беспомощном положении. Если армянам удалось образовать Церковный совет, с которым считались и власти, и население, разбиравший подобные дела, помогавший населению, то жалобы русских супругов, детей в полицию, прокурору, в суды на тупиковую ситуацию оставались без ответа. Местные учреждения не знали, куда эти жалобы направлять, чтобы проблемы разрешить. Например, когда жалоба Агабабова была доведена до сведения Архиерейского Синода, управляющий канцелярией Синода Ю.П. Граббе сообщал, что в Тегеране настоятель архимандрит Виталий совершенно прав, не принимая прошений о разводах: «Не всякое прошение может быть принято к производству, и право судить об этом принадлежит Епархиальной власти, а он (архимандрит Виталий – *З. Б.*) не может в этом отношении решать. Но он может и должен свидетельствовать подписи просителей на

[34] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 23–23об.

исковых прошениях. Кто перешлет последние в Синод, не имеет значения»[35].

Многообразию практики реализации семейных отношений положила конец Конвенция 1933 г. о юридическом статусе русских и армянских беженцев. С ее принятием акты, совершенные духовным начальством беженцев признавались во всех странах, примкнувших к конвенции. В отношении расторжения брака оговаривалось, что беженцы подчиняются законам местожительства или места пребывания, т. е. в странах, требовавших гражданского развода, нельзя было ограничиваться церковным разводом. Так, например, карловацкий развод племянника В.А. Маклакова, осуществленный до 1933 г. Архиерейским Синодом, во Франции не признавался[36].

Пастырская ответственность ощущалась церковным Зарубежьем не только в области метрических записей. Беженские условия жизни заграничной паствы поставили перед российскими архипастырями и пастырями, оказавшимися за границей, исключительные задачи. Проблемы нищенского существования беженцев, последствия трагедий разбитых гражданской войной семейств, опасность отпадения от Православия русских детей в инославной среде – со всем этим столкнулось РПЦ в первые же месяцы своего пребывания в Константинополе. РПЦ осознавало трудности *православного воспитания детей за рубежом.* Был поднят вопрос «о наблюдавшихся попытках к совращению в католичество русских детей, обучающихся в французских учебных заведениях». Против этих попыток ВРЦУ выступило, обращаясь к апостолическому делегату, а в мае 1922 г. составило «Обращение к Папе Римскому по поводу использования им тяжелого положения русских в целях совращения их из Православия», а также «Обращение к родителям русских детей с предостережением от католической пропаганды». Преподавание Закона Божьего в русских учебных заведениях или четверговых школах диктовалось не только программами дореволюционной поры, которые были взяты за основу, но и целесообразностью приобщения к православному учению как основы русскости.

[35] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 36об.
[36] АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 18.

Заграничные иерархи были озабочены также подготовкой образованных пастырей для Русской Церкви за границей. Разумеется, что при крайней скудости средств создание духовных учебных заведений было более чем затруднительным. Тем не менее, уже в апреле 1921 г. в Константинополе организовались Высшие богословские курсы, которые вел архиепископ Анастасий (Грибановский), а в январе 1922 г. ВРЦУ утвердило проект создания пастырского училища в Болгарии под управлением епископа Дамиана. Характерно, что при этом имелась в виду нужда в пастырях не только за границей, но и в будущей, освобожденной России: «ВЦУ имеет в виду учреждение курсов четырехгодичных, дабы воспитанники их могли явиться правоспособными кандидатами священства и по возвращении в Россию». Особое значение имело учреждение богословских факультетов. Церковь являлась стержнем духовной жизни Русского Зарубежья, и с притоком эмиграции прежнего количества православных приходов, священников было недостаточно. Кроме того, богословское образование компенсировало отсутствие подобной подготовки на родине после закрытия духовных академий. На зарубежную систему образования ставку делать не приходилось. Поэтому создание Православного Богословского института в Париже стало одной из важнейших церковных задач.

Религиозные философы в значительной степени способствовали развитию в зарубежье богословской школы. В эмиграции оказались почти все виднейшие представители русской религиозной философии. Эта отрасль знания в Советской России не развивалась. Религиозные мыслители покидали страну во время или сразу после гражданской войны (Л.И. Шестов, В.В. Зеньковский. Н.Н. Алексеев, Д.С. Мережковский), других выслали в 1922 г. за границу, как идеологически чуждые советской власти элементы (Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, о. С. Булгаков, И.Н. Ильин, П.П. Федотов, Л.П. Карсавин). Их творчество, обогащенное духовным опытом революции, расцвело в эмиграции новым цветом. Многие произведения были переведены на иностранные языки. Наибольшая известность выпала при этом на долю Н.А. Бердяева, который был редактором выходившего в Париже русского религиозно-философского журнала «Путь». Годы эмиграции – это период завершения многих религиозно-фило-

софских систем, окончательного оформления русской религиозной философии, как особой школы философской мысли, постепенного ее выхода на мировую сцену.

Большинство богословов в зарубежье составили не специалисты, получившие образование в России, а лица, начавшие заниматься данной дисциплиной только за границей. Россию покинуло ничтожное количество профессоров высших духовных учебных заведений и лиц, имевших богословскую ученую степень. Среди них были два доктора богословия – митрополит Антоний (Храповицкий) и бывший ректор трех Духовных академий Н.Н. Глубоковский. Поэтому при основании Высшей богословской школы в Париже (1925 г.) был привлечен целый ряд профессоров (13 человек из числа основных преподавателей), не прошедших через духовную школу, но посвятивших себя изучению богословских дисциплин[37]. Они читали лекции также на богословском факультете в Белградском и Софийском университетах[38]. Значительно позже, в 1934 г., Высшая богословская школа (Институт Св. Владимира) была открыта для русских в Харбине.

Ректором Высшей богословской школы в Париже стал митрополит Евлогий, инспектором – епископ Вениамин. Существовала она в основном на пожертвования. С 1930-х гг., когда пожертвования сократились, ее материальное положение пошатнулось. В первый набор из 120 подававших прошение до 1 ноября 1925 г. было принято лишь 32, из них 29 студенты, 3 – вольнослушатели. Возрастной состав был различным. 19 – от 20 до 25 лет, 11 –

[37] Подробнее см.: *Евлогий митрополит.* Путь моей жизни. – М., 1994. С. 409–415 и др.

[38] Здесь нашли работу член-корр. Императорской академии наук Н.Н. Глубоковский (1863–1937), А.П. Рождественский (?–1930); бывший профессор богословия петербургского Историко-филологического института, глава русского военного духовенства Г.И. Шавельский (1871–1951); бывший профессор киевской духовной академии М.Э. Поснов (1873–1931); профессор С.В. Троицкий. Ряд русских эмигрантов преподавали по совместительству в Софийской и Пловдивской духовных академиях, в русских эмигрантских средних учебных заведениях, болгарских духовных семинариях. Примечательно, что среди слушателей русских богословов в болгарских академиях и семинариях оказалось немало эмигрантов из России, которые вместе со священнослужителями старшего поколения (Д. Григорович, И. Попов, Н. Рудников, И. Фролов, С. Черный и др.) стали священниками болгарской православной церкви, возглавив приходы в некоторых поселках и крупных селах. См.: *Бирман М.А. (Израиль), Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. – М., 2002. № 1. С. 178.

старше 25 лет, двое – младше 20. Различным являлся и их образовательный уровень. Высшее образование имели 5 человек, продолжали состоять в других вузах – 5, среднее образование в военной школе получили 9, в гражданской – 18 человек. Полной стипендией были обеспечены 15 студентов. За 11 лет существования в Богословском институте воспитывались 133 студента (46 из Франции, 23 из Болгарии, 11 из Польши, 4 из Финляндии, 1 из Литвы, 10 из Югославии, 10 из Эстонии, 2 из Румынии, 1 из США, 17 из ЧСР, 6 из Латвии, 1 из Германии).

В 1922 г. было постановлено издавать официальный церковный журнал при заграничном ВЦУ, «Церковные Ведомости», с целью оповещения заграничной паствы о постановлениях ВРЦУ, а также для постепенной публикации всех постановлений Всероссийского Собора 1917–1918 гг.

На РПЦ легли и сугубо практические заботы. В первые же недели своего существования за границей ВЦУ было вынуждено взять на себя защиту заграничного имущества Русской Церкви. Начиная с ноября 1920 г., т. е. в первую неделю своего пребывания за границей, в ВЦУ поступали просьбы о принятии под покровительство от заграничных русских храмов и целых миссий, прежде всего Иерусалимской, на имущество которой притязал Иерусалимский Патриархат. Первое такое обращение, от 23 ноября / 6 декабря 1920 г., касается храма в Буэнос-Айресе, на который притязал российский посланник Е.Ф. Штейн. Месяц спустя в ВЦУ поступило письмо из Бари с просьбой от имени Палестинского Общества, «принять в ведение Высшего Русского Церковного Управления имущество (храм и дом) Общества в Бари для ограждения его от возможных покушений большевиков». На все подобные обращения заграничное ВЦУ отвечало ходатайствами перед иностранными государствами, выдачей документов о своей ответственности за имущество Русской Церкви.

Заграничная Русская Церковь будучи частью Московской патриархии следила за жизнью в самой России. Она делала все возможное, чтобы помочь голодающим, многократно обращалась к правительствам иностранных государств по поводу гонений на верующих в России. Так, например, в августе 1921 г. ВРЦУ постановило: «установить во всех русских православных заграничных церквах тарелочный сбор за каждым богослужением в поль-

зу голодающего и страждущего населения России…», несколько же дней спустя при ВРЦУ был образован «Церковный Комитет помощи голодающей России», причем ВРЦУ обратился с особым воззванием «о голодающих в России, ко всем верующим в Бога правительствам и Народам всего мира». Пожертвования денежные предлагалось направлять в Белград, в ВЦУ, а снаряженные вагоны и пароходы на имя Всероссийского Патриарха Тихона в пограничные города или в Константинополь.

В мае 1922 г. ВРЦУ выступило в защиту арестованного Святейшего Патриарха Тихона. При этом по всем приходам Зарубежной Церкви был разослан указ служить молебны о Святейшем Патриархе. А на ектеньях впредь постановлено на всех богослужениях, кроме обычного возношения имени Святейшего Патриарха Тихона, особые прошения «о в узах пребывающем Патриархе». Митрополит Антоний также обращался с протестами по поводу ареста Святейшего Патриарха «ко всем главам Православных и инославных церквей и ко всем светским главам государств мира».

Православным религиозным центром Парижа стал Александро-Невский храм на улице Дарю. На пожертвования русских парижан в столице Франции был приобретен участок земли с находящейся на нем заброшенной немецкой кирхой и другими строениями. Протестантская кирха была перестроена в прекрасный православный храм во имя преподобного Сергия Радонежского, отделанный в древнерусском стиле, который был освящен 1 марта 1925 г. в прощеное воскресенье митрополитом Евлогием. Храм вместе со строениями вокруг него получил название Сергиевского подворья. Вскоре на этом подворье разместился Сергиевский православный богословский институт. По словам митрополита Евлогия, «Александро-Невская церковь и Сергиевское подворье захватывали лишь тонкий слой беженцев, а эмигрантская масса, расселившаяся в отдаленных кварталах Парижа и в пригородах, в храмы не попадала, не говоря уже о тех тысячах эмигрантов, которые осели в фабричных и промышленных районах в провинции. Все эти эмигранты жили бесцерковно. Отсутствие церковного влияния сказывалось: люди морально опускались и духовно дичали. Некрещеные дети, незаконное сожительство, огрубение нравов, распущенность… Там, где храмов не было, положение каза-

лось безвыходным, но и в Париже дело обстояло не лучше. Съездить в храм к обедне всей семьей – значило истратить на автобусы и метро больше, нежели позволяет бюджет рабочего. Старым, больным людям приходилось приезжать издалека, тогда как, будь церковь под боком, они бы усердно ее посещали. Все эти явления и соображения заставили меня задуматься о значении малых приходов и церквей».

Во второй половине 1920-х гг. в Париже были выстроены церковь общества галлиполийцев во имя преподобного Сергия и церковь преподобного Серафима Саровского, храм в Кламаре под Парижем, церкви в Бийанкуре, Медоне, Шавиле, Аньере, Пти-Кламаре, Клиши, Севре, Лилле, Лионе. Православные русские храмы строились и в городах других европейских стран: в Данциге, Праге, Прешове, Братиславе, Брно, Льеже, Антверпене, Милане, Осло, Гааге, Цюрихе. В Китае, в одной только Харбинской епархии, где жило большинство русских, эмигрировавших в Маньчжурию, к 1930 г. было уже 46 храмов, 2 монастыря, богослужение совершали 88 священников.

Жемчужиной храмового строительства стала часовня в Сент-Женевьев де Буа близ Парижа, построенная на русском кладбище при «Русском доме» для престарелых эмигрантов. Этот приют возник по инициативе кн. Веры Кирилловны Мещерской и на деньги миллионерши мисс Доротеи Педжет. Деньги для храма собрали в основном из двух источников: кн. Мещерская, имея широкие связи с иностранцами, привлекла их крупные пожертвования, а М.М. Федоров организовал очень широко сбор средств среди эмиграции. Авторами храма стал художник-архитектор Альберт Бенуа. Он спроектировал его в новгородском стиле XV – начала XVI в. Помимо того, что это было красиво, такой подход как бы связывал эмигрантов с матерью-Родиной. 9 апреля 1938 г. состоялась закладка храма и в ноябре он был уже вчерне готов. Летом 1939 г. построили звонницу, также в новгородском стиле. Расписал храм сам А. Бенуа с женой. Граф Г. Шереметев, поселившийся при храме в смиренном звании псаломщика, при внутренней отделке храма сделал надписи. Прекрасный иконостас был расписан обществом «Икона», созданным в 1925 г. в Париже, и призванным сохранить традиции русского иконопи-

сания. (Бессменно возглавляемое В.П. Рябушинским, Общество расписало храм-памятник в Бельгии на русском военном кладбище в Мурмелон-ле-Гра, кладбищенский храм в Хельсинки и многие другие). Освящение храма состоялось 1(14) октября 1939 г. Правда, в колокола по случаю военного времени не звонили. Церковь была настолько хороша, что местные власти предлагали его записать в путеводителях по Франции как «monument historique»[39]. Сегодня каждое место на Сент-Женевьев де Буа стоит 30 тыс. франков. Запущенные русские могилы по возможности спасают. Но самостоятельность, обособленность кладбища уже нарушена: в целом ряде могил захоронены французы. Умерший во Франции эмигрант «третьей волны» В. Максимов похоронен в месте, которое было куплено Н. Струве. В 1990-е гг. при личной встрече президентов Франции и России Ж. Ширак заверил, что это историческое кладбище будет находиться под опекой французского правительства. Рядом с кладбищем до сих пор сохранился дом престарелых, основанный В.К. Мещерской. После постройки нового корпуса, оборудованного как для отдыха, так и для наиболее современных методов ухода за больными, Русский дом продолжает принимать русских пансионеров[40].

10 августа 1936 г. скончался митрополит Антоний. Патриарх Сербский Варнава в надгробном слове митрополиту Антонию выразил свой взгляд на его личность и на плоды его деятельности: «Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы… Митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства… Прощаясь ныне с митрополитом Антонием, стоя у его бездыханного тела, мы все должны навсегда сохранить его священный завет в том, чтобы православная царская Россия была бы восстановлена во что бы то ни стало. В этом спасение всех нас».

Незадолго до кончины митрополита Антония, в 1935 г., Кишиневский архиепископ Анастасий (Грибановский) был возведен

---

[39] *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. – М., 1994. С. 458.

[40] Русская мысль. – Париж, 1997. 30 октября – 5 ноября.

Сербским Патриархом Варнавой в сан митрополита, после кончины митрополита Антония он возглавил зарубежный Синод.

В августе 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся II Всеэмигрантский Собор с участием епископов, клириков и мирян. В действительности всеэмигрантским он не был, в нем не участвовала ни та часть эмиграции, которая находилась в послушании Московской Патриархии, ни представители Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриарха, за которыми уже закрепилось название евлогиан. Участвовали в Соборе карловчане, бывшие с самого начала в ведении зарубежного Синода, и представители Американского округа во главе с митрополитом Феофилом, в 1935 г. признававшим юрисдикцию Синода. Председательствовал на Соборе митрополит Анастасий. II Карловацкий Собор резко осудил митрополита Евлогия за переход в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, а Константинопольскую Патриархию за захват русских приходов в Западной Европе. Собор не обошел вниманием гонения на Церковь в Советском Союзе, он высказался также в защиту православной Церкви в Польше; протестуя против разрушения православных храмов польскими властями, полонизации и украинизации богослужения.

Тогда же, 1938 г., по указу Гитлера евлогианские приходы в Германии перешли к министерству религиозных культов, которое передало управление ими карловчанам, у Евлогия осталось лишь три прихода в Берлине, Дрездене, Восточной Пруссии. Во время Второй мировой войны значительная часть паствы митрополита Евлогия приняла активное участие во французском движении Сопротивления, в то время как карловчане тесно сотрудничали с фашистами. После войны эмигрантский Синод перебрался из Мюнхена в Америку, сохранив свое название – карловацкий.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Причины канонического раскола РПЦ.
2. Объясните суть позиций евлогианцев и карловчан.
3. Почему так важна была практическая деятельность РПЦ в Зарубежье?
4. Церковные иерархи: портрет деятеля и человека.
5. Составьте реферат «Воспоминаний» митр. Евлогия.

Лекции 11–12–13

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТР РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

1. ***Судьба политических партий за рубежом.***
2. ***Пореволюционные идейные течения.***

СУДЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ЗА РУБЕЖОМ

На поле политической деятельности эмиграция была в высшей степени разобщена. Идейное развитие ее «определялось напряженным отношением, балансирующим между разрывом и преемственностью»[1]. С одной стороны, русское зарубежье олицетворяло собой преемственность с дореволюционным прошлым, с другой – пережила существенный мировоззренческий переворот, грозивший разрывом с той Россией, которая привела к революции. С одной стороны, по словам И.В. Гессена, «и красно, и пестро, но пустоцветом расцвели на неблагоприятной чужой почве все старые политические партии»[2], с другой – возникло много послереволюционных идейно-политических течений, по-новому осмысливших ход российской истории и оценивших причины и результаты революций.

Принято выделять правый, центральный и левый секторы политической эмиграции.

Правый лагерь состоял в основном из *монархистов* и имел первоначально скорее не столько политическую, сколько психо-

---

[1] *Люкс Л.* К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 160.

[2] *Гессен И.В.* Годы изгнания. – Париж, 1979. С. 63.

логическую природу. Для многих был важен не принцип монархии, а сохранение российской государственности, устойчивость которой связывалась с дореволюционным периодом. Н.В. Устрялов замечал, что «в эмиграции каждый воробей на ветке норовит чирикать антидемократически»[3]. После эвакуации остатков Белой армии правый фланг был наиболее многочисленным. Армия казалась единственной организованной силой, которая должна стать центром объединения разбросанных на чужбине людей.

В Европе географический фронт монархической эмиграции можно провести от Дании через страны Балтии, Францию, Германию и Польшу до Балкан. На Дальнем Востоке – через Маньчжурию и Китай. Отдельные центры монархистов существовали в США, Канаде, странах Центральной и Южной Америки, Африке.

Попытки организовать самостоятельные монархические группы и начать выпуск своих печатных органов были сделаны еще в 1919–1920 гг. Но после крымской катастрофы реставрационно-монархические силы были поглощены не столько восстановлением своих организаций, сколько созданием «преемственного» органа законной власти.

Монархические настроения нашли свое оформление лишь в июне 1921 г., на съезде по экономическому восстановлению России в Рейхенгалле в Баварии. Более 150 человек представляли 10 монархических организаций. Выступающие требовали объединения эмиграции вокруг монархистов и продолжения борьбы с большевизмом. Формально съезд объединил монархистов в одну организацию, признав, что «единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным государем из Дома Романовых, согласно Основным законам Российской империи»[4]. Однако споры о форме правления, полноте власти монарха, лидере движения не прекратились.

Съезд избрал Высший монархический совет (ВМС). До 1922 г. он находился в Берлине и его возглавлял Н.Е. Марков-второй, после переезда в Париж – А.Ф. Трепов. Печатным органом Совета являлся «Еженедельник ВМС». К началу 1922 г. признали руко-

---

[3] Наше время. – Шанхай, 1934. С. 62.
[4] Двуглавый орел. 1921. 1(14) июля. С. 16.

водство ВМС 85 монархических организаций[5]. Рейхенгалльский съезд направил делегацию в Данию к вдовствующей императрице Марии Федоровне, матери Николая II, с просьбой созвать семейный совет для избрания временного блюстителя престола до окончательного решения вопроса о его замещении «законным государем-императором». Государыня императрица уклонилась от ответа, а двоюродный дядя Николая II в. к. Николай Николаевич наотрез отказался возглавить монархическое движение. Возможной кандидатурой на возглавление оставался двоюродный брат Николая II – в. к. Кирилл Владимирович.

Относительное согласие в монархической среде длилось недолго. Равновесие между претендентами нарушил в. к. Кирилл Владимирович, который 26 июля 1922 г. подписал манифест и объявил себя блюстителем пустующего русского трона, ссылаясь на несомненную кончину царя и наследника. Вздох облегчения пронесся по монархически настроенным рядам эмиграции (наконец-то объявился лидер!). Но соглашение в царской семье отсутствовало, не было это решение согласовано и с иностранными правительствами. Судьбу манифеста решил генерал Врангель: он поддержал в. к. Николая Николаевича, отказавшись от первоначальной непредрешенческой позиции. На ноябрьском совещании монархистов в Париже (1922 г.) было принято решение «стремиться к возглавлению монархического движения в. к. Николаем Николаевичем, а вопрос о “блюстительстве престола” предоставить решению императорского дома»[6]. Такое решение вызвало протест кирилловских организаций и они были исключены ВМС из монархического объединения. Так монархисты разделились на сторонников в. к. Николая Николаевича (николаевцев) и в. к. Кирилла Владимировича (крилловцев). К 1923 г. из 128 монархических организаций 108 поддерживали Н.Н. Романова[7]. Его преимущество можно объяснить тем, что он являлся бывшим главнокомандующим царской армии в первой мировой войне, его знали воинские чины, союзники. К тому же он не скомпромети-

---

[5] *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2. – Париж, 1927. С. 27.

[6] Там же. С. 248.

[7] Там же.

ровал себя участием в гражданской войне, да и по возрасту был старейшим членом Императорской фамилии. Но неоднократные просьбы к Н.Н. Романову возглавить монархическое движение им отклонялись.

Лишь в мае 1924 г. в. к. Николай Николаевич «вследствие настойчивых просьб русских, проживающих вне России, и ознакомленный со взглядами русских, оставшихся на Родине, убедился в том, что они желают видеть» его «во главе освободительного движения» и решился «исполнить свой долг перед отечеством до конца»[8].

В свою очередь, в. к. Кирилл Владимирович 31 августа 1924 г. издал манифест о восшествии на престол и объявил своего сына Владимира наследником. Программа кирилловцев отрицала интервенцию, делала ставку на внутренние силы в России, для привлечения которых объявлялась невозможной «механическая реставрация» дофевральских порядков, провозглашала сохранение системы Советов, которая могла быть увенчана царем.

Сторонники в. к. Николая Николаевича стали готовить объединительный съезд. Специально на средства нефтепромышленника А.О. Гукасова была создана газета «Возрождение», редактором которой стал П.Б. Струве. Но часть влиятельных эмигрантских группировок отказалась участвовать в явно монархическом съезде. Тем не менее, съезд состоялся 4 апреля 1926 г. и собрал 500 делегатов из 26 стран. Он заявил о себе как Зарубежный съезд, претендуя на объединение всех эмигрантских политических группировок. Перед заседанием митрополит Евлогий отслужил молебен. Председательствовал на съезде П.Б. Струве.

Единства решений на съезде достигнуто не было и широкого политического объединения не сложилось. После Зарубежного съезда правый фланг эмиграции раскололся настолько, что часть его приняла в свои программы «левые» элементы (младороссы, национал-максималисты), а часть увлеклась фашизмом. Газета А.Ф. Керенского «Дни» 16 октября 1923 г. писала, что фашизм стал модной этикеткой для искателей русского престола.

После смерти в. к. Николая Николаевича 5 января 1929 г. разногласия усугубились, все большую популярность получал

---

[8] Россия. Русский эмигрантский альманах. Шанхай. 1926. С. 65.

в. к. Кирилл Владимирович. А с его смертью в октябре 1938 г. ушла в прошлое значительная часть внутримонархических склок.

Монархические настроения были поддержаны в эмиграции правыми кадетами. Их уклон вправо разрушал русский либерализм. *Кадетская партия* в России была поставлена вне закона еще в ноябре 1917 г. и многие ее активно действующие члены перебрались за границу. Уже в апреле 1920 г. в Париже состоялось совещание представителей кадетской партии под председательством приехавшего из Лондона П.Н. Милюкова. Оно и дало толчок созданию и деятельности кадетских комитетов в Берлине, Софии, Белграде, Константинополе, Праге. В Харбине сложилось объединение бывших кадетов, но оказалось мало активным и как-то незаметно сошло на нет. Руководящую роль в жизни партии первоначально играла парижская группа кадетов.

Берлинскую группу, во главе которой стояли В.Д. Набоков, И.В. Гессен, А.И. Каминка, отличало положительное отношение к белой идее, союз с монархистами, непредрешенческая позиция в вопросе о форме правления в постсоветской России, они поддерживали идею о возможной интервенции, т. к. не верили, что народ можно поднять против большевиков. После гибели Набокова в марте 1922 г. активность берлинской группы стала падать.

Более левые силы представлял Милюков. Он сформулировал основы новой тактики, которая заключалась в следующем: отказ от вооруженной борьбы с большевиками и переход к политической, решительное отмежевание от реставраторских и монархических тенденций и групп, ставка на внутрироссийские общественные силы. Новая тактика пересматривала и программные моменты: по аграрному вопросу предусматривалось закрепление земли за крестьянами, принимались принципы республики, федерации. Провозглашалось установление «правового демократического строя, покоящегося на основах частной собственности»[9].

На парижском совещании кадетов в мае–июне 1921 г. произошел раскол по тактическим вопросам, большинство присутствующих критически отнеслось к новой тактике. Это повлекло за собой и раскол парижской группы. Меньшинство, стоявшее за но-

[9] *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Т. 2. С. 243.

вую тактику, отделилось и начало самостоятельное существование, приняв название «демократической» (а позднее «республиканско-демократической») группы партии народной свободы. Сторонники новой тактики считали целесообразным идти на сотрудничество с другими политическими силами из демократического лагеря и, прежде всего, с эсерами. Милюков разъяснял: «Нас объединило с эсерами признание необходимости продолжения борьбы с большевиками и отрицание прежних методов борьбы»[10].

В газете «Руль» 10 сентября 1921 г. появилось заявление видных кадетских деятелей И.И. Петрункевича, Ф.И. Родичева, Н.И. Астрова и гр. С. В. Паниной, выступивших против новой тактики. Их поддержали софийская, константинопольская и большинство белградской группы кадетов. Они опасались, что коалиция усилит эсеров, а кадеты потеряют свое лицо. По словам С.П. Мельгунова, «новая тактика согласия с социалистами привела к полному развалу старой партии народной свободы»[11].

К 1924 г. коалиция социалистической и республиканской демократии сложилась и получила организационное оформление. «Сговором лиц – от левых кадетов до правых социалистов» – стало Республиканско-демократическое объединение (РДО), председателем которого явился Ю.М. Арнольди. Его организационная структура не была четко оформлена. Считалось, что такая аморфность способствует объединению различных политических группировок эмиграции в новой обстановке, а республиканская демократия есть та золотая середина между монархией и коммунизмом, «куда все равно приведет история»[12]. Набрав силу в первые годы своего существования, РДО к середине 1930-х гг. потеряло авторитет.

Рубежом в политической деятельности кадетов явилась Вторая мировая война. Милюков, переехав в Экс-ле-Бен в Савойских горах, стал выпускать антифашистскую газету. 22 июня 1941 г. с ее

---

[10] Цит. по: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. – М., 1987. С. 23.

[11] *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности. 1917–1925 гг.). – Париж, 1929. С. 250.

[12] Тактические тезисы // Бюллетень Республиканско-демократического объединения. 1926. Октябрь. С. 3.

страниц он обратился к эмиграции с призывом бороться с агрессором всеми доступными средствами, а в 1943 г. опубликовал статью «Правда большевизма», в которой признал, что за разрушительной стороной русской революции нельзя не видеть ее творческих достижений. Статья оказала большое влияние на эмиграцию и способствовала вовлечению русских эмигрантов в движение Сопротивления.

В эмиграции находилась небольшая группа членов *Трудовой народно-социалистической партии* (энесов). 26 мая 1920 г. по инициативе проживающих в Париже членов ЦК состоялось совещание, обсудившее вопрос об объединении осколков партии и согласовании их деятельности. Был образован Заграничный комитет во главе с Н.В. Чайковским, избрано Исполнительное бюро. Активно себя проявила и группа энесов в Праге. Однако «мнения членов этой группы, объединяющей представителей русской интеллигенции и больше похожей на политический клуб, чем на политическую партию, далеко разошлись в противоположные стороны»[13]. Левые позиции занимал А.В. Пешехонов, признавший советскую власть и призывавший эмиграцию вернуться на родину. Правое крыло представлял Мельгунов, который считал, что большевики могут быть свергнуты только вооруженным путем. В 1930-е гг. активность энесов сошла на нет.

За границей в течение 1919 г. формировались группы *партии социалистов-революционеров (ПСР)*, т. к. ВЧК развернула настоящую охоту на ее руководящих деятелей. Уже в марте–апреле 1918 г. в Стокгольме Н.С. Русанов, В.В. Сухомлин, Д.О. Гавронский образовали Заграничную делегацию (ЗД) ПСР, которая информировала западноевропейскую общественность о происходивших в России событиях, о позиции эсеров, а также представляла партию в международном социалистическом движении. С ноября 1918 г. ЗД обосновалась в Париже, с конца 1923 г. – в Праге. Приоритетные позиции заняли «парижане», представители правого крыла партии, не отвергавшие коалиции с буржуазными группировками и мирившиеся с иностранной интервенцией. По существу они находились в оппозиции по отношению к руково-

[13] *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Т. 2. С. 266.

дящим партийным органам в России, и в своих действиях дистанцировались от них. Здесь же, в Париже, в 1920 г. поселился Керенский, сплотив вокруг себя центристские силы. В конце августа 1920 г. по настоянию ЦК ПСР покинул пределы родины В.М. Чернов. Он прибыл за границу как полномочный представитель ЦК ПСР, занимавшего левые позиции, и руководство ЗД перешло в его руки[14].

Десятый Совет ПСР, состоявшийся в августе 1921 г. в Самаре, вынес постановление об образовании за границей партийных групп с обязательным участием в них всех находившихся за рубежом членов партии и подчинением их общему руководству партийных центров[15], и принял специальную резолюцию «О партийном печатном органе», чем официально оформил статус журнала «Революционная Россия», который начал издавать В.М. Чернов в Эстонии, как центрального органа партии.

К концу 1923 г. были образованы 12 партийных групп (пражская, парижская, берлинская – наиболее крупные, а также виленская, ревельская, двинская, варшавская, белградская, лондонская, нью-йоркская и др.), в которых состояли 147 человек[16]. Сторонники правого крыла, группировались вокруг журнала «Современные записки» (редакторы В.В. Руднев, И.И. Фондаминский-Бунаков, А.И. Гуковский, Н.Д. Авксентьев и М.В. Вишняк), к ним примыкали правоцентристы (О.С. Минор, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, издававший газету «Дни»). В Праге обосновались приверженцы левых взглядов, центристы, левоцентристы. Здесь издавались газета, затем журнал «Воля России» (редакторы

---

[14] 19 октября 1921 г. состоялось частное совещание эсеров, принявшее решение о том, что новый состав Заграничной делегации формируется только из членов ЦК ПСР, находящихся за границей. 5 января 1922 г. Центральное бюро (ЦБ) в России утвердило предложенные совещанием кандидатуры В.М. Зензинова, И.А. Рубановича, Н.С. Русанова, В.В. Сухомлина и В.М. Чернова в качестве членов ЗД // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. – М., 2000. С. 799. Таким образом, был окончательно сформирован персональный состав ЗД в качестве коллегиального высшего полномочного органа партии, представлявшего ее перед международным рабочим классом и руководившего заграничной партийной организацией.

[15] *Сталинский Е.* Политические иллюзии. (О г. Милюкове, «правых» эсерах и политических соглашениях) // Воля России. 1923. № 20. С. 54.

[16] *Чубыкин И.В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1996. С. 16.

В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский. В.В. Сухомлин), в 1924–1929 гг. – «Революционная Россия»[17].

Ввиду острых противоречий между правыми, левыми эсерами и центром, существовавшими со времен образования партии, организационное оформление партийной эмиграции было весьма продолжительным. Во время Гражданской войны в России углубился конфликт между действовавшей в стране частью ПСР и большинством ее заграничной эмиграции. Нарастали противоречия и внутри эсеровской колонии за рубежом. Как писал Ем. Ярославский, эсеры разбились в эмиграции на «семь-восемь групп, говоривших будто бы на разных языках»[18]. Разногласия в эсеровском зарубежье разгорелись с новой силой после окончательной ликвидации белого движения и интервенции. Тем не менее, вся полнота партийного представительства постепенно перешла к эмиграции, т. к. летом 1922 г. большевики организовали судебный процесс над 34 членами ПСР, который практически привел к упадку внутрироссийских организаций партии. В декабре 1922 г. на эсеровской конференции в Берлине была сделана попытка скоординировать деятельность заграничных групп, в частности по вопросам о текущем политическом моменте, землеустройстве и др. К единому мнению по вопросу о будущей тактике партии, ее программе ликвидации «большевистского наследства» в случае падения большевиков так и не пришли.

Идейно-политическую платформу эсеровской эмиграции во многом определяли «парижане» – правые социалисты-революционеры. Они выступали за общий пересмотр всей партийной программы, за коалицию с несоциалистической демократией, за «внепартийные методы» политической деятельности, за возврат к «здоровому капитализму». Их поведение в значительной степени диктовалось стремлением проводить собственную политическую линию, нежеланием быть подконтрольными в своей зарубежной политической деятельности представителям ЦК. Они были уверены в большей действенности «внепартийной» нежели «узкопартийной» работы, с одной стороны, и в скором крушении

[17] До Праги журнал «Революционная Россия» с 25 декабря 1920 г. выпускался в Ревеле, в 1922–1923 гг. – в Берлине.

[18] *Ярославский Ем.* Третья сила. – М., 1922. С. 115.

большевиков, с другой, что обусловило отрицание необходимости создания прочной партийной организации за границей.

В свою очередь, ЗД ПСР, состоявшая из левоориентированных эсеров, считала для себя невозможным вступать в какие-либо контакты с правыми и центристами, обосновавшимися в Париже. В то время как личные амбиции последних позволяли им считать себя более заслуженными и авторитетными деятелями ПСР. Заграничная делегация ПСР главную задачу видела лишь в информировании Европы о России и о позиции ПСР, и «никакой дисциплинарной власти и организационно-руководящей роли по отношению к членам партии, наход [ившимся] за границей, особо не присвоила»[19]. Поэтому правые обвиняли ЗД в бездействии.

Временный компромисс между различными группировками эсеров был достигнут на Первом съезде заграничных групп ПСР (Прага, 16–24 ноября 1923 г.), результатом чего стало создание Заграничной областной организации во главе с Заграничным Областным комитетом (ЗОК), избранным на паритетной основе. Всякие сепаратные выступления отдельных групп или их членов от имени партии или ее местных учреждений и организаций, равно как и соглашения с инопартийными группировками, прекращались. В компетенции Заграничной делегации оставались «внешние функции»: 1. общее представительство партии, как целого, за границей; 2. сношение с инонациональными партиями и Социалистическим Интернационалом; 3. передача за границу всех директив центральных учреждений и исполнение специальных поручений центров партии. Съезд определил компетенцию ЗОК: «а) непосредственное руководство всей партийной работой за границей среди русской эмиграции, беженства, учащейся молодежи, военнопленных и тех масс русского населения, которые исходом мировой войны включены в пределы других государств, б) всемерное содействие русской работе» и др.[20]. Но достигнутое на пражском съезде формальное единство не было прочным. Активная политическая деятельность 1920–1921 гг. с середины 1920-х гг.

[19] Цит. по: *Гусев К.В.* В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. – М., 1999. С. 159.

[20] Материалы и документы. Из резолюций съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров // Воля России. 1923. № 20. С. 73–75.

сменилась ожесточенными внутрипартийными дискуссиями о перспективах развития российской политической системы и задачах партии в этой связи. Ситуацию усугубила потеря связи с партийным подпольем в СССР. С 1925 г. организованная деятельность ПСР в России окончательно прекратилась, и она превратилась в партию эмигрантскую.

В июне 1926 г. в Заграничной делегации произошел раскол, и вскоре ее деятельность прекратилась. На Втором заграничном съезде эсеров (29 апреля – 6 мая 1928 г.) 22 делегата представляли 119 членов местных групп. Итоги работы Второго съезда ПСР продемонстрировали фактическое отсутствие за границей единой партийной организации и свидетельствовали об исчезновении эсеровской эмиграции как организованной политической силы.

Группа «Революционной России» Чернова к этому времени из Заграничной организации вышла и основала «Заграничный союз партии социалистов-революционеров»[21]. Но он не получил поддержки эсеровской эмиграции в целом (группа насчитывала не более 13 человек), и его влияние было невелико. Чернов в 1929–1930 гг. вел активную работу в США и Канаде, предлагал мексиканскому правительству план колонизации Мексики русскими земледельцами. В 1940 г. Чернов окончательно перебрался в Нью-Йорк.

Многие эсеры переключились на гуманитарные программы, хотя активно реагировали на коллективизацию и индустриализацию. Критику коммунистической диктатуры и сталинского режима в России заглушила угроза войны. В январе 1936 г. была создана организационная комиссия «Российское эмигрантское оборонческое движение», которое стало издавать с мая газету «Оборонческое движение». «Оборонцы» отстаивали защиту России от иностранных врагов, независимо от политического режима в стране. 8 января 1936 г. эсеры Слоним, Сталинский, Сухомлин, Лебедев, Махин подписали заявление «Россия под угрозой войны и эмиграция» о значительном росте японской угрозы, появлении немецкой. Высказывалось убеждение, что в случае нападения на Россию «все члены ПСР будут всемерно способствовать защите

[21] См.: Меморандум меньшинства Заграничной делегации ПС-Р // Социалист-революционер. 1929. Октябрь. № 2. С. 13–14.

родной страны». 20 февраля заявление было разослано членам ПСР за границей, но натолкнулось на критику парижской группы. Затем последовал выпуск сборников «Проблемы» (1 – «Угроза войны», 1934; 2 – Защита страны», 1936; 3 – «Перед грозой», 1936), в которых поддерживалась идея укрепления армии, промышленного потенциала России, способствовавшего вооружению страны, одобрялась новая Конституция 1936 г. и т. п. ПСР осудила договор о ненападении СССР с Германией 23 августа 1939 г. Парижская группа 31 августа заклеймила предательство советского правительства, а 25 сентября осудила оккупацию восточной части Польши Советским Союзом.

Перед или в начале Второй мировой войны значительная часть эсеров переехала в США. Те, кто остался, принимал участие в нелегальном сопротивлении немецкой оккупации.

Остатки эсеровских деятелей сосредоточились в США. Притока свежих молодых сил в партию не было. 18 марта 1952 г. четырнадцать российских социалистов (эсеров, меньшевиков и др.) подписали обращение «На пути к единой социалистической партии». Однако развития оно не получило. 15 апреля 1952 г. умер Чернов, 20 октября 1953 г. – Зензинов. В 1976 г. умерли Слоним, Вишняк, сотрудничавший с «Социалистическим вестником». Последняя эсеровская эмигрантская группа в Нью-Йорке прекратила свое существование в середине 1960-х гг.

Постепенно с политической арены в России были вытеснены и *меньшевики,* перебравшиеся или высланные за границу. В 1922 г. произошла реорганизация руководящих учреждений ЦК меньшевистской партии. Вместо прежнего ЦК партию возглавил новый ЦК, составленный из Бюро ЦК в России и Заграничной делегации за рубежом. По мере усиления репрессий внутри страны последняя, находящаяся вне досягаемости ГПУ, постепенно приобретала (и к середине 1930-х гг. приобрела) первостепенное значение и именно ее голос стал голосом партии. Заграничную делегацию меньшевиков возглавили Ю.О. Мартов и Р.А. Абрамович (Р.А. Рейн), издававшие журнал «Социалистический вестник»[22]. С 1 февраля 1921 г. (№ 24) журнал стал именоваться центральным органом

[22] Социалистический вестник издавался сначала в Берлине (1921–1933), затем в Париже (1933–1940) и в Нью-Йорке (1940–1963).

социал-демократической партии меньшевиков. После смерти Мартова (Берлин, апрель 1923 г.) лидерство в левой меньшевистской зарубежной организации перешло к Ф.И. Дану и Абрамовичу. В начале 1933 г. Заграничная делегация перебралась в Париж.

Летом 1924 г. «Социалистический вестник» опубликовал платформу меньшевиков, сформулировав задачи РСДРП в период нэпа, а также ее тактику. Сердцевиной партийной платформы явился постулат, что советский режим субъективно проникнут социалистическими устремлениями, а это находится в противоречии с объективным характером революции, которая ввиду экономической отсталости России не может не быть революцией буржуазной. Предлагалась демократическая ликвидация большевистской диктатуры (эволюция, а не революция)[23].

Перемены в СССР требовали пересмотра платформы 1924 г. В 1931–1932 гг. в берлинском клубе им. Мартова проходили дискуссии о коллективизации и политике Сталина. Под воздействием успехов первой пятилетки, с одной стороны, и национал-социалистического переворота в Германии, с другой, усилились разногласия в среде меньшевиков. Дан настаивал на необходимости защиты революционной страны, т. е. СССР, перед лицом вооружающегося национал-социализма. Дан говорил о страшной цене, заплаченной русским народом за коллективизацию и индустриализацию, в результате которых преобладающим стало государственно-капиталистическое хозяйство на базе усовершенствованной техники. Потому ставилась задача: не разбазаривание государственной промышленности частным предпринимателям, а ликвидация режима террора, что сделало бы народные массы хозяином фабрик и заводов, не роспуск колхозов, а превращение их в свободные сельскохозяйственные коллективы[24]. Такая позиция отдалила Дана от части меньшевиков.

Некоторые представители РСДРП на рубеже 1930–1940-х гг. сблизились с ПСР, а после Второй мировой войны этот союз приобрел конкретные очертания. Призыв социал-демократов и эсеров 1952 г. к созданию единой партии демократического социа-

---

[23] Социалистический вестник. 1924. № 12–13 от 20 июня. С. 1–6.

[24] См.: *Дан Ф.* К проблемам социально-экономического развития СССР // Социалистический вестник. 1932. № 6.

лизма[25] на практике не воплотился, если не считать, что Чернов, Зензинов, Вишняк стали завсегдатаями меньшевистского клуба в Нью-Йорке.

За рубежом образовались и внепартийные меньшевистские группы. На правом фланге такая группа сложилась вокруг журнала «Заря» (Берлин, 1922–1925). В нее вошли бывшие члены плехановской группы «Единство», сотрудники газеты «День». Во главе ее стояли С. Иванович, С. Загорский, Л. Сибиряков и др. Неприязнь официальных меньшевистских органов к «заристам» вызывала их поддержка интервенции и белых генералов. К группе «Заря» близко стоял А.Н. Потресов, считавший, что глупо надеяться на перерождение большевизма, и призывал вести с ним активную борьбу.

В среде политической эмиграции было немало и *анархистов*. После ряда перемещений по Европе они сформировали к 1925 г. три основных центра, вступивших в полемику между собой. В динамике эта полемика представляла собой постепенное вытеснение радикальной идеологии более эволюционной.

Первые две эмигрантские группы располагались в Париже и возглавлялись одна – Н. Махно и П. Аршиновым, другая – В. Волиным. В Чикаго сложился круг общения анархистов, лидером которого был анархо-синдикалист Г. Максимов. Существовали и другие группы, влияние которых на анархический мир было значительно более скромным. Острая полемика между этими группами вспыхнула в 1926 г., после того, как Махно и Аршинов опубликовали свой проект «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов». Авторы проекта считали, что он может стать основой для объединения всех анархистов в единую организацию с жесткой дисциплиной. «Платформисты» предлагали модель послереволюционного устройства общества, которая не очень подходила к определению анархии и предусматривала даже армию. В одном модель была радикальна – она требовала немедленного перехода к безрыночному обществу коммунистического типа. Вместо того чтобы внимательно анализировать свои экономические просчеты во время попытки построения рыночного

[25] Социалистический вестник. 1952. № 3. С. 31–33.

социализма в махновском районе в 1919 г., Махно и Аршинов пришли к выводу о необходимости «перескочить» неприятную рыночную стадию. Они предлагали систему централизованного регулирования экономики[26], которая отличалась от коммунистических и социал-демократических построений тем, что регулирующие органы должны создаваться снизу вверх. Но степень централизации экономики в построениях «платформистов» все же была слишком велика, чтобы анархистский мир мог отнестись к ней спокойно. Их предложения были многими восприняты как покушение на основу анархизма – идею самостоятельности общественных субъектов.

Первый удар по этой теории был нанесен с позиций еще более радикальных. Волин выпустил от имени своей группы ответ на «Платформу», в котором обвинил ее составителей в большевизме. Но сам не выдвинул сколько-нибудь цельной конструктивной программы.

Свой вариант ответа на вопрос о программе анархизма дал сторонник переходного периода от социальной революции к анархии Максимов в работах «Конструктивный анархизм», «Мое социальное кредо», «Беседы с Бакуниным о революции». Он одержал фактическую победу в дискуссии вокруг «платформы». В качестве конкретной модели переходного периода предлагалась полузабытая в XX в. бакунинская система производственной демократии – федерация самоуправляющихся коллективов[27]. Эта концепция рыночного социализма без государства предлагала альтернативу государственно-монополистическому обществу XX в.

В 1929–1931 гг. Махно вышел из идейной борьбы, а Аршинов заявил о своем разрыве с анархизмом, после чего вернулся на родину.

Революции 1917 г. и их последствия углубили противоречия между различными политическими силами. Осколки политических партий на эмигрантской почве не пользовались популярностью. Демократов и социалистов обвиняли в том, что случилось с великой Россией, реставраторские силы становились все более

---

[26] *Махно Н.* Под ударами контрреволюции. – Париж, 1936. С. 147.
[27] *Максимов Г.* Беседы с Бакуниным о революции. – Чикаго, 1934. С. 37.

одиозными, часто их деятельность расценивали как политическую игру. Требовалась свежая идейная струя, новые подходы к объяснению исторического хода событий в России, ее роли в мире, причин развала империи и исхода в эмиграцию. Эмигрантская почва стимулировала выход на политическую арену идейных течений, учитывающих новые геополитические реалии, предлагающих выход из эмигрантского тупика.

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕЙНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

Для пореволюционных идейных течений стало характерным признание: 1. Октябрьской революции, ее результатов; 2. большой роли православия в истории России и в грядущем возрождении страны; 3. миссионерской роли России.

Мировая война, революции, противостояние белых и красных принесли страдание и разруху. Поэтому неудивительно, что в эмигрантской среде раздавались голоса о примирении красной и белой идей. Так, еще в 1919 г. в Берлине, в среде русских военных, интернированных Германией, сложился небольшой кружок единомышленников «Мир и Труд», объединивший представителей различных в прошлом политических течений, не принимавших участия в братоубийственной Гражданской войне. Возглавил группу В.Б. Станкевич, энес, профессор уголовного права, писатель, бывший до революции активным сотрудником журнала «Современник». Ее печатным органом стал журнал «Жизнь», выходивший с апреля по ноябрь 1920 г. и ставший одним из первых журналов русской эмиграции. По своей нравственной концепции журнал был реакцией интеллигенции, оказавшейся за рубежом, на пожар гражданской войны. Организация «Мир и Труд» ставила своей задачей «борьбу с морально-политическими и умственными последствиями войны и пропаганду терпимости в борьбе за классовые, национальные и государственные интересы» и считала, что скоро наступит творческий период русской революции[28].

[28] Жизнь: вестник мира и труда. – Берлин, 1920. № 1. С. 1.

Доминантой ее концепции стало «культурное примиренчество». Эта организация русских эмигрантов оказалась вскоре поглощенной более заметным общественно-политическим течением – сменовеховством.

Основателем идеологии *сменовеховства* стал Н.В. Устрялов, профессор, приват-доцент Московского университета, в 1918–1920 – один из руководителей Бюро печати при правительстве Колчака, обосновавшийся с 1920 по 1935 гг. в Харбине. Проповедь старой программы действий в существенно новых условиях Устрялов считал наихудшей формой измены своим принципам. Устряловские идеи, изложенные в книге «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920), нашли отклик и развитие в целом слое эмигрантской интеллигенции.

Программным для нового движения стал сборник «Смена вех». Он вышел в Праге в июле 1921 г. Вскоре его издание было распространено и в советской России для пропаганды среди буржуазной интеллигенции. Авторы сборника – либералы, кадеты Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, С.С. Чахотин, А.В. Бобрищев-Пушкин, Ю.Н. Потехин. Позже под тем же названием – «Смена вех» (29 ноября 1921–25 марта 1922 гг.) – в Париже стал издаваться еженедельный журнал. Затем его сменила газета «Накануне» (26 марта 1922–15 июня 1924 гг.), выходившая уже в Берлине. Она находилась под покровительством Н.Н. Крестинского, советского полпреда в Германии. Для создания прочной экономической базы газеты было организовано «Акционерное общество издательского дела “Накануне”». С деятельностью газеты современные исследователи связывают складывание левого крыла в сменовеховском движении. Сменовеховство не было организацией, но «направлением мысли», «умонастроением», выросшим в муках «приятия» или «неприятия» революции.

Сменовехизм стал для интеллигенции протестом, прежде всего, против собственных политических взглядов[29], а также против той

[29] Большинство авторов «Смены вех» были во время Гражданской войны связаны с белым движением: Устрялов сотрудничал в Бюро печати, Ключников был министром иностранных дел в правительстве адмирала Колчака, Бобрищев-Пушкин также был колчаковцем; Кирдецов занимал ключевые позиции в отделе агитации и печати правительства Юденича.

русской интеллигенции, которая продолжала отрицать значение Октябрьской революции и оставалась враждебной ей[30]. Это было «широкое движение русской интеллигенции от борьбы с революцией к примирению с ней»[31]. Таким образом, платформой для объединения сменовеховцев стало «принятие Великой Русской Революции»[32].

Признав прогрессивную роль революции, сменовеховцы шли дальше, утверждая, что советская общественно-политическая система в том виде, в котором она оформилась в России к началу 1920-х гг., имеет глубокие национальные корни и достаточно широкую национальную базу. Большевики вернули России ее былую государственную мощь, утраченную в 1917 г., и стали единственно прочной государственной властью в России. Советская власть, по мнению сменовеховцев, при всех ее дефектах, – «максимум власти, могущей быть в России, пережившей кризис революции» и гражданскую войну. Бобрищев-Пушкин писал, что другой власти в России быть не может, т. к. «никто ни с чем не справится, все перегрызутся»[33]. Сменовеховцы считали новую власть представительницей и защитницей национальных интересов России, которой удалось прекратить кровопролитие, анархию, восстановить российскую государственность. А новая экономическая политика, введенная большевиками, открыла широкий простор для творчества и созидания.

Поскольку революция и ее завоевания были организованы коммунистической партией, действия ее признавались в основном правильными, а диктатура пролетариата – неизбежной. Сменовеховцы отмечали, что диктатура – не случайный исторический каприз, а внутренняя историческая необходимость, и задача интеллигенции – ее смягчить. Демократия в России не прижилась. Но из диктатуры должно развиться подлинно трудовое государство.

Многолетний спор интеллигенции с государственной властью считался оконченным, т. к. «большевизм не только сумел вовремя

---

[30] Накануне. 1922. 14 мая.
[31] Накануне. 1922. 12 ноября.
[32] Накануне. 1922. 27 апреля.
[33] *Бобрищев-Пушкин А.* Новая вера // Смена вех. – Прага, 1921. С. 100.

учесть стремления масс – он пришел безоговорочно исполнить и заветы истории русской интеллигенции»[34].

Устрялов утверждал, что «в большевиках и через большевизм русская интеллигенция преодолевает свое историческое отщепенство от народа и психологическое отщепенство от государства»[35]. Провозглашалось добровольное политическое самоограничение беспартийных спецов и их активная деловая лояльность по отношению к советской государственности. Сменовеховство признавало отказ небольшевистской общественности от самостоятельной политической роли и согласие «активно и честно работать в деле восстановления России под знаком наличной власти»[36]. Устрялов писал, что Струве и Милюков должны вывариться в советском котле, чтобы не сгнить заживо, и пойти на выучку к комсомольцам, ибо они определяют ход мировой истории. Вместе с тем, он опасался, что европейская группа идет в примиренчестве дальше, чем следует: «Пусть большевики говорят “они с нами” – это не беда. Но, чтобы ни в коем случае не могли сказать “они наши”». Ключникова он обвинял в том, что тот стремился быть левее здравого смысла.

Закономерно, что идеи сменовеховцев вызвали самый широкий резонанс как в эмиграции, так и в России. За границей сборник «Смена вех» был быстро раскуплен. Его авторов приглашали участвовать в диспутах. Практически все газеты и журналы, как в России, так и за рубежом, отреагировали на появление сборника «Смена вех» (в эмиграции, как правило, негативно). Струве отмечал: «В известном морально-психологическом смысле “Смена вех” есть самое чудовищное явление в истории духовного развития России». Он называл сменовеховство «хамским» и «трусливым» приспособленчеством к революционной власти[37]. Газета Керенского «Дни» писала об авторах сборника как о «людях нанятой мысли»[38]. П.А. Сорокин в статье «Смена вех» как социальный симптом» анализировал причины появления нового движения,

---

[34] *Ключников Ю.* Смена вех // Смена вех. С. 15.
[35] Накануне. 1922. 26 марта.
[36] Накануне. 1922. 7 мая.
[37] *Струве П.* Прошлое, настоящее, будущее // Русская мысль. 1922. № 1–2. С. 227.
[38] Дни. – Париж, 1922.14 декабря.

его социальную базу. Он утверждал, что «Смена вех» – идеология 1) той части интеллигенции, которая носит название «госспецов», и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, синекур, концессий и т. п.». Ученый предрекал сборнику незначительную практическую роль в виду незначительности влияния группы «госспецов» и «госклиентов» и был убежден, что только «личный почин, личная инициатива, личная энергия» интеллигенции, производительная работа «по совести», а не согласно указке и капризам кого бы то ни было, – вот то, что нужно для возрождения России[39].

Советское правительство через печать, публичные выступления, личные контакты советских представителей за границей содействовало расширению сменовеховского движения. В решении XII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в августе 1922 г., говорилось: «Так называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть объективно прогрессивную роль. Оно сплачивало и сплачивает те группы эмиграции, которые “примирились” с советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны»[40]. Но уже ко второй половине 1920-х гг. сменовеховское движение «выродилось в чисто прикладное ремесло “наканунников”, возглавляющих доходное и небезынтересное предприятие»[41].

Иногда формой сменовеховства называют *евразийство*. Действительно, их сближало понимание большевистского режима как власти, способствовавшей сохранению Российского государства, критика механизмов европейской демократии, а также вывод о связи коммунистической идеологии с господствовавшим до революции умонастроением российской интеллигенции. Однако евразийство было намного глубже, охватывало все сферы гуманитарного знания, его идейный багаж актуален до сих пор.

Контуры евразийской концепции были заложены в книге князя Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», изданной в 1920 г. в

---

[39] Вестник литературы. 1921. № 12. С. 20–23; Философские науки. 1992. № 1. С. 4–7.

[40] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. – М., 1983. С. 393.

[41] Письмо Н.А. Ухтомского Н.В. Устрялову. 1923 г. // Русский Берлин, 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. – Париж, 1983. С. 45–46.

Софии. Евразийские принципы далее излагались в сборниках «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София,1921), «На путях. Утверждение евразийцев» (София, 1922), «Евразийский временник: Непериодическое издание» (Берлин, книги третья, четвертая, пятая, 1923,1925, 1927), «Евразийство (Опыт систематического изложения)» (Париж, 1926). С 1925 по 1937 г. вышло 12 выпусков «Евразийской хроники». Сборник «Тридцатые годы» (Париж, 1931) подвел итоги десятилетней деятельности евразийцев. В 1931 г. П.Н. Савицкий под псевдонимом Степан Лубенский выпустил «Евразийскую библиографию», содержавшую пространные аннотации всех важнейших изданий[42].

В ряду основоположников этого нового пореволюционного идейно-теоретического течения – филолог, культуролог Трубецкой, экономист и географ Савицкий, богослов и историк Г.В. Флоровский, историк Г.В. Вернадский, юрист, политолог Н.Н. Алексеев. Этих весьма разных по подходам и научным интересам людей объединяло некое общее настроение и мироощущение, умение делать обобщения на стыке разных наук. Посылая Р. Якобсону первую евразийскую книгу «Исход к Востоку», Трубецкой писал 28 июля 1921 г., что новое направление носится в воздухе: «Я чувствую его в стихах М. Волошина, А. Блока, С. Есенина и в “Путях России” Бунакова-Фондаминского, в то же время в разговорах правых и даже у одного заядлого кадета. Похоже, что в сознании интеллигенции происходит какой-то сдвиг, который, может быть, сметет все старые направления и создаст новые, на совершенно других основаниях». Молодые ученые обозначили свое течение «может быть, не очень удачным, но бьющим в глаза» термином «евразийство».

Секрет популярности евразийской концепции заключался, прежде всего, в том, что она способствовала преодолению острого духовного кризиса соотечественников за рубежом, объясняла причины революции, изгнания, указывала пути выхода из создавшегося положения. А.А. Кизеветтер метко заметил, что евразийство развивалось, или, по крайней мере, психологически оп-

[42] См.: Славяноведение. 1992. № 4. С. 88–104.

ределялось в прихожих тех помещений, в которых томились эмигранты, ожидая устройства своей судьбы[43]. Русская интеллигенция пережила разочарования в связи с поражением демократических чаяний в революции 1905 г., эйфорию Февральской революции, трагедию Первой мировой войны, ужасы Гражданской войны, горечь изгнания. По словам бар. А. Штейгера, евразийство «родилось в оскорбленном интеллигентском самолюбии, не выдержавшем двойного позора: крушения демократии… и позора крушения Белого Движения»[44].

1920–1922 гг. стали временем создания евразийской системы взглядов, обсуждавшихся в основном в узком кругу университетских профессоров и преподавателей в Софии. В 1923–1928 гг. произошло распространение и углубление евразийских основ. С осени 1926 г. в Париже открылся евразийский семинар. К евразийству стали примыкать русские офицеры, появилась необходимость создания евразийских организаций на местах. Евразийские группы образовались в Праге, Париже, Брюсселе, Белграде, Лондоне, городах Германии, Польши. Сами евразийцы наиболее важными ячейками признавали парижскую, пражскую, варшавскую.

Диспуты и доклады евразийцев собирали тысячи человек. Генерал фон Лампе в своем дневнике 20 марта 1925 г. сделал следующую запись: «Был на лекции евразийцев, с большим подъемом читал Савицкий… Оппонировали целых 10 человек, из которых только двое “за”, остальные “против”. А между тем такой полной аудитории я не видел в Берлине даже в период, когда здесь было много народу»[45]. Целый штат разъездных лекторов по всему свету устраивал различные мероприятия для пропаганды и разъяснения основных принципов евразийской теории. В эти годы к евразийцам шла молодежь, особенно на Балканах и в Чехословакии. Литературно-публицистическая и издательская деятельность их приобрела широкий размах. В 1923 г. для «обслуживания евразийского движения» было создано «Евразийское книгоиздательство».

---

[43] *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность. – М., 1960. С. 188.
[44] Младоросс. 1932. № 15. С. 7.
[45] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 115.

Происхождение понятия «евразийство» Савицкий объяснял географическим фактором. В массиве земель Старого Света евразийцы различали срединный материк – «Евразию», на пространстве которой разворачивается вся история России. Деление на «Запад – Европу» и «Восток – Азию» евразийцы считали нецелесообразным. Более естественным, по их мнению, является деление на Европу, Азию и Евразию. «Европа» в евразийском понимании – это океаническая, со сложным рельефом Западная Европа. «Азия» – это Юг и Восток Азии. «Евразия – это континентальная равнинная часть Европы и Азии, объединяющая три равнины: восточно-европейскую, “беломорско-кавказскую”, западно-сибирскую и туркестанскую. Эта объединенная равнина со всех сторон окружена горами. Россия-Евразия есть обособленное целостное “месторазвитие”». Этим ключевым в евразийской теории понятием Савицкий обозначил социально-политическую среду, рассматриваемую неотрывно от ее территории. Они взаимно влияют друг на друга и сливаются в единое целое. Месторазвитие является понятием многоуровневым, всеобъемлющим. Это – «месторождение полезных ископаемых; местоформование почв; местопроизрастание растительных сообществ; местообитание животных сообществ; месторазвитие человеческих сообществ»[46]. Отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры. Культурные традиции оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся «культурно-устойчивыми», приобретают особый «культурно-исторический тип». Вместе с тем евразийцы признавали и внеместные начала, относящиеся к духовной сфере, подтверждая множественность форм человеческой истории и жизни.

Основной географической составляющей Евразии Трубецкой признавал «систему степи», окаймленную с севера полосой лесов, за которой идет полоса тундр. С юга она граничит с горными хребтами. Эти четыре параллельные полосы, тянущиеся с запада на восток – тундровая, лесная, степная, горная – в меридиальном направлении пересекаются системами больших рек. Поскольку речных систем много, а степная одна, то господство над степью

[46] Мир России – Евразия. Антология. – М., 1995. С. 222.

обеспечит господство во всей Евразии. Впервые, по словам Трубецкого, евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана, который выполнил великую задачу, поставленную самой природой. Таким образом, монголы положили начало политическому единству Евразии. Прошлое России-Евразии интерпретировалось как история борьбы между «лесом» и «степью» (оседлыми славянами лесной зоны и урало-алтайскими степными кочевниками). Лес и степь – не только ландшафты, это два образа жизни, два типа мировосприятия, две системы духовных ценностей. Ценой татарского ига была сохранена верность исконному Православию. Преемницей монголов стало Московское государство, которое приняло на себя их культурно-политическое наследие. Москва собрала русские земли и явилась новой силой, объединившей евразийский мир. Империя продолжила дело Москвы и почти закончила государственное объединение евразийского материка. Но ориентация правящего слоя (правительства и интеллигенции) на Запад вместо создания собственной организующей русской идеи, привело к тому, что этот слой потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Россия-Евразия представлялась правящему слою как культурно отставшая часть Европы. На этой почве, считали евразийцы, выросла пропасть между ним и народными массами, остающимися приверженными национальной идее, национальным традициям. Включаясь в европейскую жизнь и политику, Россия поставила себя на грань полного разрушения. Поэтому большевистская революция представлялась евразийцам как факт, означающий «выпадение» России из рамок европейского опыта и вместе с тем, как начало новой русской культуры. Революция была поддержана ими «как катаклизм, который повалил и вдребезги разбил весь предшествующий культурный уклад русской жизни, построенный на подражании европейским образцам»[47].

В евразийской теории Россия-Евразия предстает как особая самостоятельная цивилизация, отличная от Европы и Азии. Поэтому культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов

---

[47] Мир России – Евразия. С. 316.

той и других. Она – специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская или азиатские.

Важнейшей религиозной основой культуры Евразии провозглашалось православие. История России рассматривалась как история рождения, становления и развития Православной Русской Церкви. РПЦ – это симфонически-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая форма этого бытия, ибо культуру создает и определяет религия. Культурное единство сказывается на единство этнологическое, а этнологический тип выбирает (находит) «свою» территорию и по-своему ее преобразует.

Этнологическим типом Евразии являются евразийцы. Первенствующее значение принадлежит русскому народу. Сопоставляя этнологически населяющие территорию России народности, строился некий ряд, в центре которого оказывались великороссы. Этот особый этнический ряд (тип), по евразийству, на периферии сближался с азиатским и европейским (прежде всего славянским), где этнические отличия выступают более резко, чем в ряду евразийских народностей. Этническое единство русской территории подчеркивают формы быта, основные тенденции народного искусства, психический уклад и т. д. Чтобы осознать себя русскими, подчеркивали идеологи евразийства, необходимо осознать себя евразийцами.

Из национальных культур составляется «радужная сеть», единая и гармоничная. Евразийцы основывались на мультилинейной схеме исторического процесса. Отвергая идею однонаправленности развития, Трубецкой пересматривал традиционный взгляд на прогресс, как поступательное движение вперед. Прогресс, в его понимании, – реализация разнообразия возможностей, заложенных в различных культурах. Трубецкой ввел принцип качественной несоизмеримости культур, исключающий практически возможность оценки той или иной культуры. Поэтому концепция однонаправленности развития, в соответствии с которой Европа стоит впереди остальных культур как наиболее передовая, – это яркое проявление романо-германского эгоизма.

Трубецкой писал, что «европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этно-

графической особи, романогерманцев, для которой она и является обязательной»[48]. Европейская цивилизация, стремящаяся во всем мире нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия и утвердить единообразные формы быта, общественного государственного устройства и одинаковые понятия, России ничего хорошего не дала. Именно в эпоху европеизации она стала страной милитаристской и крепостнической. Плодом романо-германского ига явился и большевизм, так же как когда-то московская государственность стала плодом татарского ига. Сопоставляя итоги того и другого влияния на Россию, евразийцы делали вывод, что татарская школа была не так плоха и имела благоприятное влияние на судьбы русского народа. Европейская же культура оценивалась как упадочная, разлагающая и ведущая человечество в тупик.

Образцом антизападнических настроений стали также теоретические воззрения евразийцев на государство[49]. Евразийцы находили, что демократический строй в 1920-е гг. явно приобретает признаки обветшания и разложения. В народных массах его престиж подорван. Но вместе с тем демократия подготовила почву для нового типа отбора правящего слоя, а, следовательно, для создания нового типа государства с совершенно новым политическим, социально-экономическим и культурным укладом. Новый тип отбора евразийцы обозначили как идеократический строй, строй, в котором присутствует «путеводная *идея* государства, как целого, его основное призвание, его цель», где стабилизировалось общественное мнение и отпала необходимость в многопартийности[50]. Отбор правящего слоя в идеократическом государстве

---

[48] Мир России – Евразия. С. 44.

[49] См.: *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его геополитические возможности). – Париж, 1927; *Он же.* Теория государства. Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. – Париж, 1931; *Он же.* Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8; *Он же.* Советский федерализм // Евразийский временник. – Берлин, 1927. Кн. V; *Он же.* Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Вып. IX. – Париж, 1927 и др.; *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VШ. – Париж, 1927; *Он же.* Общеевразийский национализм // Там же. Вып. IX. – Париж, 1927; *Он же.* Идеократия и армия // Там же. Вып. X. – Париж, 1928; *Он же.* Об идее-правительнице идеократического государства // Там же. Вып. XI. – Париж, 1935.

[50] *Алексеев Н.Н.* Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Вып. IX. – Париж, 1927. С. 38; См. также: *Алексеев Н.Н.* Теория государства. С. 168.

должен производиться, полагали евразийцы, на основе общности миросозерцания.

Евразийцы выделяли следующие основные черты идеократического строя: 1) государственный максимализм (активное и руководящее участие государства в хозяйственной жизни, в развитии культуры), который требует широкого применения выборных начал и участия общественных организаций в государственном строительстве; 2) усиленное огосударствление общественных организаций. Сообразно с этим изменялось само понятие партии, которая становится сочетанием государственно-идеологической организации с корпорацией правящего слоя. Фактическим главой государства в таких условиях является лидер «единой единственной партии». Причем сама власть и лидерство основаны не на выборах и не на наследстве, а на фактическом престиже данного лидера в партийных кругах.

Евразийцы признавали, что в СССР сложился идеократический строй, но это – лжеидеократия, и потому предсказывали распад государства. Трубецкой отмечал, что основным фактором, спаивавшим Российскую империю в одно целое, являлась «принадлежность всей территории этого государства единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем»[51] (равно как в Британской империи все народы объединялись «гегемонией правящей расы»[52]). Но после образования СССР, когда русский народ утратил роль хозяина и оказался одним из равноправных народов, в качестве объединяющего неизбежно должен был выступить иной фактор. В новых условиях русский национализм явился бы дестабилизирующей силой, нарушающей равновесие составных частей государства. Этим новым фактором стала общность социального идеала, осуществление социальной справедливости. Но поскольку общности социального идеала недостаточно для объединения разных народов в одном государстве (его можно осуществить и на национальной основе), то националистически-сепаратистским стремлениям отдельных частей СССР была противопоставлена «классовая ненависть и сознание соли-

---

[51] *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. С. 419.

[52] *Алексеев Н.Н.* Теория государства. С. 32.

дарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности». Таким образом, центр тяжести переносился из сферы национальной в сферу социальную. Единым хозяином всей государственной территории признавался пролетариат (а не русская нация). Идея диктатуры пролетариата, как объединяющая, с точки зрения евразийцев, могла являться лишь временной, преходящей. По мере стабилизации государства, развития образования, создания собственной «туземной» интеллигенции должен был расти национализм отдельных народов, а классовые перегородки и противоречия блекнуть. С развитием этих процессов идея диктатуры пролетариата окажется бессильной перед «живучими и постоянными националистическими инстинктами». Единым национальным субстратом евразийцы считали многонародную нацию – евразийство, проживающую на единой территории – Евразии и обладающую своим национализмом – евразийством.

Евразийцы ставили задачу вытеснить чужеродную коммунистическую идеологию, заменив ее идеологией евразийской: «Побороть коммунизм может только новая живая идеология, возникшая не из угасшенного, но из полного энергии творческого духа. Такую идеологию и дают евразийцы»[53]. Коммунизм оценивался не только как ложная, но и вредоносная вера, ибо свои еретические идеалы он утверждает путем самого жестокого принуждения.

Водворение идеократического строя во всем мире потребует перекройки карты земного шара. Трубецкой предрекал, что Европа к подлинной идеократии может придти только после кровавых и глубоких потрясений. К концу 1930-х гг. действительно началась перекройка всей мировой системы.

В борьбе за влияние на российскую эмигрантскую молодежь евразийство конкурировало с более напористой, но менее притязательной идеологией, носителями которой были *младороссы*.

Политические искания, попытки оригинального идейного и программно-политического творчества были особенно актуальны для подросшего молодого эмигрантского поколения. В 1917 г., в самый разгар революции, у многих, тогда еще подростков,

---

[53] Евразийство и коммунизм. – Б.-м., б. г. С. 20.

появилось тревожное ощущение, что Россия, лишившись монархической государственности, сходит с национального исторического пути и потому обречена на кровавые испытания. Так возник «Российский союз монархической молодежи». В 1923 г. представители молодых русских монархистов съехались из разных стран эмигрантского рассеяния в Мюнхен. В итоге этого съезда был образован союз «Молодая Россия» во главе с А.Л. Казем-Беком. По воспоминаниям писателя Р. Гуля, Казем-Бек был человеком среднего роста, хорошего сложения, приятного облика, в лице что-то отдаленно-восточное (сам он казанский), хорошо воспитан, явно неглупый[54].

Союз быстро развил свою деятельность. В 1925 г. он был переименован в «Союз младороссов», т. е. союз последователей молодой новой России. Девизом стал призыв: «К молодой России!» Младороссы являлись сторонниками монархии, которую считали необходимым условием благоденствия России. Отмечая, что молодое поколение воспитывалось на идеях отечественной реакции и западного консерватизма эсер Е. Сталинский в статье «Эмиграция и политика» писал: «Увы, от всех этих “молодых” попыток сильно отдает духом старческой дряблости и на унылом фоне эмиграции они изображают скорее явления своеобразного гротеска»[55].

Монархические убеждения младороссов тесно связаны с их взглядами на историю нации. Жизнь нации рассматривали как единый, органический процесс, нормальное и плодотворное развитие которого обуславливается исторической преемственностью. Историческую преемственность они видели прежде всего в преемственности верховной власти. Та верховная власть, которая создавалась веками русской истории не случайна, утверждали младороссы. Она создана для служения национальной идее. Под русской монархией они понимали прежде всего ту власть, которая была бы способна вернуть и сохранить историческое направление национальной жизни, стала бы живым органическим звеном,

---

[54] *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. – Нью-Йорк, 1984. С. 13.

[55] *Сталинский Е.* Эмиграция и политика // Воля России. – Прага, 1931. № 5–6. С. 475.

связующим прошлое и будущее в один органический процесс. Такой властью, с точки зрения младороссов, могла бы стать только наследственная монархия.

Казем-Бек писал, что не меньшее значение для пореволюционной действительности имеет и другое свойство русской монархии: способность вызывать центростремительные тенденции. Кроме того, только монархии присущи надсословность и надпартийность, которые нужны для активного и плодотворного посредничества между различными социальными слоями. Ту же роль монархия будет играть и при решении национальных проблем, т. е. в деле объединения отдельных народов. Младороссы утверждали, что монархия, как верховная власть, уживается со всеми видами правительственной власти: с диктатурой, демократией, аристократией. Монархии свойственно творчество, поэтому после революции она должна явиться наиболее передовой властью, преодолевшей реставрационные тенденции. Путь назад – это путь к смуте, которую Россия уже пережила. Путь вперед – это строительство новой государственности, нового быта. Таким образом, по мнению младороссов, пореволюционному российскому монархизму необходимо выбирать между кладбищем и колыбелью. Следовательно, важно учесть новые условия, созданные революцией, и не отвергать советскую систему народного представительства, обеспечив свободное избрание в советы представителей всех слоев населения. В заявлении союза младороссов от 29 ноября 1929 г. выдвигалось требование свободных советов. Поскольку республика способна в лучшем случае удовлетворить лишь самые элементарные запросы нации, ее предельное развитие возможно только через монархию. Республика в России, считали младороссы, выродилась в классовую диктатуру. В российских условиях «всякая республика окажется беременной своими Железняковыми». Таким образом, будущее России может быть обеспечено лишь при выполнении требования единой центральной верховной власти, олицетворяемой в личности монарха, при самом широком развитии общественного самоуправления народа. Эмигрантская пресса ехидно замечала, что программа младороссов является смесью идей русского монархизма, иностранного

фашизма, приправленная «для вкуса» псевдобольшевистским перцем.

Союз младороссов был хорошо оформлен организационно. Очаги, ячейки, спортивные отделы, строгая партийная иерархия, наличие «главы», значков, знамен, особых приветствий, рубашек – все это увлекало молодежь. Когда Казем-Бек выступал с публичными докладами, десятка два младороссов выстраивались на эстраде шеренгой и при его появлении, подняв правую руку римским приветствием скандировали: «Глава! Глава! Глава!». В начале 1930-х гг. младоросское движение было очень популярно в эмигрантской молодежной среде. С началом Второй мировой войны члены организации заняли патриотическую позицию. Многие сложили головы в борьбе с фашизмом.

Среди огромного философского, социологического и исторического наследия, оставленного эмиграцией, видное место занимает журнал «Новый град». Создателями и редакторами «Нового града» были христианский богослов и публицист Г.П. Федотов, философ Ф.А. Степун, эсер И.И. Бунаков-Фондаминский. Журнал выходил в Париже с 1931 по 1939 г. (всего 14 номеров). В пестрой мозаике журнальных изданий он выделялся глубиной анализа, попыткой преодолеть эмигрантский антибольшевистский активизм, начертать будущий облик пореволюционной России. Эмиграция в целом приняла журнал недоброжелательно. Тем не менее «Новый град» привлек крупные интеллектуальные силы. Делая установку на поиск социальной правды в христианском идеале, журнал оставался открытым для всех нехристиан. На страницах журнала печатались Н. Лосский, С. Булгаков, монахиня М. Скобцева, проф. П. Бицилли, Е. Кускова и др.

Новоградцы исходили из положения, что старый мир сгнил: он раздираем внутренними противоречиями, жить в нем становится невозможно, он в своем настоящем виде обречен на гибель. Из тупика его может вывести лишь духовное обновление. Нужно строить новый мир – Новый град. Строить его надо на старой тысячелетней культуре, но новыми людьми с пореволюционным мировоззрением, по новому плану, считаясь со всеми завоеваниями революции. Главный вопрос для строительства Нового града – вопрос о новом человеке. В основе строительства должно быть

христианство. Мир зашел в тупик, главным образом, из-за отсутствия общего языка, который может быть найден только людьми религиозного духа. Основой для Нового града должна стать свобода личности, свобода духа. Учение новоградцев являлось глубоко патриотичным в своей основе. Журнал «Новый град» был наполнен статьями о России. Задача эмиграции – взращивание в русской душе и русском сознании образа будущей России. Восстановление капиталистического строя на родине новоградцы считали нецелесообразным. Они защищали целостность, великодержавность Российской империи, которая должна быть федеральна. Возвращение к прошлому после падения большевиков, радикальная ломка всех хозяйственных структур советской России стало бы, с точки зрения новоградцев, величайшим преступлением. Новую, в муках рожденную при большевиках трудовую жизнь, поравнение богатых и бедных, знатных и простых, духовно утонченных и малограмотных, до неузнаваемости повышенный ее бытовой и хозяйственный уровень нельзя просто отмести и сломать, его нужно и удержать. В основе хозяйственно-экономического возрождения новоградцы видели личный интерес. Государственная собственность на землю и кризис индивидуализма должны были стать основой перехода к социализму.

Осознание ценности политической демократии новоградцами происходило на фоне стремительной фашизации Италии и Германии, в условиях, когда большая часть российской эмиграции была больна активизмом. Они противостояли сталинскому авторитаризму и фашизму. Идеалом политического устройства новоградцы считали авторитарную демократию. Степун писал о необходимости сочетания свободно выбранных Советов и сильной представительной (президентской) власти. Именно на основе этого сочетания русская идея может быть осуществима. Базой для утверждения в России демократических норм могли стать советы, способные к реформированию.

Таким образом, многообразие партийных группировок, идейных течений свидетельствует об отсутствии единства в эмигрантской среде. Наблюдался рост антидемократических идей и настроений. По выражению М. Вишняка, демократия в эмигрантском сознании была не в чести, т. к. «считалась скомпрометированной и в

лучшем случае величиной спорной»[56]. Старые политические группировки не оказали большого влияния на ее жизнь в силу своей немногочисленности, непопулярности, в силу того, что большая часть эмигрантов была озабочена борьбой за хлеб насущный. Они уходили с политической арены вместе со смертью своих лидеров, не увлекая молодежь, которая искала своих путей. Их деятельность имела смысл при наличии партийных центров в самой России, но утверждение однопартийной системы, уничтожение сторонников оппозиционных партий делали это невозможным. Эмигрантские политические группировки со временем имели все меньшее отношение к внутренним процессам, происходившим в России и превращались в сторонних наблюдателей. Политическая эмиграция вываривалась в собственном котле. Программы, директивы, лозунги, разрабатываемые стратегии и тактики оставались мертвым грузом, который не мог преодолеть «железный занавес», спустившийся над Россией. Писатель А.М. Дроздов, сотрудничавший в Отделе пропаганды при Особом совещании главнокомандующего Добровольческой армии (Осваге), отмечал: «Дореволюционные партии, в большинстве нежизнеспособные, так как дышали затхлым воздухом подполий, зовут по-прежнему к своим дорогам, в большинстве не торным, потому что по ним ни разу еще не гремела государственная телега»[57].

Если дореволюционная политическая эмиграция сохраняла тесную духовную связь с силами, работавшими в самой России, ее идеи были созвучны настроениям народных масс, то эмиграция «первой волны» не смогла протянуть невидимые, но крепкие нити, связывающие ее с родиной. Однако, политическая эмиграция, внимательно следя за тем, что происходит на родине, накопила большой и ценный материал, помогала западному миру понять Россию. Послереволюционные течения несли в себе больший положительный потенциал, увлекали глубиной мысли, находили большее число сторонников, особенно среди молодежи, их аналитическое наследие сохраняет свою актуальность.

По своему положению, по ограниченной возможности влиять на ход событий в России эмиграция могла добиваться только час-

---

[56] Наше время. – Шанхай, 1934. С. 119.

[57] *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. – Париж, 1983. С. 18.

тичных политических успехов и играла лишь подсобную, а не решающую роль в истории родины.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Назовите причины политической эмиграции.
2. Каков спектр политических партий Зарубежья в 1920-х гг.?
3. Причины переноса партийных центров за границу.
4. Причины раскола политических партий.
5. Покажите эволюцию программных взглядов кадетов в эмиграции.
6. Охарактеризуйте идейные позиции и общественную деятельность социалистов за рубежом.
7. Назовите пореволюционные идейные течения, сложившиеся за границей.
8. Лидеры сменовеховства (дать политический портрет).
9. Адепты евразийства.
10. Деятельность младороссов.
11. Идейный путь «Нового града».
12. Подведите итоги идейно-политической деятельности эмиграции 1920–1930-х гг.

Лекции 14–15

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И УЧЕНЫЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

1. ***Организация академического сообщества.***
2. ***Историческая мысль в зарубежье.***

ОРГАНИЗАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Наличие в эмиграции значительной доли интеллигенции способствовало развитию интеллектуальной мысли собственно Зарубежья, некоторых отраслей мировой науки и техники, компенсировало исследовательские пробелы ученых, остававшихся на родине, способствовало созданию национальной образовательной системы, призванной подготовить специалистов для Зарубежья и постбольшевистской России. Если деятели культуры, в особенности литераторы, актеры, художники, с трудом вливались в инонациональную среду, и сам характер их творчества способствовал сохранению автономности, то ученые, особенно естественнонаучного направления, адаптировались относительно успешно.

Количество научных работников, покинувших родину после 1917 г. или начавших свою деятельность уже за рубежом, подсчитать практически невозможно. В 1930 г. Русский научный институт в Белграде провел анкетирование, которое выявило 472 ученых, в том числе пять академиков (В.Н. Ипатьев и А.Е. Чичибабин не вернулись из научных командировок), 140 профессоров, 327 научных работников, занимавших места за границей. Всего же русских ученых за рубежом находилось не менее 500 человек.

Наибольшее число покинувших Россию дали Харьковский и Новороссийский университеты, затем – Московский и Санкт-Петербургский и менее всего – Казанский[1]. Чаще оставляли Россию естественники, представители точных наук, экономисты, юристы, чем историки, филологи, богословы. Поэтому в зарубежной русской науке наблюдался переход в те специальности, которые наименее были представлены, но пользовались спросом.

Оказавшись за пределами своей родины, ученые и преподаватели высших школ видели свою главную задачу в воссоздании академического сообщества, чтобы получить возможность защищать свои интересы, публиковать труды, обеспечить научную смену. В 16 странах (Англии, Болгарии, Германии, Италии, Латвии, Польше, Турции, Франции, Финляндии, Чехословакии, Швеции, Швейцарии, Эстонии, Югославии, Харбине, США) образовались академические группы. Союз русских академических организаций действовал на основе разработанного им устава. Целью союза стало объединение русских ученых, прием экзаменов, трудоустройство научных работников, налаживание связей с русскими и иностранными учеными и учебными учреждениями, представительство всех русских академических организаций за границей перед правительственными, общественными и научными кругами, материальная и моральная поддержка молодых ученых, молодежи, поступающей в вузы, организация русских высших и средних учебных заведений. Так, образованная осенью 1922 г. в Таллинне Русская академическая группа во главе с проф. И.М. Тютрюмовым, способствовала организации Высших политехнических курсов, первого русского высшего заведения в Эстонской республике. Академические группы играли роль официальных учреждений, занимавшихся вопросами науки и образования русских за рубежом, и признавались местными властями.

Первый съезд русских академических организаций состоялся в октябре 1921 г. в Праге. Председатель проф. А.С. Ломшаков зачитал приветствие русских ученых из Советской России. Затем вставанием почтили память 84-х ученых, погибших после Ок-

[1] *Ковалевский П.Е.* Русские ученые за рубежом // Возрождение. – Париж, 1955. № 44. С. 7.

тябрьской революции. На I съезде (как и на втором) главными были вопросы организационные. Но уже третий съезд, проходивший осенью 1924 г. в Праге, был целиком посвящен научной работе. Участники съезда были разделены на 4 секции: юридических и экономических наук; наук философских и историко-филологических; естественных наук и медицины; фундаментальной и прикладной математики и технических знаний. В программе съезда значилось 160 научных докладов. Первое и заключительное заседания были посвящены чествованию выдающихся представителей русской науки: П.И. Новгородцева, Н.И. Андрусова, Н.П. Кондакова, жившего в России физиолога И.П. Павлова (по случаю его 75-летия).

IV съезд русских академических организаций состоялся в 1928 г. в Белграде. На нем были зачитаны 162 доклада. V съезд проходил в Софии с участием коллег из Болгарии. Съезд проводился при поддержке болгарского министра просвещения. Заседания проходили уже в 12 секциях, в том числе агрономической, богословской, истории литературы и искусства и филологической, биологической, исторической и др.

Русские ученые легче адаптировались в славянских странах, здесь их широко привлекали для работы наравне с местными учеными. В странах Западной Европы многие не нашли себе применение в соответствии со знаниями и образованием. С одной стороны, например, С.Н. Виноградский, Д.П. Рябушинский, М.И. Ростовцев были избраны академиками во Франции, с другой – известны случаи, когда доктора наук, авторы нескольких научных трудов становились шоферами такси. Слиянию с местной ученой средой мешало прежде всего незнание языка, отсутствие связей, авторитета в научном мире еще с дореволюционных времен.

Несмотря на то, что восстановить условия научной работы было чрезвычайно сложно, и большинству российских эмигрантских ученых приходилось довольствоваться скромным положением в иностранных научных учреждениях или организовывать свои русские, но располагающие минимальными материальными средствами, они были широко признаны мировым сообществом. В.Н. Ипатьева называли самым великим человеком в истории химии, С.П. Тимошенко стал «открывателем новой эры в при-

кладной механике», И.И. Сикорский, А.Н. Северский, Г.А. Ботезат – основателями «авиационных гнезд» в США, изобретателю телевидения В.К. Зворыкину был вручен диплом «Заслуженного русского американца», а его имя внесено под первым номером в Русско-Американскую Галерею Славы, 11 русских ученых-профессоров Белградского университета были удостоены звания членов-корреспондентов или действительных членов Сербской академии наук и т. д. В музее Русской культуры в Сан-Франциско в огромном списке зафиксированы «мировые имена русской эмиграции».

Центрами эмигрантской научной мысли стали Берлин (в начале 1920-х гг.), Прага, Париж, Белград, София, со второй половины 1920-х гг. многие ученые смогли продолжить свои изыскания в США. Принимая приглашения для работы в местных научных и учебных учреждениях, им удавалось создать и свои, русские. Научное сообщество также активно пропагандировало знания.

Русские народные университеты выполняли просветительские и учебные функции (но дипломов не выдавали), становились площадками для апробации академических наработок. Образованы они были в Париже, Праге, Берлине, Белграде, Софии, Варшаве, Таллинне, Риге, Чикаго и других городах[2]. Русский народный (свободный) университет в Праге издавал Научные труды РНУ в Праге (всего вышло 16 томов), организовывал общедоступные лекции в разных городах ЧСР. Русский славяноведческий институт (1922–1938 гг.), ставил своей целью распространение в Чехословакии сведений о России, русской культуре. Представление о лекциях и направлении работ Института можно получить, пролистав его сборники. Их вышло два тома (1929, 1932 гг.), кроме того, в 1929 г. был издан юбилейный Пушкинский сборник. Аграрным проблемам посвящались «Записки института изучения России», издаваемые также в Праге.

Учебные и академические задачи сочетали Русские научные институты в Берлине, Белграде, Праге. В Берлине такой институт был создан В.А. Мякотиным, С.Л. Франком, Б.П. Вышеславцевым,

---

[2] См. подробнее: *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». – Омск, 2010. С. 170–191.

Н.А. Бердяевым при содействии «Немецкого общества для изучения Востока» проф. О. Хетча. Ректором института был избран В.И. Ясинский, проректором – С.Л. Франк. В состав ученого совета входили И.А. Ильин, С.И. Гессен, П.Б. Струве, А.А. Боголепов и др. Институт состоял из четырех отделений: духовной культуры, правового, экономического и хозяйственного. Курсы по русской истории читали А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин и др. При институте работал Кабинет по изучению современной русской культуры, задачей которого стало собирание, хранение, изучение и публикация исторических источников по истории России.

Русский научный институт в Праге, созданный при правлении Союза академических организаций начал свою деятельность в 1922 г. Он получал поддержку министерства народного просвещения ЧСР. Возглавляли его в разные годы П.И. Новгородцев, А.С. Ломшаков и В.А. Францев. Согласно положению об институте, его целью являлось содействие сближению России и Чехословакии, распространение в ЧСР знаний о России, ее культуре и достижениях русских ученых, писателей и деятелей искусства. На лекции и курсы зачислялись слушатели по предварительной записи. Было опубликовано два тома лекций и трудов Института в 1929 и 1932 гг.

Созданный значительно позже Русский научный институт в Белграде занимался вопросами языкознания, литературоведением, юриспруденцией, обществоведением, естественными науками. В нем сотрудничали А.Л. Погодин, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, В.А. Мошин, Г.А. Острогорский и др. Институт выпустил 17 томов «Записок Русского научного института в Белграде» (1930–1941 гг.), «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» (два тома в 1931 и 1941 гг.), «Труды IV съезда русских академических организаций за границей» (два тома).

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЗАРУБЕЖЬЕ

Не замерла в эмиграции российская историческая мысль, вошедшая составной частью в историографию разных стран. Не случайно в постсоветский период началась републикация трудов историков-эмигрантов.

В эмиграции оказались несколько десятков историков (по некоторым данным свыше 90[3]. Это были не только специалисты, получившие образование в России, но и ученые, начавшие заниматься историческими дисциплинами за рубежом. Целью своей деятельности они считали развитие традиций русской исторической науки, воспитание молодого поколения ученых в духе лучших достижений их предшественников и всепомоществование в деле сохранения и популяризации русских национальных традиций. Поскольку в изгнании оказались историки разных возрастных групп, обеспечивалась преемственность научных интересов и методов исследований.

Единого центра исторических исследований в Зарубежье образовать не удалось. Отсутствие такого центра компенсировалось широким обменом научной литературой, в первую очередь, собственными работами, информацией об исторических исследованиях, архивных фондах по тем или иным проблемам в той или иной стране. Но переписка, несистематическое общение на исторических семинарах, международных форумах явно не могли восполнить недостаток сведений. А.В. Флоровский, будучи представителем пражского Русского исторического общества в образованной в Варшаве в 1927 г. Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран приступил к составлению «систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов России, так и в Советском Союзе»[4]. Кроме того, в эмиграции далеко не равномерно оказались представлены отдельные исторические дисциплины. На тематику научной работы влиял отрыв от отечественных архивов и книго-

[3] *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992. С. 13.
[4] *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 239.

хранилищ, сужение источниковой базы. Затруднено было издание трудов из-за малого количества исторических сборников и журналов, их редкого издания или недолговечности. Публиковались преимущественно небольшие по объему исторические работы.

Тематика издаваемой исторической литературы была разнообразна. Она касалась как истории всеобщей, так и русской. В отдельную группу, весьма многочисленную, можно выделить литературу и мемуары по истории российской революции и гражданской войны. В этом ряду следует назвать «Историю русской революции» П.Н. Милюкова, Очерки русской смуты» А.И. Деникина, «Красный террор» С.П. Мельгунова, многотомный «Архив русской революции» под редакцией И.С. Гессена и др. По истории русской и всеобщей были написаны не только специальные труды, но и учебники, издавались переводные труды Ферреро, Мадлена, Дени, Нидерле и др.[5].

Наиболее перспективным являлось изучение славянской тематики и проблем истории Византии и Западной Европы. Исследованиям в этих направлениях способствовали образовавшиеся в эмиграции средоточия научного общения, более или менее постоянный контакт с местной ученой средой, доступность лучших библиотек и богатейших европейских архивных собраний. Эмигрантские труды дополняли в определенной степени тематику исследований советских историков. Прежде всего, это касалось тем, ставших запретными на родине (но ранее бывших традиционными для русской историографии): история церкви и религиозной культуры, история права, изучение жизни славян и т. д.

До конца 1920-х гг. отечественная историческая наука развивалась в едином русле, не размежевываясь на эмигрантскую и советскую ветвь. На международном уровне были представлены преимущественно ученые-эмигранты. Хотя историки «старой школы», проживающие в России, приглашались за рубеж для чтения лекций, участия в международных форумах и творческой работы, советская историческая наука международного авторитета не имела. Так, исключительно русские эмигрантские организации

[5] *Аргунов А.* Литературно-издательская деятельность эмиграции //Свободная Россия. – Париж, 1924. № 3. С. 176.

входили в состав Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран; ученые-эмигранты были представлены в Комитете съездов славянских филологов, на международных съездах славистов и конгрессах историков (МКИ).

В 1923 г. на очередной пятый международный конгресс историков (Брюссель, 9–14 апреля) официальное приглашение получили Союз русских академических организаций, созданный учеными-эмигрантами в 1921 г., (медиевист П.Г. Виноградов, антиковед М.И. Ростовцев, экономист П.Б. Струве, историк Е.Ф. Шмурло) и Российская Академия наук (В.В. Бартольд, Е.В. Тарле, Н.П. Оттокар). Статус делегации из СССР был необычным – она представляла не государство, а только историков РАН. Примечательно, что на предыдущем IV конгрессе историков П.Г. Виноградов, М.И. Ростовцев и Е.В. Тарле входили в одну делегацию, представлявшую Россию.

Окончательный разрыв между эмигрантскими и внутрироссийскими историками произошел на VI международном конгрессе историков[6], состоявшемся 14–18 августа 1928 г. в Осло, как столице страны, сохранившей нейтралитет во время Первой мировой войны. Официальная советская делегация (всего 11 человек) состояла из ученых «старой школы», историков-марксистов, представителей украинской и белорусской исторической науки. Возглавлявший ее М.Н. Покровский был избран в президиум конгресса. Этот факт возмутил русскую эмигрантскую профессуру, прибывшую для участия в историческом форуме из разных стран. Ростовцев заявил, что политически и с точки зрения международного сотрудничества приглашение советской делегации на конгресс оправдано. Но с точки зрения научной, отмечал он, этому акту приходится только удивляться, поскольку марксизм, якобы, не имеет ничего общего с наукой и поэтому сотрудничество с советско-русской делегацией должно быть исключено. Кроме того, в президиум необходимо было бы избрать «более нейтрального представителя, чем человека, бывшего самым важным оружием в руках советского правительства в преследовании свободного ис-

[6] Документы об участии советских ученых в VI международном конгрессе историков см. в журнале «Советские архивы». 1973. № 6. С. 50–55.

следования в России»[7]. В ответ на это заявление председатель конгресса, Международного комитета исторических наук и президиума Норвежской Академии наук Х. Кут официально объявил по настоянию советской делегации, что эмигранты-историки могут участвовать в конгрессах только в составе делегаций тех стран, в которых они живут, а их доклады и выступления с повестки снимаются. Таким образом, Ростовцев представлял США, А.М. Кулишер и В.В. Шацкий – Францию, Е.А. Елачич – Югославию, П.Н. Савицкий – Чехословакию. Август 1928 г. стал началом официального признания советской исторической науки, хотя и ранее многие историки (но это были ученые «старой школы») выезжали за рубеж по приглашениям для чтения лекций, работы в архивах.

На VII конгрессе историков, который состоялся 21–28 августа 1933 г. в Варшаве, из историков-эмигрантов с докладами выступали Ю.Д. Бруцкус («Хазары и Киевская Русь»), Савицкий («Евразийская концепция русской истории»), П.Б. Струве («Феодальные элементы в социальной и политической структуре Московского государства»), Флоровский («Несколько наблюдений к истории торговых отношений между Чехией и народами Восточной Европы»). Кроме них на конгрессе присутствовали М.И. Ростовцев (США), Е.А. Елачич (Белград), А.Н. Грабар (Страсбург).

На VIII МИК (28 августа – 4 сентября 1938 г., Цюрих) российские историки были представлены только эмигрантами. Г.В. Вернадский делал доклад «Феодализм в России», И.И. Лаппо – «Кодификация литовского права в XVI в.», Е.Ю. Перфецкий – «Взаимоотношение польской средневековой анналистики с немецкой и русской», А.В. Флоровский – «Чешско-моравские иезуиты в Восточной Европе».

Последним довоенным форумом с участием историков-эмигрантов был III международный съезд славистов, проходивший в Белграде в сентябре 1939 г. От лица российской исторической науки выступал Флоровский с докладом «Чешские элементы в старорусской литературной традиции X–XVII вв.»

[7] Историк-марксист. 1928. № 9. С. 91.

Особенно внимательное отношение к ученым-эмигрантам было со стороны правительства Чехословакии. В Праге возникли многочисленные ассоциации и объединения Историки здесь начали оседать с конца 1921 г. и через Прагу прошло более 20 ученых. Известная высылка российских профессоров пополнила их состав. Постепенно прибывали новые ученые – как уже заявившие о себе на родине, так и молодежь, только в эмиграции начавшая свою деятельность. Прага, имевшая славу европейского центра славистики еще с начала XIX в., стала средоточием славистической эмиграции.

В 1923 г. было положено начало научным собраниям русских историков, которые два года спустя оформились в *Русское историческое общество в Праге* (РИО). Председателем (позже почетным председателем) стал Е.Ф. Шмурло. Его сменяли Кизеветтер, А.Н. Фатеев, Флоровский, Е.А. Ляцкий, П.А. Остроухов. Своей научной задачей Общество ставило объективное изучение прошлого, а «потому события "вчерашнего дня", оценку которым невозможно дать в рамках спокойного, беспристрастного анализа, в программу Общества входить не должны»[8]. Термин «история» понимался в самом широком значении этого слова, поэтому в Общество входили ученые руcисты, византинисты, славяноведы, источниковеды, историографы, историки права, церкви, литературы, философии и т. д. Численность Общества при основании составляла 22 человека, через десять лет – 56. На положении пожизненных членов в РИО вошли и чешские ученые. Русское историческое общество входило в конфедерацию историков Восточной Европы, принимало участие в международных конференциях историков в Белграде, Кракове, Варшаве, Брюсселе.

На заседаниях Общества активно заслушивались доклады, посвященные памяти научных деятелей или лиц, чьи имена вошли в российскую историю: Александра I, декабристов, Петра Великого, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. После выхода из печати первой книги «Записок Русского исторического общества» (1927 г.) начала складываться библиотека РИО. Как первый, так и последующие два тома Записок (1930 и 1937 гг.) появились благодаря

[8] Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. – Прага, 1934. С. 5.

материальной поддержке президента ЧСР Т.Г. Масарика. После оккупации Чехословакии деятельность Общества стала затухать, несмотря на попытки сохраниться в рамках Русского свободного университета (РСУ). Был даже подготовлен четвертый том «Записок по истории и литературе», который запретила фашистская цензура (1941 г.). С ликвидацией РСУ в 1944 г. исчезло и Русское историческое общество.

Рассредоточение историков по разным странам не способствовало созданию исторических школ. Но ученикам и почитателям Н.П. Кондакова (1844–1925), археолога, искусствоведа, соученика В.О. Ключевского по Московскому университету, профессора Петербургского университета, академика, после его смерти удалось основать Семинар его имени (1925 г.), преобразовавшийся с 1931 г. в Институт. Это и учебное, и научно-исследовательское учреждение стало уникальным явлением в исторической науке эмиграции.

Эмигрантский период начался для Кондакова в 1920 г. И.А. Бунин, с которым ученый покидал Россию, в своих «Воспоминаниях» ярко описал переход на маленьком, ветхом греческом пароходе «Патрас» до Константинополя. Затем последовали София, Прага и профессорство в Софийском, а с апреля 1922 г. в Карловом университете (Прага). Здесь у него появился ряд учеников, в том числе С.Я. Эфрон. Президент Чехословакии Т. Масарик не только предоставил аванс для написания книги «Русская икона», но даже пригласил читать лекции по истории искусства своей дочери Алисе, а также предложил бесплатную квартиру.

При посредничестве президента, жена которого, Абрикосова, была из знаменитой богатой московской фамилии, шло финансирование Семинара (Института). Одним из главных инициаторов и меценатов стал также личный друг Кондакова Ч. Крейн. Благодаря поддержке Крейна удалось издать последний труд Кондакова «Русская икона», а также сборник, посвященный его памяти. 80 тыс. чешских крон, вырученных за продажу сборника, пошли в распоряжение возникшего 22 апреля 1925 г., Семинара имени Н.П. Кондакова, создав материальную возможность для дальнейшего развития научной и издательской деятельности.

Одним из вдохновителей Семинара стала княгиня Н.Г. Яшвиль[9] – меценат и личный друг Кондакова. Войдя в правление Семинара (Института) княгиня приняла активное участие в его научной, издательской и просветительской деятельности. Дочь Татьяна заведовала эмалевой мастерской, завещанной княгиней М.К. Тенишевой. Яшвиль привлекла большое число благотворителей. При ее содействии удавалось устроить научные командировки сотрудникам Института в различные страны, издавать и оформлять институтские издания. Современники отмечали, что, живя аскетически, она все свои заработки от преподавания языков и продажи своих работ (репродукций икон, поздравительных открыток и другой художественной продукции), свои связи направляла на дело помощи эмигрантам[10].

По мысли президента ЧСР Масарика, Помощь молодым ученым, должна была быть работой для будущего: когда Россия придет в более нормальное состояние, русские эмигранты из Чехословакии вернутся на родину и – если они получили образование в Праге, имели контакт с чешской культурой и с чехословацкими культурными и политическими кругами – это послужит на пользу обоим государствам. И он, кроме всего прочего, учредил при Кондаковском институте две стипендии для молодых, которые могли бы стать такими учеными и оказались бы полезны для будущих сношений Чехословакии с Россией.

Семинар проработал до конца Второй мировой войны, формально до 1953 г., занимаясь сравнительно-исторической разработкой проблем древнерусского, византийского и восточного искусства. Возглавляли его Калитинский, Вернадский, А.А. Васильев, Толль, Н.Е. Андреев, Флоровский. Со всей своей богатейшей библиотекой, очень хорошей коллекцией русских икон, замечательной коллекцией коптских тканей и другими богатствами, в частности богатейшим архивом, он был передан с согласия советской стороны Институту истории искусств Академии Наук Чехословацкой Республики.

---

[9] Художник М.В. Нестеров подолгу жил в имении кн. Яшвиль в Киевской губернии, написал ее портрет (сейчас хранится в Киевской картинной галерее). Дочь Яшвиль, Татьяна, послужила моделью для мальчика в знаменитой картине Нестерова «Видение отрока Варфоломея».

[10] Анналы Института им. Н.П. Кондакова. Т. XI. – Прага, 1940. С. 248.

Основные формы работы Семинара заключались в научных заседаниях и опубликовании научных трудов. В первые годы своего существования Семинар заседал довольно часто, каждую пятницу. Впоследствии заседания стали менее частыми – не более 15-ти в год. Большой резонанс вызвали споры по поводу старца Федора Кузмича и Александра I, при изучении «дела дьяка Висковатого», отражения и движения идей Московской Руси в иконописных памятниках, творчества писателей.

1930–1931 гг. стали переломными в жизни Семинара, оказавшегося обезглавленным. В этот период остро встал вопрос о его дальнейшем существовании как самостоятельного учреждения. В связи с этим была предпринята попытка соединения с Институтом Н.К. Рериха, закончившаяся, правда, безрезультатно. Взамен финансовой помощи Рерих требовал звание «Протектора» Семинара, а под Ю.Н. Рериха предполагалось создать восточное отделение. 9 ноября 1931 г. Калитинский писал Толю о недоверии к мотивам «(конечно, это очень субъективно)», побудившим Рерихов сделать предложение о поддержке, об их фанфаронстве и самомнении. Финансовая нечистоплотность Рерихов, проявившаяся в ряде случаев нарушения ими своих обязательств, породила недоверие и к другим их обещаниям и, в конце концов, расстроила все переговоры о соединении Института Кондакова и Института Рериха. Не менее важными стали и различия в отношении к культурному наследию, в частности, к православной культуре Византии и России. Члены Семинара опасались, что соединение с Рерихами приведет к утрате своих научных принципов и подходов к проблемам и изучаемому материалу, что их своеобразие может раствориться в общекультурном подходе Н.К. Рериха.

Одно из главнейших направлений работы Семинара – изучение иконы, как памятника истории искусства и религиозно-бытового явления. К исследованию были намечены Владимирская икона Божьей Матери, Ланский Спас, Умиление из собрания Солдатенковых, Знамение Божьей Матери Курской-Коренной и нескольких чудотворных икон, находившихся в Чехословакии[11]. В 1932 г. при участии Толя, Яшвиль, ее дочери Институт устроил в Праге выставку древнерусских икон.

[11] Русская эмиграция в Европе. 20-е – 30-е годы. – М., 1996. С. 32.

Семинар издавал специальный сборник «Seminarium Kondakovianum» (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова). За 14 лет было издано одиннадцать томов сборника (с 1938 г., с 9-го тома «Annales de l' Institut Kondakov»). Их отличал высочайший научный уровень и первоклассное полиграфическое оформление. Первые два тома (1927, 1928 гг.) вышли при преобладающем участии (15) советских историков «старой школы»[12]. Рецензенты писали о сборнике, что русская наука может им гордиться, а сотрудничество русских и европейских ученых оказывается плодотворно и для самой западной историографии. Семинар получал и реферировал советские издания ученых Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Саратова, Ташкента, Севастополя. И.Э. Грабарь ходатайствовал перед Вернадским об устройстве большой выставки русских икон XII–XVIII вв. из советских собраний. Разрыв с советской исторической наукой, экономический кризис и сокращение субсидирования Семинара (Института) повлекли за собой уменьшение количества статей на русском языке, а также посвященных русской и славянской тематике. Удавалось сохранить статьи, посвященные археологическим источникам, иконографии.

У сборников было два приложения, две серии монографий – «Зографика» по церковной живописи и «Скифика» по кочевническим древностям. В первой серии впервые была опубликована замечательная работа А.И. Анисимова о Владимирской иконе Божией Матери. Кроме этих периодических и серийных изданий, Семинар издавал еще отдельные монографии. Самым монумен-

---

[12] В третьем томе сборника должна была появиться статья Н.Е. Андреева об образе Кондакова в письмах А.П. Чехова. Автор запросил О.Л. Чехову-Книппер, бывшую в курсе взаимоотношений писателя и ученого. Письмо сопровождалось припиской Калитинского, который хорошо знал актрису как партнершу своей жены, М.Н. Германовой, в период работы последней в Художественном театре, о помощи. Но никакого ответа не последовало. (В свое время Кондаков посылал Чехову свою брошюру «Современное положение русской иконописи» (1901 г.), на что тот отозвался письмом, указав, что народным силам не поднять того, что умерло, что Палех и Холуй как центры художественной иконописи «уже не воскреснут»). Зато откликнулся доктор Альтшуллер-старший, представив несколько страниц добросовестной сводки биографического материала о Кондакове. Из этих записок выяснились такие его человеческие черты, которые раньше не были известны. Оказывается, в свое время в Ялте Кондаков играл Пимена в пушкинском «Борисе Годунове».

тальным стало посмертное издание основной работы Кондакова, работы над которой он трудился всю свою жизнь, – «Русской иконы» в четырех томах (два тома текста и два тома иллюстраций, из них один – цветной). Тем самым Семинар завоевал мировое признание. Было издано еще несколько книг, в частности работа М.К. Тенишевой «Эмаль и инкрустация» (Прага, 1930). Издания Семинара выходили очень маленьким тиражом. Ежегодники – тиражом 450 экземпляров, приложения к ним – тиражом 300 экземпляров, другие книги – также тиражом максимум 300 экземпляров. В СССР попадали считанные экземпляры, в основном через лиц, сотрудничавших с Семинаром.

Культурная, организационная, информационная роль Семинара в создании единого научного пространства российской эмиграции значительна. В.Т. Пашуто назвал его «одной из наиболее респектабельных и значительных» русских заграничных научных организаций, ярким событием в российской исторической науке Зарубежья.

В эмиграции вышли «Сборники Русского археологического общества» (Белград, 1–3 вып., 1927–1940 гг.), «Историк и современник», историко-литературный сборник, освещавший недавнее прошлое, под редакцией И.П. Петрушевского (Берлин, тт. 1–5, 1922–1924 гг.) и др.

В эмиграции тема истории России в определенном смысле отошла на второй план, прежде всего в силу недоступности архивных и библиотечных материалов. П.Е. Ковалевский писал В.Т. Пашуто 5 октября 1975 г.: «Надо подчеркнуть, что историей России занимались главным образом представители старшего поколения. Молодые ученые специализировались на точных науках и литературе»[13]. Основное внимание в трудах, посвященных истории России, уделялось допетровской эпохе. И если «до революции линией "водораздела" между историками было отношение к Петровским реформам, то за рубежом таким критерием, противополагающим одних исследователей другим, был "норманнский вопрос", вернее проблема влияния норманнов на первый период истории Руси»[14]. Общих курсов по русской истории учеными

[13] *Пашуто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. – М., 1992. С. 264.
[14] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 171.

«первой» эмигрантской волны было создано немного. Преимущественное право для публикации получали работы, написанные на иностранных языках. Так, по-английски издали курсы истории Д.П. Святополк-Мирский (London, 1927) и М.Т. Флоринский (Madison, 1940), по-итальянски – академик Е.Ф. Шмурло (Roma, 1928, 1929, 1930 – в 3-х тт.) и проф. Н.П. Оттокар, по-французски – Н. Брянчанинов (Paris, 1929). В 1932–1933 гг. в Париже вышел по-французски трехтомник по русской истории[15] под редакцией Милюкова, в котором приняли участие проф. пражского университета Л. Нидерле, проф. университета г. Бордо К. Далмедиа, российские ученые Милюков, Ж. Данилов, П.П. Гронский, Кизеветтер, В.А. Мякотин, В. Миркин-Гецевич, представивший европеизируемую Россию. Но, как любой сборник, он получился неравноценным и неравнозначным в научном отношении.

На русском языке курсы по истории России выходили прежде всего для учащихся, изучающих российскую историю в средних и высших учебных заведениях. В Белграде, где существовала сеть русских школ, в 1927 г. вышел Л.М. Сухотина «Учебник русской истории», младший курс. Он был одобрен Учебным Советом при Державной комиссии КСХС по делам русских беженцев. Учебник поддержали профессора П.М. Бицилли, А.П. Доброклонский, Кизеветтер и др. Предназначался он для детей 12–14 лет. В авторском предисловии отмечено, что с детьми 11 лет не следует проходить систематического курса русской истории и начинать ознакомление детей с родной стариной следует с объяснительного чтения. При этом замечалось, что систематический курс истории нужно изучать в среднем и старшем возрасте (в разных объемах и различного содержания). Особенно это актуально в условиях зарубежья.

Примером университетского учебника может служить «Введение в российскую историю» Шмурло, изданного в Праге в 1924 г. Книга выросла из университетских лекций и ставила двойную задачу: 1) изложить теорию истории, дать понятие о тех элементах, из которых она строится, научно обосновать ее построение и 2) выделить главные этапы российской истории, выявить

---

[15] Histoire de Russie par Paul Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. – Paris, 1932–33. Vol. 1–3.

духовные и материальные факторы, определившие направление развития и творчества русского народа. Отсюда и деление книги на две части. В одной высказаны общетеоретические положения, «приложимые к истории любой народности», во второй изложена история России. Отмечая, что история изучает жизнь общества, автор очерчивает круг человеческой деятельности четырьмя задачами: 1) организация общества, 2) внешние отношения, 3) материальная и 4) духовная культура. Они образуют ту схему, в соответствии с которой историк излагает жизнь русского народа на фоне всемирной истории.

Шмурло выделяет три фактора, определивших не только характер, но и содержание российской истории: территория (географический), народность (расовый), религия (культурный). Русский народ расселился на восточном краю европейского мира, в непосредственном и постоянном соприкосновении с миром азиатским и был частью славянской ветви, которая являлась отпрыском арийским. Культурные основы базировались на христианстве, притом в православной форме. По мнению Шмурло, через всю историю русского народа проходит основная черта – раздвоенность жизни, вынужденное сидение между двух стульев, между европейским Западом и азиатским Востоком.[16]. Европейский тип развития, по Шмурло, Россия создавала, развивала, культивировала сознательно. Азиатская история России – вынужденная, навязанная, неотвязчивая. И та и другая российские тенденции непримиримы, враждебны, но самостоятельны. Европа для России – символ культуры, развития, движения; Азия – застой и варварство. Увлечение Азией отвлекало от очага цивилизации. Историю России Шмурло характеризовал как равнодействующую, образованную двумя силами, из которых каждая лишь противодействовала другой. Россию он сравнивал с двуликим Янусом, обращающим свои взоры и в сторону Запада, и в сторону Востока (как к Европе, так и к Азии).

Ученый уделил большое место особенностям исторического пути России и тем факторам, которые эти особенности определили, прежде всего, географическим. Он отмечал, что у русского человека много сил, физических и духовных, уходило на заботу

[16] *Шмурло Е.Ф.* Введение в русскую историю. – Прага, 1924. С. 110.

о материальном существовании. На великой Русской равнине природа тормозила рост культурной жизни. Лес и Поле (Север и Юг) наложили отпечаток на два разветвления русского народа на малороссов и великороссов. Русский ландшафт (лес, поле, реки, равнины) непосредственно повлиял на характер и миросозерцание россиянина. Типичной чертой русского народного ума явилось чувство простора, равнинности. Реки стали главными путями сообщения: куда реки текут, туда глядит и человек (юг, юго-восток, северо-запад). Всю обширную территорию на востоке Европы сама природа предназначила под одно государство. Исходя из этой особенности, автор делал вывод о том, что, чем больших размеров территория, тем слабее и беспомощнее ее хозяин, тем труднее ему устроиться на ней и обеспечить правильный и быстрый рост своих духовных и материальных сил.

Другая особенность, обусловленная равнинностью территории, по мнению Шмурло, заключалась в следующем. На этой безграничной территории России выросло громадное полое тело. Круговорот ее жизни совершался чрезвычайно медленно. На что Западу требовалось десять лет, здесь уходили целые сотни. Этот замедленный темп жизни естественным образом наложил свой отпечаток на русского человека, определил его характер (более спокойный, сдержанный, ровный, менее порывистый). Духовные и материальные средства русского народа тонули в безбрежном море российского пространства. Поэтому, если характерной чертой Западной Европы стала энергия наступления, то России – энергия отставания. Дух Западной Европы – более либерален, а характерной чертой русской народности стал консерватизм[17].

Анализируя ход исторических событий, автор приходит к заключению, что русский народ, обороняя себя от азиатских кочевников, одновременно охранял и Западную Европу от натиска варваров, служил ей щитом и опорой, во-первых, и путем ассимиляции и сближения передавал Востоку плоды европейско-христианской цивилизации, во-вторых. Русскую колонизацию Шмурло рассматривает как победу европейской цивилизации над азиатским Востоком.

Автор заключает свою работу выводом о том, что неправильно противопоставлять Россию Европе, с которой она составляет

[17] Там же. С. 125.

единое целое и по территории, и по происхождению населяющей ее народности, и по культуре.

Историкам-эмигрантам принадлежит неоценимая заслуга по популяризации за рубежом знаний по истории России. Можно отметить работу П.Е. Ковалевского «Исторический путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки». Весной 1939 г. в Париже на русском языке вышла первая часть. Вторая – представляет собой библиографию трудов по российской истории за предшествующие 30 лет. Всего с 1939 по 1949 г. вышло пять изданий книги.

Ковалевский считал, что до середины 1930-х гг. история в СССР была в полном загоне и целиком подчинялась «отвлеченным схемам М.Н. Покровского», т. е. фактически не существовала. Поэтому, по его мнению, над историческими вопросами работали почти исключительно специалисты, оказавшиеся за рубежом. Им и было уделено основное внимание в библиографической части его труда. Ковалевский ограничил изложение истории России 1922-м г., отметив, что СССР еще не вошел в историю и представляет из себя незаконченный период русской жизни. Вместе с тем он подчеркивал, что народ, изгнавший из своих пределов фашистов, разбивший самую сильную и наиболее подготовленную во всей истории Европы армию, вновь доказал миру свою национальную мощь и необычайную твердость духа. Что касается зарубежной России, то она, по мнению автора, является продолжением предреволюционного периода русской истории и может рассматриваться как его завершение.

После войны по предложению издателя Г. Пайо Ковалевский подготовил университетский «Курс русской истории», который вышел на французском языке в Париже в 1948 г. был принят как учебное пособие во многих вузах Европы. Курс премировала Французская Академия моральных и политических наук, а автору было присвоено звание лауреата Академии.

В 1943 г. вышел первый том задуманной Вернадским и М.М. Карповичем десятитомной истории России. В письме историку Остроухову 21 августа 1946 г. Вернадский писал: «Я взялся написать первые шесть томов (до 1801 г.), он [М.М. Карпович – *З. Б.*] – четыре тома по XIX и XX вв. Пока вышел только мой первый том – Ancient Russia (до Олега). Теперь заканчиваю второй

том – Kievan Russia»[18]. Всего Вернадский подготовил пять томов (пятый том в двух книгах), доведя повествование до середины XVII в. Это издание является, пожалуй, самым полным из написанных русскими за рубежом по количеству использованных материалов и богатству библиографических данных. Карпович свою работу так и не закончил, зато подготовил несколько поколений молодых ученых, которые преподают русскую историю по всем США.

Творческий заряд историков в эмиграции не исчерпался, российская историческая мысль продолжала развиваться. Безусловно, пребывание за границей, отрыв от отечественных архивохранилищ и библиотек, сужение источниковой базы сказались на творчестве, тематике работ историков-эмигрантов. Исследования по истории России стимулировались не только возможностью продолжения разработок тем в соответствии с уже сложившимися интересами, возможностью работы с источником, но и необходимостью популяризации исторических знаний, формирования исторического мышления, патриотического воспитания молодежи в русских гимназиях, высших учебных заведениях, а также стремлением переосмыслить исторический путь России, найти истоки революции, оправдание эмиграции.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Оцените исходный научный потенциал Зарубежной России.
2. Почему в эмиграции практически не сложились российские научные школы?
3. Дайте характеристику российской исторической мысли за рубежом.
4. Какова роль Семинара имени Н.П. Кондакова в развитии русской культуры?
5. Назовите и охарактеризуйте учебники по истории, издававшиеся в Зарубежье.
6. Почему религиозно-философская мысль развивалась только в эмиграции?
7. Может ли национальная наука существовать в эмиграции?

---

[18] ГА РФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 166. Л. 7.

Лекции 16–17–18

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

1. ***Организация образования в российском Зарубежье.***
2. ***Русская литература в изгнании. Всеэмигрантский литературный съезд (1928 г.).***
3. ***Формирование единого информационно-культурного пространства: издательское дело, музеи, библиотеки, архивохранилища.***

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Будущее Зарубежной России решалось преимущественно в молодежной среде, зависело от ее социализации. Попытки сохранения национальной идентичности проявились ярче всего в создании системы образования на русском языке – от детских садов и начальных школ до высших учебных заведений.

Из 2 млн. бывших граждан Российской империи, пребывавших за рубежом, по данным анкеты ОРЭСО 1922 г., студентов и юношей, окончивших средние учебные заведения в России, оказалось более 14 тыс., а с учетом получивших среднее образование за границей – 16 тыс.[1]. Детская статистика также приблизительна.

---

[1] Вестник Русского национального комитета. – Париж, 1923. № 7. С. 31; ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 32.

Считается наиболее достоверным число детей-беженцев 18–20 тыс. В зарубежной русской школе обучалось примерно 12 тыс., из которых 3 тыс. посещали школы национальных меньшинств в лимитрофных государствах. 6–8 тыс. детей получали образование в иностранных школах[2]. Таким образом, численность молодого поколения составила примерно 40 тыс., или более 2 % от общего числа эмигрантов. Задачей интеллектуальных сил было сделать все возможное, чтобы не потерять его для России.

Беженцы зачастую оказывались за границей без дипломов, без надлежащих документов, подтверждающих полученное образование или обучение в том или ином учебном заведении, прерванное войнами. Дети не всегда могли опереться на родителей. Одной из функций нансеновских офисов в странах-реципиентах стало заверение копий документов эмигрантов, составленных на русском языке, и их переводов на иностранный язык; подтверждение перед местными властями прежнего места службы, профессиональной квалификации, университетских и академических званий. Представители верховного комиссара могли выдавать удостоверения, заменявшие утерянные или оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже и пр.; рекомендовать беженца компетентным властям, в частности, по вопросам допуска в школы, библиотеки и т. д.

Формирование статуса русских образовательных учреждений происходило постепенно. Еще в Гражданскую войну по ходатайству МИД правительств Колчака и Деникина посольства и дипломатические миссии получали разрешение создавать экзаменационные комиссии в тех странах, «где в них будет надобность», в составе русских преподавателей, которым удалось найти работу в местных образовательных учреждениях[3]. Эти комиссии принимали переходные экзамены, экзамены на аттестат зрелости, что давало возможность молодым людям продолжить образование в высших учебных заведениях вне России. Как правило, испытательные комиссии считались постоянными и принимали экзаме-

[2] Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. – М., 1997. С. 8.

[3] ГА РФ. Ф. 5760. Д. 64. Л. 4.

ны в течение года. Первоначально созданные при российских посольствах, они могли функционировать при общественных организациях, а после образования русских академических групп утвердились при последних. Например, прошения о допущении к экзаменам в испытательной комиссии при российском посольстве в Швейцарии адресовались на имя российского поверенного в делах (И.Н. Ефремова) с приложением 1) метрических свидетельств, а для лиц таковых не имеющих – паспортов; 2) какого-либо удостоверения личности или просто сведений о том, в каком учебном заведении, в каком классе и когда был учащийся в России; 3) от экзаменующихся на аттестат зрелости – краткого жизнеописания, написанного собственноручно; 4) двух фотографий с собственноручными подписями на них на русском и французском языках[4]. С санкции министра иностранных дел правительства Колчака лицам, выдержавшим экзамены на аттестат зрелости, выдавались удостоверения за подписями председателя и членов комиссии с приложением печати российской миссии[5].

26 апреля 1922 г. Советом Союза Русских академических организаций за границей были приняты «Правила о государственных испытательных комиссиях». Они специально оговаривали состав таких комиссий (из членов академических групп, не менее пяти ординарных и экстраординарных профессоров соответствующих специальностей, если не было такого количества профессоров, то могли пригласить членов комиссии из других академических групп, а в случае необходимости – из местных университетов), утверждавшийся Правлением Союза; приводили перечень лиц, которые могут быть допущены к испытаниям; круг предметов; программу испытаний и порядок их проведения; систему оценки знаний экзаменуемых; оговаривали дипломы, выдаваемые испытательными комиссиями, возможность переэкзаменовки, источники средств (плата за экзамены и иные поступления). Допускались к экзаменам лица, прослушавшие полный курс в российских университетах и представившие соответствующее удостоверение, представившие удостоверение об окончании высшего учебного заведения за границей и признанные правлением Союза россий-

[4] ГА РФ. Ф. 5760. Д. 64. Л. 7, 1об.
[5] Там же. Д. 15. Л. 4, 25, 26.

ских академических организаций за границей соответствующими требованиям российских университетов, еще не прослушавшие полного курса в российских университетах могли быть допущены с особого разрешения Правления Союза. Эти меры были предприняты с целью упорядочения процедуры подготовки и сдачи квалификационных экзаменов, для предоставления возможности русскому юношеству окончить высшие учебные заведения и получить магистерские степени. На выдаваемых дипломах ставилась печать Правления Союза русских академических организаций и подписи председателя правления Союза, председателя и членов комиссии. Дипломы I и II степени выдавались на условиях, принятых в российских дореволюционных университетах. Исключением являлись медицинские специальности[6].

Испытательные комиссии были утверждены при Русских академических группах в ЧСР, Париже, при обществе русских ученых в КСХС, Русском Юридическом факультете в Харбине. С октября 1924 по январь 1927 г. были выданы следующие дипломы: 5 дипломов по окончании полного курса наук историко-филологического факультета (студентам из Латвии, Югославии и пр.), 2 – юридического, 1 – на звание инженера-механика, а также было выдано 1 удостоверение об окончании в России полного курса физико-математического факультета Харьковского университета, 1 – о прослушании в России полного курса того же факультета Петербургского университета, 1 – о получении в России звания лекаря на основании Высочайшего Повеления без сдачи государственных экзаменов, 1 – об окончании исторического отделения историко-филологического факультета Высших Женских курсов в Киеве и 1 – об окончании Киевского Политехнического института. Удостоверения о сдаче магистерских испытаний выдавались местными академическими группами за подписью председателя и секретаря Испытательной комиссии[7].

Как отмечалось в отчете РАГ в Париже за 1922 г., «группа приходила на помощь своим авторитетом тем из юношей, которые прошли среднюю школу, но утеряли свои документы во время революции и эмиграции, вследствие чего не могли поступить

---

[6] ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.
[7] Там же. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 14.

в высшие учебные заведения Франции. Таким лицам устраивались при русской гимназии в Париже коллоквиумы, после чего Группою выдавались удостоверения, признающиеся до сих пор в секретариатах высших учебных заведений Франции эквивалентными русским аттестатам зрелости»[8].

В ЧСР испытательная комиссия для производства экзаменов за курс средней школы возникла осенью 1923 г. Комиссия выработала программы по всем предметам за курс мужских гимназий и реальных училищ согласно изданным в России до 25 октября 1917 г. правилам. Комиссия выдавала свидетельства на русском и чешском языках, утверждаемые министерством народного просвещения. Они давали право поступления во все высшие учебные заведения ЧСР. С 1924 по 1927 г. такие свидетельства от Русской академической группы в ЧСР получили 52 человека[9].

Союз русских академических организаций разработал также правила приема экзаменов и защит магистерских и докторских диссертаций в соответствии с требованиями университетов и вузов[10]. II съездом Русских академических организаций за границей 14 октября 1922 г. было принято Положение о производстве испытаний на ученые степени и по защите диссертаций[11]. Со временем в него были внесены изменения, чтобы привести в соответствие со сложившейся практикой. 27 декабря 1926 г. на заседании III сессии Совета Союза Русских академических организаций Правление Союза получало право при наличии особо уважительных оснований разрешать по ходатайствам академических групп отступления от установленных съездом академических организаций правил, по вопросам, носившим не принципиальный, а инструкционно-технический характер. Изменения не касались порядка приобретения степени доктора медицины. Сессия отклонила представление Русской академической группы во Франции о праве производить экзамены на степень магистра китайского языка и славистики, т. к. состав восточного факультета не имел достаточного числа специалистов[12].

---

[8] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 100.
[9] Там же. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 17.
[10] См. подробнее: *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции. С. 108–122.
[11] ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–28.
[12] Там же. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 2–3.

В Праге и Париже было защищено более 20 диссертаций[13]. Так, при РАГ в Праге Г.В. Флоровский защитил работу по теме «Историческая философия Герцена», В.С. Ильин – «Изменение осматического давления и содержание крахмала в растительной клетке под влиянием увядания и солей», П.А. Остроухов – «Очерки Нижегородской ярмарки в XIX столетии до эпохи Великих Реформ»[14]. П.Н. Савицкий получил ученую степень магистра политической экономии статистики[15]. М.А. Циммерман 4 июля 1922 г. «весьма удовлетворительно» выдержал испытания на ученую степень магистра международного права[16]. Профессор Юридического факультета в Харбине Н.И. Никифоров после поездки в Париж и Прагу (1927–1928 гг.) в 1928 г. защитил диссертацию «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка» и получил ученую степень магистра всеобщей истории[17]. Русская академическая группа в Чехословакии выдавала соответствующие удостоверения на основании протоколов Испытательной комиссии, переданных в Правление РАС, о сдаче аспирантом устных экзаменов на степень магистра и прочтении им пробных лекций в публичном собрании. Так, с октября 1924 г. по январь 1927 г. было выдано три таких удостоверения[18].

С момента признания работы удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к магистерским диссертациям, до диспута должен был пройти трехмесячный срок. Однако в некоторых случаях допускались исключения. Так, указанный срок был сокращен для прибывшего из Харбина В.В. Энгельфельда из-за удаленности

---

[13] В дореволюционный период функция утверждения результатов диссертационных испытаний с 1864 г. находилась под юрисдикцией Советов университетов. Сохранение института научной аттестации в эмиграции было тем более символично, что в Советской России он был ликвидирован декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики», а ученые степени и звания отменялись (всем преподававшим в университетах и институтах не менее трех лет присваивалось единое звание «профессор», прочим – «преподаватель») // *Иванов А.Е.* Ученые степени в российской империи. XVIII – 1917 г. – М., 1994. С. 183.

[14] ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 706. Л. 113.

[15] Там же. Д. 809. Л. 156.

[16] Там же. Д. 1007. Л. 78.

[17] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 105.

[18] ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 539. Л. 14–14 об.

его проживания. Было учтено, что его книга заранее поступила в продажу, и научная общественность смогла с ней ознакомиться[19].

Получение степени не гарантировало повышение социального статуса из-за несоответствия русских и иностранных ученых степеней и званий, неопределенности статуса специалиста, защитившего диссертацию в РАГ.

Помимо организации экзаменов, РАС взял на себя разработку содержания, форм обучения, подбор профессорско-преподавательского состава и организацию учебного процесса в вузах, налаживание контактов с местными государственными структурами, зарубежными общественными, политическими деятелями и организациями. Покровительствовавший школьному образованию РЗГК первоначально занимался той же деятельностью. Но со временем в его руках осталось материальное обеспечение школ и содержание стипендиатов в вузах. Если в конце 1920 – начале 1921 г. культурно-просветительный отдел Земгора во главе с Т.И. Полнером пытался решить «спорный и сложный» вопрос о создании типа и программы средней школы[20], то в отчетах конца 1920-х гг. речь шла уже только о субсидировании школьных учреждений[21]. Например, Учебный комитет при Всероссийском союзе городов в Болгарии в 1921 г. ставил задачу не только объединения деятельности всех учебных заведений и культурно-просветительных учреждений, обслуживающих русских беженцев на территории Болгарии, но и выработки программ и учебных планов для русских школ всех типов, действовавших в стране. Комитет мог также заверить свидетельства об окончании курса или указание курса известного класса всех учебных заведений и учреждений, ходатайствовал перед болгарскими властями о предоставлении учащимся в русских школах прав и льгот, коими пользовались учащиеся в болгарских учебных заведениях соответствующих типов[22].

«С целью обеспечить находящемуся за границей русскому юношеству обоего пола возможность получения или продолже-

[19] Там же. Л. 15.
[20] Бюллетень № 2 РЗГК. 15 марта 1921. С. 7.
[21] Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. С. 3–5.
[22] ГА РФ. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 5. Л. 90–90об.

ния образования в высших учебных заведениях Франции и других стран» был учрежден в 1921 г. в Париже Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей во главе с М.М. Федоровым. В него входили общества, учреждения, организации, а также, по особому постановлению Комитета, отдельные лица. Отделения Комитета работали в ряде европейских стран. Комитет изыскивал возможности трудоустройства, вступал в сношения с правительствами, органами городского самоуправления и другими органами публичной власти, а равно с высшими учеными и учебными учреждениями, благотворительными, профессиональными и иными обществами, а также с частными лицами, способными оказать Комитету содействие в достижении его целей в пределах всего российского Зарубежья[23].

Федоров 5 декабря 1922 г. писал Ефремову: «Ввиду почти полного разрушения школы в России именно русская молодежь, выброшенная за границу, доучившись здесь, должна будет восстанавливать Россию из развалин…»[24]. Однако распыление студентов-эмигрантов и детей по многим образовательным центрам Европы и Америки могло привести к ассимиляции, растворению молодежи в странах расселения. Национальные образовательные учреждения призваны были предотвратить этот процесс, способствовать консолидации, подготовке для работы молодого поколения в постбольшевистской России.

Широкое развитие в Зарубежной России получила школьная система. На 1 января 1924 г. в европейских государствах (преимущественно в славянских) насчитывалось 83 русские школы с 6765 учащимися[25]. Местное начальное образование почти всюду было всеобщим и бесплатным, русская инициатива здесь проявилась в создании средних школ. Главной их задачей являлось «дать образование и воспитание в истинно национальном и патриотическом духе на православных началах», «сохранение детей для будущей России»[26]. В странах-лимитрофах с ростом русофоб-

[23] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

[24] Там же. Л. 2.

[25] Зарубежная русская школа 1920–1924. – Париж, 1924. С. 266.

[26] Совещание по борьбе с денационализацией, созванное педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1924. С. 6.

ских настроений число русских школ уменьшалось. В Финляндии росту числа русских школ не способствовало то обстоятельство, что вступительные экзамены в высшие учебные заведения страны проходили на финском или шведском языке по программам финляндских гимназий[27].

В дееспособности национальной системы образования русских за рубежом значительную роль сыграло учительство. Центром объединения русских учителей за рубежом стала Прага. Этому способствовала правительственная политика. В Чехословакии оказалось наибольшее количество педагогов (к 1926 г. – более 200 человек). К сожалению, не всем удалось найти работу по специальности. В 1922 г. здесь начал функционировать Союз русских педагогов средней и низшей школ во главе с В.Н. Светозаровым, который просуществовал до 1935 г. Подобные союзы стали появляться и в других странах. В ноябре 1924 г. преподаватели русских учебных заведений в Болгарии объединились в Союз русских педагогов. Во Франции Русский учительский союз был основан осенью 1925 г. Первый всеэмигрантский педагогический съезд в 1923 г. признал необходимость создания единой организации. Возникло «Объединение русских учительских организаций за границей» с центром в Праге. Тогда же для единого руководства воспитанием подрастающего поколения в зарубежье в апреле 1923 г. было создано Педагогическое бюро во главе с В.В. Зеньковским, просуществовавшее до 1933 г. Оно выпускало «Бюллетени Педагогического бюро», «Вестник Педагогического бюро», помогало организации Дней русской культуры, Дней русского ребенка и т. д. В 1924 и 1925 гг. состоялись II и III всеэмигрантские педагогические съезды. К концу 1927 г. Объединение русских учительских организаций за границей входили русские учительские организации Англии, Болгарии, Германии, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии, Эстонии. До конца своей деятельности (1931 г.) Объединение представляло русских учителей на международных педагогических конгрессах. В Праге Земгором издавался журнал «Русская школа за рубежом». Про-

[27] *Нехорошев Н.И.* Положение русских беженцев в Финляндии // Вестник РНК. 1924. № 10. С. 127.

фессиональные союзы обеспечивали спрос на квалифицированный труд и защиту корпоративных интересов.

Русские высшие учебные заведения были созданы в Праге, Париже, Харбине. Русским Оксфордом называли Прагу, поскольку правительство не просто поддержало, но целиком взяло на себя финансирование русских учебных заведений. Функционирование национальной образовательной системы за рубежом основывалось на российском университетском Уставе 1884 г. Это касалось структуры вузов, перечня кафедр, регламентировавшихся ст. 57 Устава, использования дореволюционных школьных учебных планов и программ. За основу школьных программ были взяты игнатьевские программы 1913–1915 гг. Такой подход должен был обеспечить приобщение к историческим национальным традициям. Вводились также предметы по истории, географии, литературе и языку стран проживания, что являлось одним из условий уравнивания в правах русских учебных заведений с местными государственными. Больше внимания уделялось естественным дисциплинам, способствовавшим адаптации выпускников в инокультурной среде. В результате в гимназиях, готовивших в императорской России учащихся к поступлению в университеты, стали преподавать предметы, прежде входившие в программы только реальных училищ. Активно в гимназию проникало трудовое начало, дабы облегчить выпускникам самостоятельный заработок[28].

Составление школьных программ было в компетенции Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей во главе с В.В. Зеньковским, министерств народного просвещения в соответствующих странах, контролировалось школьным отделом РАС под управлением Е.П. Ковалевского. Актуально отметить, что при понимании необходимости и важности изучения мировой истории, упор делался на историю России. Предложение проф. Р.Ю. Виппера ввести русскую историю в общий курс всеобщей истории встретило возражения Л.М. Сухотина, Л.В. Копецкого и др., аргументировавших свою позицию тем, что в этом случае русская история не составила бы стержня такого курса и не способствовала возрождению чувства Родины[29].

---

[28] ГА РФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

[29] *Копецкий П.* К вопросу о преподавании истории в средней школе // Вестник Педагогического бюро. 1928. № 9. С. 2.

Не менее острые споры вызвала программа преподавания русского языка. На Втором съезде педагогических деятелей средней и низшей школы за границей (1925 г.) предметная комиссия предложила вместо игнатьевского варианта новую программу по родному языку. На русский язык до 8-го класса отводилось по 4 часа в неделю (кроме 1-го). Программа русского языка предусматривала освоение разных стилей письменной речи, объяснительное чтение, анализ прочитанного и его пересказ на уроке[30]. К концу 1920-х гг. стала осознаваться необходимость внесения новых изменений в преподавание русского языка, т. к. формировался психологически иной тип языковой культуры учащихся. Главной задачей становилось развитие правильной литературной речи. Уже в 1926 г. на педагогическом совещании в Софии была отмечена неразрешимая дилемма, которая встала перед русской школой всех ступеней: если она не будет отвечать программам заграничных учебных заведений, то окажется никчемной практически, если ее приспособить к этим программам, то станет непригодной для осуществления своей образовательной цели, т. е. предотвращения денационализации[31].

Вопрос о создании и содержание учебников обсуждался в 1923–1927 гг. на заседаниях Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей и его предметных комиссиях. Первый съезд педагогических деятелей средней и низшей школы (март 1923 г.) обсудил проблему учебников по докладу И.Е. Орешина «Об учебниках и учебных пособиях, необходимых для переиздания и использования в учебном процессе»[32]. К учебникам для детей русских беженцев предъявлялись особые требования. Они должны были не просто содержать необходимые сведения для образования в целом, но и учитывать оторванность детей от отечества, пребывание в иной социальной, национальной, языковой среде.

Была осуществлена обширная издательская программа. Она предусматривала публикацию как новых учебников, так и пере-

[30] Русская школа за рубежом. Кн. 5. – Прага, 1924. С. 118.

[31] Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг. Сб. документов. – М., 1995. С. 83.

[32] Там же. С. 70.

издание учебной литературы, наиболее известной в дореволюционной России. Так, были изданы учебники по физике С.Ф. Балдина; по истории – С.Ф. Платонова, П.Г. Виноградова. Пытались привлечь западноевропейских авторов. Но дороговизна перевода и издания быстро сократили эту деятельность. До середины 1920-х гг. активно поступали книги из Советской России. В 1923 г. было предложено более 100 наименований учебных пособий по математике. В Зарубежье были написаны и изданы учебники уже с учетом новых реалий. Так, появились книги по истории П.М. Бицилли (София), Л.М. Сухотина (Белград), Е.Ф. Шмурло (Прага), Р.Ю. Виппера (Рига) и др. Филологи С.О. Карцевский (Прага), Н.К. Кульман (Париж), С.В. Кузнецов (Харбин), Е.Н. Тихоницкий (Рига) написали учебные пособия по русскому языку. Н.О. Лосский подготовил сборник задач по логике для гимназий. В педагогической среде неоднозначно решался вопрос о взаимосвязи общемировых курсов научных знаний по гуманитарному циклу и российского материала. Журнал «Русская школа за рубежом» в специальном отделе публиковал рецензии на учебники, выходившие как за рубежом, так и в СССР. Издания для вузов готовились под контролем РАГ, но при финансовой поддержке местных правительств, благотворительной помощи. Учебные пособия на русском языке использовались также в вузах государств-лимитрофов. Так, проф. Н.Н. Салтыков в 1923 г. писал, что РАГ в КСХС нуждается в средствах для издания русских учебников. Он подчеркивал, что в стране почти нет учебных книг на сербском языке, на французском – недоступны по своей цене, а немецкие – дороги из-за пошлин. «В Сербии до войны имели распространение германские издания, теперь сербское студенчество проявляет интерес к приобретению русских учебных книг, приобретает даже литографированные издания, и с большим уважением и вниманием относится к преподаванию русских профессоров», – отмечал профессор[33].

Правовой статус образовательных учреждений регулировался соответствующими положениями или уставами, утверждаемыми в государственных и научных инстанциях стран-реципиентов, и

[33] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 69.

зависел от того, кому была подчинена в административном отношении русская школа. Учебные заведения, как правило, работали под патронатом министерств просвещения, либо иностранных дел стран пребывания. Например, высший надзор над Русским институтом сельскохозяйственной кооперации в Праге осуществляло Министерство земледелия ЧСР. Постановление о разрешении особых дополнительных юридических курсов на русском языке было единогласно принято юридическим факультетом Сорбонны и утверждено Советом университета. Так же был создан Институт русского права и экономики[34]. Но содержательная и оценочная сторона образовательного процесса оставалась в руках российских учреждений.

Специализация русских факультетов или высших учебных заведений обуславливалась, во-первых, необходимостью обеспечения национальных интересов, во-вторых, компенсацией профессиональной подготовки по ряду специальностей в Советской России, в-третьих, потребностями самой эмиграции в тех или иных кадрах для поддержания жизнедеятельности зарубежной России. В основе лежала ориентация на возвращение в постбольшевистскую Россию. Поэтому первоначально признание законной силы документов, выдаваемых русскими учебными заведениями, не особенно заботило эмиграцию. Однако с укреплением советской власти вопрос актуализировался. Последнее слово оставалось за местными властями. Так, афинской русской гимназии греческое правительство в 1927 г. особым декретом даровало исключительное право (сравнительно с другими иностранными учебными заведениями, находившимися в Греции) поступления ее воспитанников в Афинский университет им. Каподиастриа[35]. Ряд ее выпускников продолжили образование также в Пражском, Лувенском политехникуме[36]. Русская школа была уравнена в правах с болгарской, югославской, чехословацкой. Так, 16 октября 1922 г. министр народного просвещения КСХС в письме, адресованном Всероссийскому союзу городов сообщил о присвоении русским учебным учреждениям статуса правительственных

[34] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 102.
[35] Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. – Париж, 1930. С. 18.
[36] ГА РФ. Ф. 5781. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

средних школ[37]. Более того, правительства славянских стран в отличие от западноевропейских считали свидетельства и дипломы об образовании, а также научные степени, полученные в России до Февральской революции, имеющими законную силу.

Русские вузы со второй половины 1920-х гг. серьезно озаботились уравниванием дипломов своих выпускников с дипломами местных университетов. Так, открытый Земгором (1925 г.) в Париже Русский коммерческий институт 30 декабря 1926 г. был включен распоряжением МНП в число частных учебных заведений, признаваемых государством, и его воспитанники могли получать официальные дипломы, что облегчало их трудоустройство. С 1926 г. начал работать Франко-русский институт – высшая школа социальных, политических и юридических наук, дипломы которого приравнивались к дипломам французских факультетов. Диплом об окончании Русского высшего технического института в Париже (открыт 4 октября 1931 г.) приравнивался к аналогичным, выдававшимся во французских технических «эколь суперьер». А вот для трудоустройства выпускников Института ориентальных (восточных) и коммерческих наук, открывшегося в 1925 г. в Харбине, достаточно было иметь свидетельство о прослушанных курсах, и диплом о высшем образовании не требовался[38].

Чем дальше отодвигалась перспектива возвращения на родину, тем более актуализировался вопрос о трудоустройстве выпускников как русских вузов, так и стран рассеяния. Осложнения стали ощутимы после 1925 г. с насыщением зарубежного рынка квалифицированного труда. Использовались все возможные пути решения проблемы и, прежде всего, международные связи. Русские представительные организации начали переговоры о трудоустройстве с Международным бюро труда и его директором А. Тома, а также комитетом международной помощи студентам в Европе во главе с Г. Конрадом. Без наличия связей возможности дипломированному инженеру устроиться на работу были ограничены. Административная, судебная, адвокатская, медицинская или во-

---

[37] Там же. Ф. 5771. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

[38] *Павловская М.А.* Востоковедение в Институте ориентальных и коммерческих наук в Харбине (1925–1941 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2000. С. 80–88.

енная карьера, как правило, для русских не натурализованных эмигрантов была не доступна. Но на нее можно было рассчитывать, пройдя через колонии. Многие выпускники бельгийских вузов поехали работать в Бельгийское Конго как, например, доктор Б.А. Корнилов, основавший впоследствии русский Красный Крест в Брюсселе[39]. В Швейцарии подыскивали работу для русских студентов Союз Христианской молодежи, Женский союз. Особоуполномоченный РОКК в Швейцарии Н.А. Касьянов в ходе личных переговоров с Сербской миссией в Берне возбудил вопрос о предоставлении возможности окончившим курс швейцарских университетов русским врачам получить места работы в Сербии[40]. Обострилась ситуация в ЧСР, приглашавшая в начале 1920-х гг. тысячи русских студентов. 1 марта 1925 г. Н.И. Астров писал К.Н. Гулькевичу: «Как Вам известно, в высших учебных заведениях Чехословакии обучается до 4,5 тыс. русской молодежи. Беженская страда вступает в новую стадию. По установленному здесь правилу, студент, оканчивающий курс, получает 500 крон ликвидационных и снимается с иждивения правительства. Нечего и говорить, что никаких надежд устроиться в Чехословакии нет не только для всей массы оканчивающих курс, но даже для отдельных лиц». В том же письме он информировал, что в Праге существует Русский торгово-промышленный комитет, который объединяет представителей организаций, озабоченных судьбой студентов-выпускников вузов, а также представителей академической группы. После весеннего семестра следовало трудоустроить более 300 выпускников различных специальностей – техников, юристов, медиков и др. Их предполагалось направить во Францию. МБТ, которому с 1925 г. перешло попечительство о беженцах, в лице Тома, и верховный комиссариат по делам беженцев, в лице секретаря Джонсона, заключили соглашение с французским министерством труда. Трудность составляли вопросы о визах, будут ли приняты во внимание «профессия и факультет, пройденный ищущим работу» и т. д. Пока решался вопрос об отъезде молодых специалистов во Францию, они нанимались «на

---

[39] Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. – М., 1995. С. 290.
[40] Вестник Российской торговой палаты. – Лозанна, 1920. № 5. С. 46.

земельные и строительные работы, подметальщиками улиц». «Но их и оттуда гонят по требованию коммунистов, – жаловался Астров Гулькевичу 28 мая 1925 г. – Из Франции идут отвратительные вести. Говорят, что министр земледелия взял назад свои обещания»[41].

29 апреля 1927 г. М.Н. Гирс разослал циркулярное письмо своим представителям с просьбой содействовать трудоустройству русских студентов, окончивших вузы ЧСР, в различных европейских странах. В нем, в частности, говорилось: «Лишь в редких единичных случаях им удается получить заработок в Чехословакии, хотя бы даже и в виде физического труда. Для большинства же окончание высшей школы является не радостным событием, а осложнением в жизни, ибо с этим связано автономное прекращение выдаваемого им иждивения. …Правление Союза академических организаций постановило, по словам В.Г. Рафальского, обратиться в Лигу Наций с просьбой о действии, равно как и к президенту САШ Кулиджу, дабы ходатайствовать о включении в русскую квоту хотя бы нескольких десятков лиц, окончивших высшие учебные заведения в Чехословакии»[42].

Трудоустройству выпускников вузов способствовала федерация ОРОВУЗ (Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения), созданная в сентябре 1930 г. в Париже. Председателем ее стал И.Г. Савченко, генеральным секретарем – В.А. Лазаревский. Преследовалась цель защиты академических, правовых, трудовых и культурно-национальных интересов членов объединения, поиск работы, оказание материальной помощи выпускникам вузов, обучение прикладным знаниям и ремеслам, а также координация деятельности подобных союзов в различных странах.

Советское генконсульство в Париже, констатируя рост безработицы во Франции и факт введения 10 %-ой нормы по найму иностранцев «и прочих полицейских строгостей», что затрудняло поиски заработка, в 1932 г. приглашало на работу в СССР членов Союза студентов-граждан СССР во Франции[43].

---

[41] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 29, 30, 32 об.
[42] АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 60. Л. 1–1об.
[43] АВПРФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 22б. Д. 102. Л. 10.

С приходом к власти в Германии Гитлера был принят закон о недопущении детей иностранных евреев в школы, ссылаясь на принцип взаимности. Он вызвал беспокойство российской эмиграции. Юрист А.А. Гольденвейзер назвал эту проблему «капитальнейшей важности» и разослал письма Рубинштейну и Гулькевичу, представлявшим эмиграцию в Лиге Наций, чтобы они постарались не допустить применения этого закона к русским беженцам[44].

С фашистской оккупацией Европы встал вопрос о нострификации дипломов выпускников русских вузов Зарубежья. Например, речь шла о «приравнении лиц, окончивших Русскую высшую школу техников путей сообщения в Праге к лицам, окончившим немецкие высшие учебные заведения», сохранении «ставок и положения, равноценного немецким инженерам», дабы отличаться от «подсоветских инженеров» (остарбайтеров). Так, архитектор Л.С. Лада-Якушевич, заместитель руководителя профессионального союза русских инженеров и техников в протекторате Чехия и Моравия, передал 28 июля 1941 г. В.Л. Остен-Сакену, руководителю профессиональных русских союзов в Германии, 40 прошений о признании звания «дипломированного инженера» и посылал 300 крон на расходы, связанные с нострификацией дипломов русских инженеров из Праги в Берлинском министерстве народного просвещения. В сопроводительном письме он пояснял: «Получение звания “Дипломированного инженера” в настоящий момент приобретает для нас все большее и большее значение, т. к., чем далее, тем теснее происходит совместная работа русских инженеров с немецкими фирмами»[45].

В результате консолидации академического и педагогического сообщества удалось создать единое образовательное пространство российского Зарубежья: общие принципы организации учебных заведений, школьные и вузовские программы, учебники, возможности перемещения учащихся и преподавательского состава из одних стран в другие с более благоприятной конъюнктурой.

[44] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 53.
[45] РГВА. Ф. 1371к. Оп. 1. Д. 2. Л. 341, 127.

Помимо русских вузов, студенты могли получить образование в университетах и политехникумах Европы и США. Если для европейских стран обучение русского студента ложилось тяжелым бременем на бюджеты государственных или муниципальных органов, то иммиграционная политика США вне квоты допускала в страну студентов. Для этого нужно было 1) быть студентом одного из высших учебных заведений в Европе или иметь документы, подтверждавшие окончание среднего учебного заведения, знать английский язык, чтобы быть признанным к поступлению, 2) выбрать вуз и собственноручно на английском языке написать туда прошение о приеме, приложив официальный перевод документов (студенческой зачетной книжки и пр.), 3) получив от высших учебных заведений США уведомление о принятии на соответствующий факультет, следовало с этим документом и студенческими документами обратиться за визой к ближайшему американскому консулу, который, наведя справки и убедившись, что просящий удовлетворяет правилам въезда вне квоты, выдавал визу и рекомендовал к допущению «вне квоты» как студента, 4) заблаговременно известить вуз в США о названии парохода и дне прибытия в порт. Такие разъяснения давал Институт международного образования[46]. Для получения визы студенты предоставляли местному американскому консулу, а также намеченному ими американскому колледжу особый бланк со сведениями о месте рождения, месте жительства на родине, о предполагаемом адресе в США, имена и адрес родителей, попечителей или других лиц, к которым колледж мог бы в случае надобности обратиться, имя и адрес намеченного колледжа или университета, на какой курс наук он желает поступить и когда именно, в каком учебном заведении он окончил курс, время поступления и выхода из него, полученные дипломы и время их получения. К заполненному бланку прилагались фотографическая карточка просителя, составленное по особой форме удостоверение руководства учебного заведения, в котором учился проситель, об успешности его занятий и пройденных им предметах, о том, что он достаточно знает английский язык для продолжения на нем курса занятий,

[46] Студенческие годы. – Прага, 1925. № 3. С. 45.

и что он по медицинскому освидетельствованию (в последние 30 дней перед отъездом) был признан вполне здоровым[47]. Прием в университеты проводился заочно. Временный въезд допускался не более чем на год, но мог быть продлен, если иностранец продолжал быть студентом.

В то время как в Женеве для содержания и обучения одного студента требовалось 150 франков в месяц, в Дрездене – 25[48], студенты, принятые в высшие школы США, могли получать стипендии, правда, их размер был значительно ниже прожиточного минимума.

При участии бывшего российского посла Б.А. Бахметева и поддержке американской деловой элиты в 1920 г. был создан Русский студенческий фонд. Фонд оказывал помощь в получении либо завершении высшего образования русским студентам, молодым американцам, русские родители которых оказались в США. К 1924 г. его содействием воспользовались 94 студента, в 1924/25 учебном году – 100[49]. Условием оказания такой помощи являлась хорошая учеба. 44 % получавших помощь показали «отличную», 33 % – «хорошую», 22 % – «среднюю» и лишь 1 % – ниже «средней» успеваемость[50]. Помимо этого Фонд регулировал численность подготавливаемых специалистов, необходимых экономике России. Большинство студентов были инженерами-электриками, тогда как агрокультура и коммерция не заполняли даже поставленных Фондом квот. Русским студентам усиленно рекомендовалась специализация в области деловой администрации, прежде всего в сфере организации индустрии, банковского дела и пр.[51]. За 25 лет фонд помог 650 русским иммигрантам, обучавшимся

[47] ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 537. Л. 44–44 об. Информационный листок Российского Земско-городского союза помощи российским гражданам за границей № 45. 31 октября 1924 г.

[48] Предварительные расчеты «Союза российских студентов в Германии» показывали, что на содержание одного студента требовалась существенная сумма: комната – 150–200 марок, освещение, отопление – 5, стирка белья – 30, расходы на платье, обувь – 100, право учения – 400–1500 марок в семестр, учебные пособия – 300–800 марок в семестр // ГА РФ. Ф. 5859. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.

[49] Студенческие годы. – Прага, 1925. № 1. С. 46.

[50] *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов второй волны в Америке // Отечественная история. 2003. № 2. С. 112.

[51] Студенческие годы. – Прага, 1925. № 1. С. 46.

в 106 различных колледжах и университетах[52]. В Калифорнийском университете был организован Комитет по изысканию стипендий для русских студентов.

В отличие от Западной Европы, выпускники американских вузов находили работу преимущественно по специальности. В Калифорнийском университете российские студенты предпочитали поступать на факультет горного дела. Его питомцы практически все устроились на высокооплачиваемую работу. К 1937 г. лишь 6 русских закончили философский факультет Калифорнийского университета, пятеро из них защитили докторские диссертации. Некоторые шли изучать славистику, и преуспевали в этом. Однако перспективы были менее благоприятными: их ждала работа в библиотеке, переводчиками, преподавателями, и зарплата была невелика[53]. Положительная социальная мобильность у выпускников вузов США проявлялась более четко, чем у сверстников в Западной Европе. Однако потенциал ученых и студентов из России приумножал интеллектуальную копилку США, и для России оставались потерянными.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ. ВСЕЭМИГРАНТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЪЕЗД

Главную нагрузку по сохранению национального самосознания традиционно несла литература. Так сложилось в отечественной культуре, что она играла важную роль в общественной жизни, несла большой духовный заряд. Считается, что писатели – едва ли не виднейшие русские мыслители и самые одаренные политические деятели. Ушедшие в Зарубежье после социальной катастрофы 1917 г. литераторы не потеряли свое лицо, продолжали играть значительную роль в общественной жизни, и даже «при глубоко идущем политическом разъединении и крайней взаимной нетерпимости» эмиграции смогли объединиться «в местном мас-

[52] *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов… С. 112.

[53] *Батожок И.А.* Русские студенты из Китая в Калифорнии (1920–1923 гг.) // Наука и культура Русского зарубежья. Сб. науч. трудов. СПбГАК. – СПб., 1997. С. 143.

штабе»[54]. На них легла еще одна миссия – сохранение языка – основы русской культуры, национальной идентичности. Наличие массового читателя стало благоприятным фактором развития русской литературы за пределами родины. Однако чтобы развиваться, расширять читательскую аудиторию, надо было ее печатать и переводить на иностранные языки.

В начале 1920-х гг. разделения на две литературные России не чувствовалось, общие корни давали о себе знать. Трибуной писателей различных общественно-литературных ориентаций, равным образом советских и эмигрантских, известных и второстепенных стал журнал «Русская книга» (с 1922 г. «Новая русская книга», издатель А.С. Ященко). Но уже к концу 1922 г. стало ясно, что сохранить нейтралитет и объединить две литературы невозможно. Отстаиваемые журналом принципы беспартийности и единства русской литературы «на обоих берегах» не оправдали себя. Образовалось «два рукава русской литературы», как писал И. Тхоржевский[55].

Первоначально литературным центром эмиграции стал Берлин. 1921 г. здесь был образован «Дом искусств», проводивший литературные вечера, а годом позже, в противовес ему, – «Клуб писателей» по образцу Петроградского. После литературных скандалов 1922–1923 гг., отъезда писателей, порвавших с эмиграцией (Толстого, Соколова-Микитова, Василевского и др.) литературный Берлин опустел. В 1924 г. писательница Н. Петровская отметила: «Берлин сейчас – это дно обмелевшей (литературно) реки. Люди выскребли все, что можно, и больше нечего взять. Из 33-х издательств осталось три!!.. Берлин – это хуже лагуны Венецианской теперь»[56]. Литературную пальму первенства перехватил Париж. Сюда съехалось большинство писателей, здесь они нашли не только поддержку, но и признание. Значительного успеха достигали те, у кого книги выходили на французском языке. С 1926 г. функционировал «Клуб русских писателей в Париже» с целью «дать возможность молодежи приобщиться к культурным тради-

---

[54] *Струве Г.* Русская литература в изгнании. – Париж–М., 1996. С. 138.

[55] *Тхоржевский И.* Русская литература. Изд. 2-е. – Париж, 1950. С. 531.

[56] *Письма Н.И.* Петровской к О.И. Ресневич-Синьорелли // Минувшее. Исторический альманах. № 8. – М., 1992. С. 128.

циям и по возможности удовлетворить тех, кто стосковался по русской культуре». Прага дала убежище на долгий или краткий срок множеству русских писателей и публицистов. И даже окончательно переселившись в страны Западной Европы, многие из них продолжали получать материальное пособие чехословацкого правительства. Эти пособия выдавались благодаря деятельности Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии (1922–1933). В рамках «русской акции» Комитет субсидировался правительством ЧСР. Субсидии выдавались на правах беспроцентной ссуды, которую литераторы обязывались возвратить «после того, как в России установятся возможности нормальной работы», т. е. после падения советской власти. В конце 1920-х гг. приветило литераторов КСХС.

Расцвет литературного творчества эмиграции, по наблюдениям литературоведов, приходится на рубеж 1920–1930-х гг., на своего рода «замечательное семилетие» между первыми заседаниями «Зеленой лампы» (1926 г.) и присуждением Бунину Нобелевской премии (1933 г.). «Зеленая лампа», названная так в память о литературно-политическом обществе пушкинской поры (1819–1820), стала самым оживленным литературным центром. Ее заседания проходили еженедельно под патронатом Мережковского и Гиппиус в их доме № 11-бис по улице Колонель Бонне в Пасси, фешенебельном районе Парижа. Новый человек, прежде чем попасть на них, проходил тщательную проверку на «глубину», талантливость и оригинальность своих взглядов по общественным, религиозным вопросам. «Чаем и угощением» бессменно заведовал В.А. Злобин. На собраниях «Зеленой лампы» речь шла о литераторах старого поколения, о которых не знали молодые писатели и которым были посвящены создаваемые в 1920-е годы воспоминания Гиппиус «Живые лица». Примерно раз в месяц заседания проходили в зале Русского торгово-промышленного Союза, где собиралась аудитория в несколько сот человек. Последнее обсуждение состоялось 26 мая 1940 г.

Революция увела из России наиболее крупных писателей. И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, И.С. Шмелев, М. Алданов и многие другие оказались по другую сторону рубежа. Наиболее читаем и почитаем

был Куприн, завоевавший признательность своими старыми вещами. Бунин в годы эмиграции получил признательность во всей Западной Европе. Критики, правда, не находили единодушия в оценке таланта нобелевского лауреата (1933 г.). Его произведения были переведены на 19 языков, включая эсперанто, еврейский, турецкий, китайский. Несколько уступал Бунину и Куприну по количеству переводов и по степени популярности среди западных читателей Мережковский. Следом за интеллектуалом Мережковским шел Шмелев, «пишущий сердцем», и интерес к которому в западной публике все возрастал. Его переводили на французский, немецкий, английский, чешский, голландский. Однако дореволюционные произведения писателя оставались неизвестны на Западе, в то время как переиздавались в СССР.

Писатели активно участвовали в общественной деятельности и откликались на нужды эмиграции, писали воззвания в пользу студентов, детей, больных, инвалидов, артистов, организовывали благотворительные выставки, доклады по русской литературе и пр. С творческой точки зрения, эмиграция обострила национальные чувства, поэтому изображение России выиграло в художественности. Эмигрантские писатели больше дорожили связями с традициями русской литературы XIX в., чем искали новые берега. Хотя за рубежом развивались и модернистские направления (которые в большей степени были представлены в прибалтийских странах, например, в Эстонии). Литературному консерватизму эмиграции немало способствовало то, что признанные самыми крупными эмигрантские писатели – Куприн и Бунин – принадлежали и в России к самым правым литературным группировкам, всегда сторонились новшеств и более стремились к совершенствованию достигнутого, чем к открытию Америк. Это не значило, что они остановились в развитии. Писатели старого поколения искали новых способов выражения, новой литературной формы. Пребывание на Западе обогатило русских эмигрантских писателей новыми темами и сюжетами. Некоторые писатели перешли на иностранные языки в своем творчестве. В.В. Набоков писал, что, если в России талант не спасает, то в эмиграции спасает только талант. Сам он до переезда в США в 1940 г. писал по-русски. Все его довоенные издания к этому времени были закончены

и изданы, в кармане лежало приглашение читать летний курс лекций в Америке, а в столе – первый законченный роман на английском языке «Истинная жизнь Себастьяна Найта».

В 1925 г. возник Союз молодых поэтов и писателей в Париже. Молодежь проходила хорошую школу, посещая собрания «Зеленой лампы» под критическим оком Гиппиус, группировалась около И.И. Фондаминского, организатора общества «Круг» (1936), встречалась в кафе на бульваре Монпарнас или в убогих комнатах отелей, где вела по ночам споры о том, «чем должна быть поэзия», «как надо писать» и т. д. С молодыми поэтами-эмигрантами считались, каждый месяц выходил сборник стихов (правда, чаще всего за свой счет, редко за счет чудака-мецената), который подвергали обстоятельному разбору в «Возрождении» В. Ходасевич, в «Последних новостях» – Г. Адамович.

Литературная среда была многочисленна, организованна, что, конечно, не означало отсутствие разногласий, споров, противоборства. В Париже уже в 1920 г. образовался Союз русских литераторов и журналистов[57]. К 1928 г. было создано еще четыре подобных объединения: в Берлине (1920 г.), Праге (1921 г.), Белграде (1925 г.), Варшаве. Они ставили цель – объединение на профессиональных началах для улучшения своего материального и правового положения, содействия культурной работе и для защиты профессиональных интересов деятелей российской печати.

В мае 1928 г. в Белграде начало работу Оргбюро Первого съезда русских эмигрантских писателей и журналистов. Инициативу и подготовку проведения всеэмигрантского литературного съезда не случайно взял на себя белградский Союз русских писателей и журналистов[58]. Союз стал «центром здорового национализма, проповедником русской национальной идеи, той идеи, которую отняла у народа большевистская власть одновременно с

---

[57] Сначала товарищем председателя Союза был избран И.А. Бунин, о чем писатель узнал из газет и, конечно, отказался от «поста», поскольку П.Н. Милюков даже не удосужился с ним согласовать этот вопрос. Товарищами председателя стали И.С. Шмелев и В.М. Зензинов.

[58] Союз активно откликался на события в русской эмиграции: приветствовал И.С. Шмелева с 60-летием, направил поздравление И.А. Бунину по поводу получения Нобелевской премии и т. п.

уничтожением свободного русского слова»[59]. Как писал Шмелев, на фоне всей Европы выделялась «одна страна – не из великих держав! – одна христианская страна, была малая Сербия». Дочь Куприна утверждала, что ориентация на идею славянского единства подвигла короля Александра и югославское правительство поддерживать тех эмигрантов, кто в Королевстве не жил, принять на себя духовное покровительство в отношении русских писателей и журналистов, финансировать проведение съезда.

В сентябрьские дни 1928 г. на вокзал в Белграде стали прибывать литераторы. Они сразу почувствовали местное радушие. Особенно тепло приветствовали Куприна и Б.К. Зайцева. Городское управление призвало население оказывать особое внимание и предупредительность к «дорогим русским гостям», обеспечило бесплатный проезд в трамвае и автобусах, а министр путей сообщения – по территории всего Королевства. Были вывешены национальные флаги, что подчеркивало торжественность момента. Расселили писателей и журналистов в только что выстроенном на средства короля уютном и комфортабельном студенческом общежитии. А.А. Яблоновский в те дни писал, что приехали они в одиннадцатом часу вечера. Однако вместо отдыха пришлось ехать в ресторан, чтобы не обидеть гостеприимных хозяев, отведать замечательной дунайской стерляди, встретиться с соотечественниками.

25 сентября 1928 г. в 11.00 в актовом зале Белградского университета состоялось открытие съезда русских писателей и журналистов за рубежом, собравшего 111 участников. О значимости каждого из представленных на съезде местных союзов говорит численность делегатов с правом голоса: от Парижа – 39, от Праги – 16, от Берлина – 10, от Белграда – 8, от Варшавы – 5. Аудитория вмещала 1,5 тыс. человек. Пригласительных билетов роздано – 2 тыс., но удовлетворить всех желавших присутствовать на церемонии не удалось. Председательствовал в почетном президиуме старейшина писательского цеха 84-летний В.И. Немирович-Данченко (брат советского режиссера). На торжественном открытии

---

[59] На страже России. 1925–1935. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. – Белград, 1935. С. 6.

он выступил с докладом «О значении и задачах съезда». Приветственное слово произнесли министр народного просвещения М. Гроль, председатель белградской общины К. Куманудь, председатель Державной комиссии А.И. Белич, епископ Досифей, ученик В. Соловьева, начальник управления по делам российских эмигрантов В.Н. Штрандтман, сербская писательница Богданович и др. В ответ речь произнес Яблоновский: «Мы все знаем, все чувствуем, что за нашей спиной стоит тень Великой России. …Это нам, русским эмигрантам, выпала на долю страшная задача – говорить за Россию и требовать прав для нашей обездоленной родины. Это нам судьба указала сохранить во всей чистоте великие традиции русской литературы и честные заветы свободного русского слова»[60].

Программа съезда была обширна и многообразна. Было заслушано 17 докладов по 11 темам, большей частью касавшимся организационных основ литературной жизни, а также о деятельности местных организаций[61], положении русской прессы в Париже (К.К. Парчевский), в Подкарпатской Руси (Фенцик), в Латвии (М.И. Ганфман).

Первым в повестке дня стоял доклад «О положении вопроса защиты авторского права на местах и о практике перепечаток русских авторов»[62] (С.В. Завадский, В.Н. Челищев), далее обсуждались вопросы о правовом положении русских писателей и журналистов за границей (доклад заболевшего П.И. Звездича прочитал А.А. Боголепов), о создании Литературного фонда (подготовленный Шмелевым, не прибывшим из-за болезни на съезд, доклад также был зачитан), литературной этике и защите профессиональной чести (С.П. Мельгунов), о положении советской печати и т. д. Шмелев предлагал объединить все союзы зарубежных русских литераторов и создать общий литературный фонд, в который

---

[60] Русские дни в Белграде // Возрождение. – Париж, 1928. 1 октября.

[61] От берлинского Союза – Н.М. Волковысский, варшавского – С.М. Кельнич, парижского – В.Ф. Зеелер, белградского – А.И. Ксюнин, пражского – Н.М. Могилянский.

[62] Проблема нарушения авторских прав являлась для И.С. Шмелева не просто актуальной, но болезненной. В 1928 г. до него дошли сведения о том, что, нарушая его авторские права, в СССР сняли фильм по «Человеку из ресторана». Шмелев возмущенно выступил в печати. Его поддержали П. Пильский, К. Бальмонт. См подробнее: *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. – М., 2007. С. 238–239.

должен отчисляться определенный процент с заработка всех его участников. Оживленные прения вызвал доклад Мельгунова, призвавшего к созданию судов чести и третейских судов как органов защиты журналистской этики. Эмигрантские литераторы, декларировавшие в качестве объединяющей их идеи свободу слова и печати, осудили тройной прессинг советской цензуры: партийной, правительственной и «самоцензуры», т. е. самокритики самих писателей.

Съезд совпал с международным конгрессом по защите авторского права (Белград, 27 сентября 1928 г.). Из юристов, представленных в большом числе на съезде, была создана комиссия (Ф.В. Тарановский, М.П. Чубинский, Завадский, В.Ф. Зеелер, В.Н. Челищев, Н.М. Могилянский, С.И. Варшавский), которая разработала основные положения по защите прав с учетом особого статуса русских писателей-эмигрантов и представила конгрессу. Участники подчеркивали общечеловеческое культурное значение работы русских писателей за границей, а потому призвали защищать права русских авторов независимо от того, чьими подданными они являются, в каком месте живут и где появилось то или иное произведение, не взимать с них, в виде исключения, при спорах крупные денежные залоги и уравнять во всем с авторами той страны, в которой живут[63].

1 октября состоялось закрытие съезда. Последним актом стала отправка приветственных телеграмм отсутствующим по болезни Шмелеву и Струве и телеграммы с пожеланиями выздоровления Милюкову. Съезд стал большим событием в жизни Сербии: ему сопутствовали литературные вечера (один из них посвящался 100-летнему юбилею Л.Н. Толстого), встречи с читателями, с сербскими женскими обществами, с русской и югославской студенческой молодежью, приемы на уровне королевского двора. Король Александр принял всех участников съезда 27 сентября, каждый из которых был ему представлен. Прием проходил с концертом Дебюсси, Рахманинова, Рубинштейна. Позже состоялась встреча короля Сербии с 14 русскими писателями, награжденными высшими орденами страны Св. Саввы. Орден Св. Саввы 1 ст. полу-

[63] На страже России. 1925–1935. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. – Белград, 1935.С. 67.

чили В.И. Немирович-Данченко и Мережковский[64], 2-й ст. – Е.Н. Чириков, Куприн, Гиппиус, Зайцев, Е.В. Спекторский, 3-й ст. – Яблоновский, В.В. Руднев, А.А. Боголепов, Могилянский, Варшавский, С.М. Кельнич, А.И. Ксюнин, 4-й ст. – К. Бельговский, Н.М. Волковысский, Е.А. Жуков. Как писала дочь Куприна, прием был очень теплый. Она же привела рассказ одного из участников: «Как-никак ведь это единственный король в Европе, который просто, по-человечески заинтересовался нашей судьбой, захотел с нами познакомиться, поговорить, посмотреть на нас поближе, позвать к себе чай пить. До этих пор иностранцы – большие и маленькие – говорили с нами только о визах, о нансеновских паспортах, о праве на жительство и о более или менее срочном выселении из пределов…». Приветствуя Немировича-Данченко, король произнес: «Вы – живая история Сербии. Вы ведь были добровольцем в сербо-турецкую войну?»

Белградский съезд русских писателей и журналистов привлек внимание в мире, и в особенности в Советском Союзе, к русской зарубежной литературе как к новому общественному явлению. Советские писатели и поэты, собравшиеся в столице на съезд «красных редакторов», признали значение заграничного съезда (Д. Заславский, Д. Бедный), хотя награждение писателей, их прием у короля вызвали бурю возмущения в Москве. Газета «Правда» посвятила его работе редакционную статью «Русские писатели».

Хроникеры называли сентябрь 1928 г. «русскими днями в Белграде». Писатели и журналисты съехались сюда сразу после съезда русских ученых. Интеллигенция за рубежом увидела в этом знамение, что россияне собрались с тем, чтобы объявить всему миру, что храм русской культуры разрушен, но не уничтожен, что не утрачена их творческая мощь, энтузиазм, живой дух. Шмелев говорил, что «белградский съезд – это величайшее из событий русских за этот десяток лет российского исхода на миро-

[64] В.Н. Бунина 7 октября в дневнике записала: «Были вчера у Мережковских. Оба сияют и довольны. Вероятно, денег привезли больше, чем ожидали. Ордена красивые. И Д.С. все повторял, что кроме него такой орден только еще у одного сербского писателя, а про Немировича и не упомянул» // Устами Буниных. Дневники. В 3 т. Т. 2. – Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 183–184.

вое поприще»[65]. В память о съезде белградский союз русских писателей и журналистов организовал скромный музей.

Съезд объявил о создании Зарубежного союза русских писателей и журналистов, объединившего до 600 членов. Было постановлено собирать съезды один раз в два года. Выбрали Совет союза (который должен был располагаться в Париже) во главе с председателем – Яблоновским) и Правление (местом пребывания которого стал Белград, председатель – Тарановский). В резолюции, принятой съездом, говорилось о необходимости охранять неприкосновенность великих духовных ценностей, которые эмиграция вывезла из России, чтобы выполнить почетную обязанность и передать эти ценности грядущей свободной России. Практическим итогом съезда стало создание при Сербской АН особой издательской комиссии, которая стала выпускать ранее не издававшиеся произведения писателей-эмигрантов – Бунина, Куприна, Зайцева, Мережковского, Шмелева, Ремизова и др., а также серию «Детская библиотека». Данная акция имела огромное значение в условиях сокращения количества эмигрантских издательств в Западной Европе и в свете того обстоятельства, что на родине в справочно-библиографическом издании Академии художественных наук «Писатели современной эпохи» 1928 г. ни одно из этих имен не было упомянуто[66].

В пропаганде русской литературы в особенности и культуры в целом огромную роль сыграли празднования Дней русской культуры (ДРК). Их значение в жизни всей эмиграции трудно переоценить. Ежегодно русские люди за рубежом получали возможность продемонстрировать богатство и достижения мощного культурного пласта, накопленного российской историей. Население стран всех континентов знакомилось, глубже узнавало русскую литературу, театр, музыку и т. д. Росло ощущение духовного единения в рассеянии сущих, а также осознание ими своей национальной принадлежности.

В центре празднований стояло имя А.С. Пушкина. Впервые праздник отмечался как «День русского просвещения» в Эстонии

---

[65] На страже России. 1925–1935. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. – Белград, 1935. С. 62.

[66] *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. – М., 2007. С. 240.

в 1924 г. и был приурочен к 125-й годовщине со дня рождения поэта. В марте 1925 г. правление Союза русских академических организаций за границей, Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы, Объединение русских учительских организаций, Объединение русских эмигрантских студенческих организаций Праги и РЗГК выступили с обращением «К русским людям за рубежом» об устройстве ежегодного ДРК: «Мы обращаемся к местным русским ассоциациям, обществам и группировкам с призывом организовать ежегодный “День русской культуры” как средство объединения всех русских. Мы предлагаем выбрать дату 8 июня (26 мая старого стиля) для этого праздника – день рождения Пушкина, который более других оставил отпечаток своего гения в языке русского народа»[67]. Это воззвание, изданное тиражом 1000 экземпляров, было разослано во все страны русского рассеяния, напечатано почти во всех русских газетах и получило широкое распространение. Инициативу поддержали, и празднование ДРК в 1925 г. состоялось в 13 странах. С тех пор этот День, вплоть до начала Второй мировой войны (возродившийся в 1947 г. был намного скромнее), стал всеобщим русским национальным праздником культуры, объединяющим эмиграцию. С 1931 г. в Париже стали устраиваться ДРК для юношества и детей. Они посвящались императору Александру II, композитору М.П. Мусоргскому, писателям Пушкину, Н.В. Гоголю, М.Ю. Лермонтову, Ф.М. Достоевскому, русскому народному творчеству, Родине-матери, Волге и др. Последний из них состоялся в 1939 г., объединив все молодежные организации.

Активную роль в подготовке и пропаганде ДРК играли А.Л. Бем, П.Д. Долгоруков, Е В. Спекторский, П.Б. Струве, Н.А. Цуриков, избранные в состав совместных комиссий по организации ДРК в феврале 1925 г. Подобные комиссии создавались на местах. Велась широкая пропаганда. В 1927 г. Педагогическое бюро обратилось к известному художнику И. Билибину, и им была исполнена специально ко ДРК художественная открытка с изображением России и текстом из М.В. Ломоносова. Открытка была издана в Риге. Тогда же был объявлен конкурс на лучшую скульптуру

[67] На чужой стороне. 1925. № 10. С. 306.

Пушкина. Жюри одобрило изваяние поэта в натуральную величину, исполненное А.С. Головиным (кстати, упаковка и пересылка скульптуры стоила 4,5 доллара)[68].

К 1927 г. сложились традиции проведения праздника, для координации работы местных комитетов создавался Центральный комитет ДРК под председательством В.А. Маклакова, в который вошло более 30 культурно-просветительских организаций и учреждений. Русские журналы выпускали к празднику специальные номера для детей и взрослых[69].

Праздник, собиравший тысячи человек, начинался торжественным богослужением, утром и днем проводились спектакли для детей, гуляния в садах и парках, литературно-музыкальные вечера, шли драматические, оперные и балетные спектакли, читались стихи. На торжественном заседании первый доклад посвящался русской культуре, второй – А.С. Пушкину. С 1928 г., т. е. со 100-летней годовщины со дня рождения Л.Н. Толстого[70] в эти дни стали отмечать юбилейные даты текущего года.

В отчете за 1927 г. указывалось, что в Праге, Берлине, Париже, где программы празднования ДРК были перенасыщены разнообразными научными докладами и лекциями, речи о значении русской культуры пользовались меньшим успехом, чем в прежние годы. Всех заинтересовали вечера с чтением произведений русских писателей, исполнением музыки, спектаклей, демонстрацией на экране видов русских городов, или чисто народные праздники (как в Эстонии). Для русских этот день служил «толчком для пробуждения национального самосознания». Один из русских мальчиков, выходя с праздника, воскликнул: «Как хорошо быть русским!»[71]

---

[68] День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага, 1927. С. 18.

[69] *Кузина Г.А.* Значение «Дней русской культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура Российского Зарубежья. – М., 1995. С. 52.

[70] См.: *Лосский Н.* Л.Н. Толстой как художник и мыслитель // Современные записки. – Париж, 1928. Кн. 37. С. 234–241; *Толстая-Попова Анна.* Дедушка Лев Николаевич (Воспоминания внучки) // Там же. С. 242–274; *Маклаков В.* Толстой – как мировое явление (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого) // Там же. 1929. Кн. 38. С. 224–245 и др.

[71] День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага: Изд-е Педагогического Бюро, 1927. С. 5–7.

Имя Пушкина на долгие годы оставалось неоспоримым символом духовного единства, а русский язык – атрибутом национальной принадлежности. Подготовка и проведение ДРК стимулировали поиск новых исследовательских перспектив, развитие литературоведения, будили интерес к русской литературе, активизировали публикацию и перевод на разные языки сочинений русских писателей. Например, в ЧСР вышли сочинения А.С. Пушкина в чешских переводах под редакцией А.Л. Бема и Р.О. Якобсона. Первый том составила лирика в переводе чешского поэта П. Кржички.

А.В. Карташев в речи, произнесенной 9 июня 1925 г. в Сорбонне, отметил: «Слишком долго затянулось наше скитание по чужим дворам. Тем яснее становится сознание, что нам нужно собраться около наших светочей, наших очагов… Солнце нашей русской поэзии А.С. Пушкин всех нас греет, всех притягивает. Он выковал одно из чудес истории – наш свободный, великий русский язык. Этот язык есть залог нашего бессмертия»[72]. Ту же мысль поддержал В.А. Маклаков в 1926 г., говоря о русской культуре и А.С. Пушкине: «…нам стал нужен национальный праздник России; нужен как символ, что Россия жива, хотя и запрещено ее имя; как символ того, что мы не только беженцы с паспортами Нансена, но граждане родины, которую у нас не отняли и не могут отнять никакие декреты; что, несмотря на все разномыслие… есть нечто, что выше всего, что соединяет нас между собой и с теми, кто остался в России»[73].

На праздновании ДРК в 1927 г. А. Черный обратился к значению книги в воспитании национального самосознания у русских детей, оказавшихся в эмиграции. В статье «Наши дети», опубликованной в «Возрождении» он писал: «России наши дети не видали и не знают. …Путь один – русская книга»[74].

---

[72] День русской культуры. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году / по поручению Педагогического Бюро составил Н.А. Цуриков. – Прага, 1926. С. 28.

[73] *Маклаков В.А.* «Русская культура и Пушкин». Речь в день празднования «Дня русской культуры» в Париже 6-го июня 1926 г. в Сорбонне // *Маклаков В.А.* Речи судебные, думские и публичные лекции, 1904–1926 / с предисл. М.А. Алданова. Издание юбилейного комитета, 1869–1949. – Париж, 1949. С. 217.

[74] День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага, 1927. С. 13.

Беспрецедентно широко отмечала русская эмиграция 100-летие памяти Пушкина в 1937 г. Культурная акция прошла в 42 странах, 231-м городе мира. Еще в конце февраля 1935 г. в Париже был образован специальный «Пушкинский комитет» под председательством Маклакова. В президиум комитета вошли Бунин, Милюков, Федоров, Г.Л. Лозинский (секретарь). При поддержке парижского комитета для подготовки пушкинского юбилея в разных странах возникло более 150 местных комитетов. Из Парижа им высылались примерные программы, литературные материалы, партитуры опер, ноты романсов. В помещении Пушкинского комитета целый шкаф был заполнен изданиями, посвященными юбилею.

Подготовка к празднованию велась в изменившихся по сравнению с 1920-ми гг. условиях. К середине 1930-х гг. длительное изгнание привело к распаду общественно-политической жизни эмиграции. Ряд газет и журналов закрылись из-за недостатка средств. Призрачность, обреченность эмигрантского существования ощущались с особым трагизмом и безысходностью. В этих условиях только культура, духовный труд уберегал эмиграцию от окончательного распада. Комитеты по празднованию пушкинского юбилея занялись не только подготовкой ДРК, но и организацией выставок и изданием книг и брошюр. В Париже под редакцией Н.К. Кульмана было издано полное собрание сочинений Пушкина, которое продавалось по особо низкой цене и разошлось в очень большом количестве по всему Зарубежью. Под редакцией М.Л. Гофмана вышел специальный однотомник Пушкина, «безупречный по тексту и изящный по внешности». Л.И. Львов выпустил «Парижские отклики на смерть Пушкина». Местные комитеты к юбилею также издали много литературы.

Пушкинский комитет подготовил специальную газету на двенадцати страницах с публикацией статей, посвященных поэту. Редактором этого выпуска был Кульман. Одновременно независимо от Пушкинского комитета правая газета «Возрождение» выпустила свой специальный пушкинский номер, опубликовав своих постоянных авторов: Зайцева, Шмелева, Мережковского и др.

В Париже, по инициативе С.М. Лифаря, прошла выставка «А.С. Пушкин и его время», в основу которой легла Дягилевская коллекция. Прекрасную афишу выставки нарисовал известный французский писатель Жан Кокто. На открытии 16 марта присутствовали дипломаты, литераторы, министры. Здесь демонстрировались подлинные рукописи, личная печать Пушкина, пистолеты Дантеса, привезенные для дуэли, картины, мебель, фарфор пушкинских времен, 11 писем Натальи Николаевны к мужу (которые в 1989 г. вернулись в Россию). Некоторые предметы, принадлежавшие поэту, Лифарь приобрел у его внучки, Е.А. Пушкиной-Розенмайер, жившей некоторое время в Южной Африке у родственников мужа.

Отзывы о выставке были восторженные. А.Н. Яхонтов писал Лифарю: «Действительно совершено чудо. …Должен сказать, что давно не испытывал и не надеялся испытать в подневольном изгнании такого полного русского культурного наслаждения которое я испытал из изучения каталога и приложенных снимков. Под горячим первым впечатлением берусь за перо, чтобы принести Вам низкий поклон за достойное величие памяти Великого Поэта». Сделанное Лифарем автор письма назвал подвигом «воссоздания из пыли того неизмеримого по своей ценности объединяющего духовного мира, которым, в нашем разобщенном и разрозненном заграничном быту является для русских людей Пушкин»[75].

18 февраля состоялось чествование Пушкина представителями африканской общины Парижа. Среди них был известный гвианский поэт, один из основателей негритюда, Л. Дама. М.И. Цветаева выступила с собственными переводами стихов Пушкина на французский язык. Прошли торжественные собрания в Белграде, Праге, Варшаве, Софии. Широко отмечался пушкинский юбилей в США: в Нью-Йорке, Филадельфии, Питсбурге, Бостоне, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других городах.

Активно готовилось к пушкинским дням Объединение бывших воспитанников императорского Александровского лицея.

---

[75] Музей военной истории в Брюсселе. Фонд Императорского Александровского лицея. XVI (2)–3.

В 1937 г. в Париже было возрождено лицейское Пушкинское общество, существовавшее с 1899 г. в Санкт-Петербурге. Была создана музейно-историческая комиссия, затем музейно-архивный фонд. 15 марта состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный Царскому Селу. На вечере выступали Куприн, Милюков, М.А. Оцуп. Стихи читали Н.Н. Берберова, А.П. Ладинский и другие.

Чествование Пушкина сочеталось с активной просветительской деятельностью. Так, Шмелев в мае 1937 г. приехал в ЧСР и принял участие в торжественном вечере, состоявшемся в Большом зале городской библиотеки. Он выступал и в Париже, в Сорбонне на торжественном собрании, завершавшем пушкинские дни, с более чем часовой речью о Пушкине. Зал рукоплескал ему. В однодневной газете «Пушкин. 1837–1937» было опубликовано шмелевское «Откровение», написанное 25 января 1937 г., и в журнале «Иллюстрированная Россия», одним из членов редакционного комитета которого являлся Шмелев, – его заметка «Вещий». Их объединяла одна идея: «Есть у народов письмена – откровения. В годины поражений и падений народы через них находят себя: в них воскрешающая сила. / У нас – свое откровение, свой Вещий, – Пушкин. Говорить о нем трудно. Что скажешь о любви, о солнце! Пушкина надо внять, сердцем. Словами можно лишь намекать на откровение в нем для нас. / Если бы нас спросили, о самом главном, – “чего хотите?” – вся Россия сказала бы: “себя, самостоянья своего!”, “Самостоянье” – Пушкина слово. Россия не может изменить завету: сама положила его себе – Пушкиным: “Два чувства дивно близки нам – в них обретает сердце пищу – любовь к родному пепелищу. Любовь к отеческим гробам”. / Этот завет – основы национальной жизни»[76].

---

[76] *Шмелев И.С.* Вещий // Иллюстрированная Россия. Пушкинский номер 1837–1937. 1937. № 7 (613). 6 февраля.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО, МУЗЕИ, БИБЛИОТЕКИ, АРХИВОХРАНИЛИЩА

Развитие русской литературы в Зарубежье, публицистическая активность, наличие массового читателя стали основой для создания широкой сети русских издательств, газет, журналов, библиотек. Первенство литературных публикаций принадлежало периодической печати. Появились прекрасные эмигрантские журналы – литературные, литературно-политические.

В первой половине 1920-х гг. центром издательской эмигрантской деятельности являлся Берлин. К 1924 г. Союз русских издателей в Германии насчитал здесь 87 издательств из общего числа 130 во всей эмиграции. Берлинские издательства – «Слово», «Геликон», «Скифы» и др. – выпускали 145 наименований газет, журналов, альманахов и т. п. Любопытно, что на русском языке литературы выходило больше, чем на немецком. Когда берлинские издательства исчерпали себя, эстафету подхватил Париж, а вслед за ним – Белград. Белградское издательство «Издательская комиссия» в рамках трех изданий («Русская библиотека», «Библиотека для юношества», «Детская библиотека») выпустило более 60 книг на русском языке[77]. Русские издательства существовали и в других странах[78]. Так, в Эстонии недолго просуществовали «Кольца» (Таллинн), «Альфа» (Тарту).

Среди эмигрантских газетно-журнальных изданий на первом месте стояли литературно-политические журналы, на втором – литературно-художественные, на третьем – специальные. 90 % их выходили на русском языке, 5 % на украинском и белорусском. Книг в это же время было издано до 7 млн. экземпляров. Из них по литературе и искусству – 1653 наименования, детской литера-

[77] *Джурич О.* Шестьдесят лет Русскому Дому имени имепратора Николая II в Белграде (1933–1993) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 60.

[78] Подробнее см.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008.

туры – 273, по истории – 303 (главным образом, по истории революции и гражданской войны), философско-религиозных сочинений – 146, по социальным наукам – 428, естественным и прикладным – 655, учебников и словарей – 171[79]. В 1933 г. С.П. Постников информировал Е.Д. Кускову о том, что с 1918 г. за границей вышло 1005 наименований журналов и около тысячи газет. К этому времени Русский заграничный исторических архив (РЗИА) получал по 200 газет и журналов[80].

Большой популярностью пользовались выставки «Русская книга за рубежом», которые проводились в разных странах. Примечательна деятельность «Общества друзей русской книги в Париже» (1925) – единственной в эмиграции организации, объединявшей библиофилов. В журнале «Временник», издаваемом Обществом, С.Р. Минцлов опубликовал список библиотек, архивов, художественных коллекций, погибших в России во время мировой войны, революций, разгрома крестьянами барских усадеб. Вышло всего четыре номера журнала, последний из которых в 1938 г.

В Зарубежье шла повседневная методичная работа по созданию пространства исторической памяти. В процессе жизнедеятельности эмиграции, ее просветительской работы возникали большие и малые библиотеки, накапливался культурный пласт, который неизбежно должен был осесть в архивах и музеях. И чем явственнее осознавалась нелепость «сидения на чемоданах», тем актуальнее становилась задача его сохранения, создания собственного книжного, архивного и музейного хранилища, где сосредоточились бы материалы не только по истории эмиграции, но и России в целом. Уже в 1920 г. в Белграде возникла Русская публичная библиотека. Свой богатый фонд (52 тыс. книг) она разместила в здании Королевской сербской академии наук. По своему значению и масштабам белградская библиотека являлась второй после библиотеки им. И.С. Тургенева в Париже, которую писатель основал задолго до эмигрантского исхода «первой волны». При ней постепенно сформировался русский архив из эпистолярного наследия россиян-эмигрантов. К началу Второй мировой

---

[79] *Аргунов А.* Литературно-издательская деятельность эмиграции // Свободная Россия. 1924. № 3. С. 175.

[80] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 57. Л. 28.

войны он обогатился трудами ученых, проживавших не только в Белграде, но и других европейских городах. Если во время войны библиотека оказалась разорена, то архив остался нетронутым и в послевоенное время перекочевал в СССР. В рамках «русской акции» в Праге чешское правительство основало Русскую (с 1927 г. Славянская) библиотеку. Ее базу составили фонды личной библиотеки русского библиографа и литературоведа В.Н. Тукалевского, переданные им в дар ЧСР.

В ЧСР, где правительство оказывало существенную финансовую поддержку русским беженцам, сложились крупнейшие эмигрантские архивные и музейные собрания. 17 и 19 февраля 1923 г. постановлением комитета Земгора был образован *Русский заграничный исторический архив*, как учреждение при культурно-просветительном отделе пражского Земгора в составе его библиотеки, но финансирование осуществляло МИД Чехословакии. Своей задачей Архив русской эмиграции провозгласил собирание, хранение, систематизацию и научную обработку материалов по истории России и входящих в нее народов при соблюдении «аполитично-объективного» принципа деятельности архива, «в строго научных рамках, далеких от какой-либо партийности»[81]. Для ее осуществления было сделано сообщение об образовании Архива российской эмиграции в эмигрантских газетах и журналах в Праге, Берлине, Белграде, разослана информация правлениям эмигрантских российских организаций, осуществлена их регистрация. Видные российские общественные и политические деятели получили письма с ходатайствами о возможности получения или приобретения их архивов. Были сделаны попытки выявления сведений о наличии исторических документов. Многие газеты и журналы эмигрантских организаций включили архив в список учреждений, которым высылались обязательные экземпляры издаваемых материалов. Эффективную работу вели постоянные корреспонденты и представители архива в Европе, Азии, Африке, Америке, всего в 44 странах, где проживали эмигранты из России.

В 1924 г. было разработано положение об архиве, который переименовали в Русский заграничный исторический архив в Праге.

---

[81] *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 20,25.

Со временем (к концу 1925 г.) были сформированы органы управления архива.

Во главе стоял Совет, который выбирал управляющего (позднее директора) архива. Первому управляющему архивом В.Я. Гуревичу удалось привлечь в Совет ряд членов Академического союза во главе с проф. А.А. Кизеветтером, общественных деятелей: Е.Ф. Шмурло, П.Б. Струве, В.А. Мякотина, А.В. Флоровского, Милюкова, Я. Славика и др. Ученая комиссия выполняла экспертные функции, давала заключения по вопросам предоставления документов и печатных изданий для исследовательской работы. С 1929 г. началась издательская деятельность архива.

РЗИА удалось собрать почти полную коллекцию книг и брошюр по вопросам политики, идеологии, быта российской эмиграции, сосредоточить газеты и журналы с 1918 по 1945 г., значительную долю материалов, выходивших на территории России (особенно в период революции 1917 г. и гражданской войны). В 1931 г. архив приступил к собиранию литературных архивов, т. е. личных архивов писателей и литературных объединений.

В 1933 г. более половины (65 %) всех документов поступило в архив бесплатно, преимущественно от ликвидированных эмигрантских учреждений и организаций. После ухудшения положения эмигрантов с середины 1930-х гг. приток личных документов в архив увеличился. Их продавали, отдавали на хранение, часто оговаривая условия использования. Правда, примерно треть материалов браковалось, ибо за границей оказалось много фальшивок.

В РЗИА были созданы книжно-журнальный, газетный отделы, отдел печатных изданий, отдел документов. Свое собрание архив оценивал как «Русскую книжную палату» за рубежом[82]. Здесь сосредоточились сведения о деятельности академических организаций, студенчества, церкви, воинских формирований, информация о быте и материальном положении эмигрантов и т. д. В 1924 г. РЗИА занимал две комнаты в Тосканском дворце и при переезде на Малую Страну его материалы уместились на одной подводе. После ряда перемещений архив вернулся во дворец уже на 80 возах.

---

[82] РЗИА при МИД Чехословацкой республики в 1936 г. – Прага, 1936. С. 12.

31 марта 1928 г. был подписан акт о передаче РЗИА Министерству иностранных дел Чехословакии. Общее руководство, надзор и контроль за управлением архивом было возложено на уполномоченного МИД ЧСР проф. Славика, специалиста по новейшей российской истории, который с 1934 г. стал его директором. Управляющим архивом являлся до декабря 1934 г. В.Г. Архангельский. В 1935 г. в результате трений между МИД ЧСР и руководством РЗИА архив потерял свою самостоятельность в решении финансовых и кадровых вопросов, а также связанных с допуском исследователей к документам. МИД настаивал, чтобы официальным языком для служащих был чешский.

В 1938 г. в связи с угрозой германской агрессии Министерство иностранных дел Чехословакии сократило материальную помощь и распорядилось прекратить покупку документов, книг, журналов, газет. Совет архива обратился к своим представителям в США, к отдельным американским историкам, знакомым с фондами архива, с просьбой оказать материальную поддержку: «Можно по-разному относиться к происшедшему в России, но едва ли кто станет оспаривать, что русская революция определяет собой целую историческую эпоху, и изучение событий, с ней связанных, имеет международное значение»[83].

После гитлеровской оккупации чешских земель положение РЗИА ухудшилось. 22 марта 1939 г. архив находился в ведении нацистского Министерства внутренних дел. Произошла смена руководства архива. Кроме оплаты содержания служащих, никаких средств на нужды архива не отпускалось. Архив пополнялся документами ликвидируемых казачьих организаций (отдел Донского архива). В июне 1939 г. представители Колумбийского и Бостонского университетов США пытались вести переговоры о возможности покупки архива, но безуспешно.

Во время войны часть архива, связанная с военной историей, была передана в Германию. После окончания Второй мировой войны 13 июня 1945 г. правительство Чехословакии приняло постановление о передаче РЗИА в Праге Академии наук СССР. Девять вагонов документов было отправлено в Москву (350 тыс.

[83] Цит. по: *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 27.

дел). Сотрудники архива (состав их был чисто эмигрантский) частью были вывезены также в Советский Союз, частью оставлены в Чехословакии, некоторые выехали в страны Европы и Америки.

Фонды бывшего РЗИА в 1987 г. были рассекречены, а в 1988 г. выделены в специальное хранилище Государственного архива РФ и являются наиболее полными собраниями материалов по истории российской эмиграции «первой волны».

Задачу предотвращения денационализации русской эмиграции, а также сохранения ее культурных ценностей решал *Русский культурно-исторический музей*. Он зародился на том этапе существования эмиграции, когда стало понятно, что пребывание вне родины затягивается, и возвращение в Россию откладывается на неопределенное время. Уже созданные эмигрантской общественностью научно-просветительские учреждения не вобрали в себя целый пласт материалов, отражающих богатейшее прошлое и настоящее русской культуры. Новый музей призван был заполнить этот пробел. К середине 1930-х гг. эмиграция накопила свой культурно-исторический материал, требующий обобщения, подведения итогов, способный проиллюстрировать ее жизнь и творчество. Учитывая, что за пределами России оказались значительные интеллектуальные и культурные силы, эмигрантский опыт мог стать просто бесценным, в том числе для иностранцев, которые плохо знали русскую культуру. Д.П. Святополк-Мирский писал из Лондона 12 мая 1922 г. К.И. Чуковскому: «…русские люди здесь очень мало на что способны экономически, а англичане совсем не так уж интересуются русской культурой, как могло бы казаться»[84].

Вопрос о пропаганде русского искусства, с которым западный зритель был слабо знаком, поднимался Н.К. Рерихом еще в 1906 г. Его идея получила воплощение лишь с открытием Русского культурно-исторического музея в 1935 г. в Праге. Инициатором его создания стал В.Ф. Булгаков[85]. Впоследствии он говорил:

[84] Русская литература. 1996. № 1. С. 241.

[85] Валентин Федорович Булгаков до высылки из России в 1923 г., будучи секретарем Л.Н. Толстого в последний период жизни писателя, приложил немало сил для создания музея Толстого в Москве, исполнял обязанности заведующего финансовой частью мемориальных музеев Москвы (Государственного музея и дома-музея

«…мы основали в Праге Русский культурно-исторический музей, по существу – Музей русской эмиграции, задачей которого является собрать и сохранить плоды творческой работы и памятников жизни и истории русской эмиграции»[86].

Русский культурно-исторический музей создавался при Русском Свободном университете. В лице его ректора М.М. Новикова Булгаков нашел единомышленника. Статус музея был определен на совещаниях инициативной группы: он носил временный характер, и в будущем после изменения политического строя в России его коллекции предполагалось перенести на родину. В своих воспоминаниях Новиков писал, что обратился за помощью к испытанному меценату, канцлеру Шамалю, который предоставил из средств Канцелярии президента Чехословакии 3 тыс. крон, а Пражский Художественно-промышленный музей обещал дать свои старые шкафы и витрины[87]. Тем временем Булгаков отправился по Европе с целью сбора материалов для музея. Ему удалось (как за деньги, так и бесплатно) добыть ряд интересных экспонатов[88].

Выдающиеся техники – Г.Г. Кривошеин и И.И. Сикорский – прислали свои чертежи; от Шагала, Германовой, Лифаря поступили портреты, костюмы, предметы театрального реквизита; кто-то пожертвовал чашку, из которой пил Толстой, бокал с гербом Лермонтовых, коллекцию старинных миниатюр и камней. Впоследствии к музею примкнуло особое отделение, созданное пражским объединением русских архитекторов и, где сконцентрировались многочисленные проекты и фотографии зданий, возведенных за границей нашими соотечественниками.

С большими трудностями пришлось столкнуться при поиске помещения для музея. Чехословацкое правительство пришло на помощь. Крамарж дал рекомендацию к своему приятелю и политическому однопартийцу К. Бартонь-Добенину, крупному промыш-

---

Л.Н. Толстого, музея А.П. Чехова, музея-квартиры А.Н. Скрябина и дома-музея П.И. Чайковского в Клину).

[86] Цит. по: *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. – М., 1993. С. 14.

[87] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. – Нью-Йорк, 1952. С. 356.

[88] Подробнее см.: *Булгаков В.Ф.* Встречи с прошлым. – Л., 1969.

леннику, владельцу огромного замка, расположенного в нескольких километрах от Праги. Его исторический дворец, который был заложен еще в XII в. как охотничий замок чешских королей, а потом многократно переделывался и расширялся, был, в свое время, местом пребывания католического монастыря, а потом сахарным заводом. Новый владелец умело восстановил замок в прежнем виде, реставрировал прекрасные фрески на его сводчатых потолках. Из 200 комнат владельцами была занята небольшая часть. Замок подошел для музея как нельзя лучше. Он располагался посреди большого парка, в отдалении от проезжих дорог и жилых домов, здесь не было пыли, а его старинные залы с громадными окнами, дававшими массу света, были исключительно удобны для развешивания картин.

Музей задумывался как своеобразная летопись жизни и быта эмиграции, но постепенно пришло осознание, что он должен отразить и многовековую историю России. Поэтому Музей русской эмиграции был переименован в Русский культурно-исторический музей. 29 сентября 1935 г. состоялось его торжественное открытие. С речами выступили ректор Русского Свободного университета Новиков и Булгаков. Бартонь-Добенину вручили диплом почетного члена музея в знак признания заслуг в деле развития музея.

Музей состоял из 6 отделений: художественное, историческое, культурно-историческое, отделение русской старины, библиотеку, архив. Основная масса материалов была собрана в Европе и лишь небольшая их часть касалась восточной ветви эмиграции.

Постепенно росло число посетителей музея. Так, за первые три года с его экспонатами смогли познакомиться около 5000 человек[89], а за один 1943 г. – 2500[90]. Выставочная деятельность музея из-за нехватки организационных сил не получила распространения. В 1936 г. было проведено две выставки: одна посвящена И.Е. Репину, другая – В.И. Немировичу-Данченко. Обе они пользовались заслуженным успехом и нашли положительную оценку в прессе.

[89] 6 тыс. по данным кн. «Русское искусство за рубежом» / Сост. Булгаков и Юпатов. – Прага–Рига, 1938. С. 25.

[90] *Докашева Е.С.* Указ. соч. С. 63.

После оккупации Чехословакии немецкими войсками директор музея Булгаков был арестован, т. к. имел советский паспорт. Чешское управление текстильной промышленности потребовало освободить часть помещений, где располагались коллекции музея. В 1944 г. РКИМ был закрыт. В 1945 г. часть музейных коллекций отправили в Москву в составе РЗИА. В дальнейшем его фонды вошли в состав различных московских музеев и архивов.

После войны русские музеи и архивы за рубежом стали закрываться, а их фонды перекочевывать в СССР, США и некоторые другие страны. Амстердамский Международный институт социальной истории (МИСИ), созданный по инициативе профессора Н.В. Постхумуса в 1935 г., расширил свою программу и создал отдел русского пореволюционного рассеяния. В США сформировалась сеть музеев, архивных фондов, сосредоточивших документы, экспонаты, мемуары, книги, газеты, целые библиотеки, содержащие сведения о деятельности российской эмиграции. Так, американский предприниматель и меценат Ч. Крейн предложил в дар Гарвардскому университету 18 колоколов и звонов из Данилова монастыря. Он выкупил их у советского правительства осенью 1930 г. с тем, чтобы не допустить переплавки для нужд индустриализации. В 2007 г. колокола вернулись на родину.

Исключительным явлением в эмигрантской жизни стало создание в Белграде культурного центра, объединившего под своей крышей учебные, научные и культурно-просветительские учреждения. Им стал Русский дом им. императора Николая II. Его строительство и открытие (9 апреля 1933 г.) состоялось при посредничестве короля Александра I Карагеоргиевича, сербского патриарха Варнавы, председателя Комитета по делам русской культуры академика А. Белича, сербских и русских благотворительных организаций и частных лиц. В комфортабельном просторном здании, возведенном по проекту русского архитектора В.Ф. Баумгартена, разместились Русский научный институт, Русская публичная библиотека и архив, Музеи императора Николая II и русской кавалерии, русская начальная школа, мужская и женская русско-сербские гимназии, Русское музыкальное общество, Союз русских художников, издательство «Издательская комиссия», Государственная комиссия по делам русских беженцев, концертно-театральный зал, читальни, выставочные салоны, гим-

настический зал, преображавшийся в воскресные дни в домовую церковь. Ставшая на рубеже 1920–1930-х гг. в полный рост задача развития национальной эмигрантской культуры могла реализовываться на югославской земле, т. к. в других странах программы помощи русским беженцам стали сворачиваться. Объединив всю просветительскую и творческую деятельность русских в Югославии, Русский Дом явился ее центром.

Сохраняемая Зарубежьем русская культура имела мировой резонанс. Ее триумфальному шествию положил начало балет (еще с дягилевских «русских сезонов»). За границей сохранили больше балетов Фокина, чем в России. Многие страны получили русскую классику из рук англичан, а национальный английский балет начался с Дягилева. Русская музыка и пение подчиняли своей чарующей власти весь мир. Продолжал жить русский театр. Он привлек русских художников, чья слава росла на эмигрантских подмостках. Немногим художникам удавалось удержаться в рамках «чистого искусства». «Прикладная» работа приносила больше дохода. Значительный след оставила деятельность архитекторов – материальное и одновременно духовное наследие родины, пересаженное на новую почву. Именно благодаря эмиграции, шло распространение русской культуры в мире.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дайте определение, что такое «денационализация» в культурном смысле.
2. Что такое «национальное самосознание»?
3. Обоснуйте наличие в эмиграции «системы» национального образования?
4. Определите сферы культурной деятельности русской эмиграции.
5. Дайте характеристику самого яркого, с Вашей точки зрения, проявления культурной деятельности эмиграции.
6. Личность в культуре (примеры по предпочтениям).
7. Крупнейшие музейные собрания Зарубежной России.
8. Крупнейшие архивы Зарубежной России.
9. Крупнейшие библиотечные собрания Зарубежной России.

Итоговые контрольные вопросы по курсу **«Российское Зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории»**

1. Изучение истории русской эмиграции в 20-е – 80-е гг. XX в.
2. Изучение истории русской эмиграции в 1990-е – 2000-е гг.
3. Основные направления в современной историографии истории российской эмиграции.
4. Зарубежная историография российской эмиграции.
5. Причины исхода из России после 1917 г.
6. Особенности формирования основных центров русской эмиграции.
7. Русская эмиграция в приграничных странах: особенности, динамика адаптации.
8. Русская эмиграция во Франции.
9. Русская эмиграция в Германии.
10. Русская эмиграция в ЧСР.
11. Русская эмиграция на Балканах.
12. Русская эмиграция в Китае.
13. Русская эмиграция в США.
14. Русская эмиграция в Австралии.
15. Правовое положение русской эмиграции.
16. Становление, организация и деятельность заграничных политических групп.
17. Самоорганизация и институциализация российской эмиграции.
18. Судьба РПЦ в эмиграции.
19. Становление, структура и деятельность русских эмигрантских воинских организаций.
20. Историческая мысль Зарубежной России.
21. Культура русской эмиграции: масштаб, роль, особенности.
22. Литературная жизнь русского Зарубежья.
23. Философско-религиозная мысль Зарубежной России.
24. Научная эмиграция: особенности организации, творчества и адаптации.
25. Система национального образования Зарубежной России.
26. Проблема сохранения исторической памяти в Зарубежной России.

СПИСОК РЕКОМЕНДУМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Документальные публикации

1. Документы внешней политики СССР. – М., 1958–1965. Т. 2–10.
2. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы, 1900–1925 гг.: в 3 т. – М., 1998–1999. Т. 3, ч. 1 – 957 с.; ч. 2. – 1054 с.
3. Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: документы и материалы: учеб. пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999. – 776 с.
4. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии 1905 – сер. 1930-х гг.: в 6 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 1996–1998. Т. 4–6.
5. Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы / Сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. – М., 2006. – 848 с.
6. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: док. и материалы. – М., 1998–2007. Т. 1–4.
7. Русская школа за рубежом: исторический опыт 20-х годов: сборник документов. – М., 1995. – 350 с.
8. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сб. документов и материалов / Сост., публ., введение, прим., биографич. коммент., именной указ. З.С. Бочарова. – М., 2004. – 400 с.
9. Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. – 422 с.

Мемуары

1. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. – М., 1969. – 374 с.
2. *Вишняк М.* Годы эмиграции. Стэнфорд, 1970. – 412 с.
3. *Гессен И.В.* Годы изгнания. Париж, 1979. – 268 с.
4. *Гуль Р.* Я унес Россию: Антология эмиграции. Т. 1–3. – М., 2001.

5. *Евлогий митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митр. Евлогий. – М., 1994. – 621 с.
6. *Любимов Л.Д.* На чужбине. – М., 1963. – 414 с.
7. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: записки эмигранта. – М., 1966. – 302 с.
8. *Набоков В.В.* Другие берега. – Нью-Йорк, 1954. – 265 с.
9. *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память: мемуары / Сост. Г. Рупчева и др. – София, 1999. – 681 с.
10. *Савич Н.В.* После исхода. Парижский дневник, 1921–1923. – М., 2008. – 568 с.
11. *Сорокин П.* Дальняя дорога. – М., 1992. – 302 с.

Публикации деятелей русского зарубежья

1. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. – Нью-Йорк, 1956. – 387 с.
2. *Даватц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. – Белград, 1926. – 237 с.
3. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная деятельность русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. – 347 с.; Доп. вып. – Париж, 1973. – 147 с.
4. *Милюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. – Париж, 1926. – 136 с.
5. *Парчевский К.К.* По русским углам. Цикл очерков о русской эмиграции во Франции между первой и второй мировыми войнами / Авт. вступ. ст. С.А. Беляев, Б.М. Парчевская. – М., 2002. – 220 с.

Периодическая печать

1. Вестник Русского национального комитета / Под общ. ред. А.В. Карташева. – Париж. 1923. № 1–7; 1924. № 8–10; 1926. № 11.
2. Возрождение: орган русской национальной мысли / Под ред. П. Струве. – Лондон; Париж, 1925–1940.
3. Дни: ежедневная газета / Ред. А.Ф. Керенский. – Берлин; Париж, 1922–1933.
4. Последние новости: ежедн. газ. – Париж, 1920–1940.
5. Русская мысль: ежемес. лит. – полит. изд. под ред. П. Струве. – София; Прага; Париж, 1921–1923/24, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

Учебная

1. *Антошин А.В.* Российская эмиграция: история и современность: Учеб. пособие для студентов вузов. – Екатеринбург, 2006. – 96 с.
2. *Антропов О.К.* История отечественной эмиграции. Учеб. пособие в 2-х кн. – Астрахань, 1996–1999.
3. *Бочарова З.С.* Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е годы. Учеб. пособие. – Уфа, 1998. – 122 с.
4. *Жирков Г.В.* Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920–1940 годы): Учеб. пособие. – СПб., 1998. – 208 с.
5. *Жуков А.Ф.*, *Жукова Л.Н.*` Отечественная история. Российская эмиграция. 1917–1930-е годы: Учеб. пособие. – СПб., 2002. – 64 с.
6. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учеб. пособие / Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб., 2003. – 320 с.
7. *Квакин А.В.* Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции: учеб. – метод. пособие для преподавателей истории. – Тверь, 1994. – 32 с.
8. Литература русского зарубежья (1920–1990): Учеб. пособие / Под ред. А.И. Смирновой. – М., 2006. – 640 с.
9. *Омельченко Н.А.* Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 – начало 1930-х гг.): Учеб. пособие. – М., 1997. – 256 с.
10. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара. – М.: б/и, 1994. – 117 с.
11. *Семочкина Е.И.* История российской эмиграции XX века: Учеб. пособие. – Челябинск, 1998. – 80 с.
12. *Сонин В.В.* Крах белоэмиграции в Китае. Учеб. пособие. – Владивосток, 1987. – 84 с.
13. *Суяров А.В.* Печать русского зарубежья (1920–1940): Учеб. пособие для студентов факультета журналистики / МГУ. – М., 2005. – 46 с.

Научная

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая пол. XX в.). – М., 2005. – 431 с.
2. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008. – 268 с.
3. *Афанасьев А.Л.* Полынь в чужих полях. – М., 1984. – 285 с.
4. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2 изд. – СПб., 2008. – 468 с.
5. *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2005. – 251 с.
6. *Горячкин Г.В.* Русская Александрия: Судьбы эмиграции. – М., 2010. – 324 с.
7. *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001. – 216 с.
8. Зарубежная архивная Россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. – М.: б/и, 2001. – 254 с.
9. *Невалайнен П.* Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917–1939). – СПб., 2003. – 365 с.
10. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М., 2004. – 376 с.
11. *Ипполитов С.С.*, *Недбаевский В.М.*, *Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. – М., 1999. – 208 с.
12. *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М., 1997. – 413 с.
13. *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. – М., 2002. – 168 с.
14. *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы. – М., 2008. – 312 с.
15. *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). – Харьков, 1998. – 476 с.
16. *Комин В.В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Калинин, 1977. – 119 с.
17. *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М., 2004. – 240 с.

18. *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). – М., 1997. – 151 с.
19. *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. – М., 1995. – 67 с.
20. Культура Российского Зарубежья. – М., 1995. – 219 с.
21. Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сб. ст. / Отв. ред. Э.А. Шулепова. – М., 1999. – 197 с.
22. Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 1–2. – М., 1994.
23. Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. – М., 2003. – 464 с.
24. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Изд. 2-е, испр. – М., 1994. Т. 1. – 416 с.
25. Нансеновский чтения 2007–2009. – СПб., 2008–2010.
26. Наука и культура Русского Зарубежья. – СПб., 1997. – 309 с.
27. *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М., 2005. – 421 с.
28. *Паклин Н.А.* Русские в Италии. – М., 1990. – 285 с.
29. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992. – 400 с.
30. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. – М., 2004. – 352 с.
31. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2006. – 354 с.
32. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М., 1994. – 293 с.
33. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. Сб. науч. ст. – М., 2001. – 228 с.
34. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Сб. науч. ст. к 30-летию начала научно-педагогич. деятельности проф. А.В. Квакина. – М., 2005. – 304 с.
35. Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. – 184 с.
36. Российское Зарубежье: история и современность / Под ред. А.В. Квакина и др. – М., 1998. – 295 с.
37. Россика в США: Сб. ст. – М., 2001. – 446 с.

38. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999. – 458 с.
39. Россия и Италия. Сб. ст. – М., 1998. Вып. 3: XX в. – 373 с.; Вып. 5. – М., 2003. – 334 с.
40. Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. Кн. 1–2. – Владивосток, 1997–1999.
41. *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний… Русские в австралийской истории. – М., 1991. – 192 с.
42. Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – 350 с.
43. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: (Материалы международной конференции, Прага, 14–15 августа 1995 г.). Сб. докладов. – Прага, 1995. Ч. 1–2. – 990 с.
44. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000. – 495 с.
45. Русские в Болгарии. – София, 1999. – 175 с.
46. Русское зарубежье в Латинской Америке. Сб. ст. – М., 1993. – 80 с.
47. *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006. – 464 с.
48. *Савицкий И.* Прага и Зарубежная Россия. (Очерки по истории русской эмиграции, 1918–1938 гг.). – Прага, 2002. – 151 с.
49. *Свириденко Ю.П.*, *Ершов В.Ф.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. – М., 2000. – 198 с.
50. *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике, 20–30 гг. – М., 1995. – 196 с.
51. *Соничева Н.Е.* На чужом берегу (к истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). – М., 1991. – 63 с.
52. *Стефан Дж.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. – М., 1992. – 441 с.
53. *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идейно-политические взгляды российской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. – СПб., 2004. – 352 с.
54. *Хитрова Е.В.* Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М., 2001. Вып. 4. С. 257–281.
55. Художественная культура русского зарубежья 1917–1939. Сб. ст. / Отв. ред. Г.И. Вздорнов. – М., 2008. – 480 с.

56. *Шатилов А.Б.* Эмигранты из России в Австралии в 20–30-е годы // Славяноведение. 1997. № 5. С. 67–80.
57. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. – М., 1987. – 236 с.

Библиографические пособия

1. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. Т. 3. – М., 2004. – 640 с.
2. Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1981–1995: Сводный указатель статей / Под ред. Т.Л. Гладковой и Т.А. Осоргиной. Пред. М. Раева. – М., 2005. – 348 с.
3. Русское зарубежье. 1917–1994. Каталог изданий из фондов Архива Русского Зарубежья / Сост. и предисл. Г.А. Толстых. Вып. 1. – М., 1992. – 205 с.; Вып. 2. – М., 2002. – 239 с.
4. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М., 1999. – 464 с.

Справочные материалы

1. *Косик В.И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. – М., 2008. – 408 с.
2. Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 1–2. – М., 2000.
3. Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1997. – М., 1999–2005. Т. 1–6.
4. Русская эмиграция, 1920–1930-гг.: альманах. – Белград, 1931. Вып. 1. – 96 с.; Вып. 2. – 80 с.
5. Русские в Праге, 1918–1928 гг. / Ред. – изд. С.П. Постников. – Прага, 1928. – 343 с.

6. Русские во Франции: справочник / Под ред. В.Ф. Зеелера. – Париж, 1937. – 86 с.
7. Русский альманах: Справочник / Ред. В.А. Оболенский, Б.М. Сарач. – Париж, 1931. – 463 с.
8. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.; Paris, 1993–1995. Т. 1. – 630 с.
9. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. – М., 1996. – 742 с.
10. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т.Ф. Павлова. – М., 1999. – 671 с.

Зоя Сергеевна Бочарова

Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории.
Учебное пособие

В оформлении обложки использован кадр из фильма «Служили два товарища» (режиссер Е. Карелов, 1968 г.)

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022152-3

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 25.03.2011
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 19,0
Тираж 500 экз. Зак.

Отпечатано в типографии «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru